КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАЙ

1899 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXV.

МАЙ.

1899 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., д. № 4-й.
1899.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 4 мая 1899 года.

Кіевское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета по устройству *XI-го Археологическаго Съѣзда*, имѣющаго быть въ Кіевѣ съ 1-го по 20-е августа текущаго года, объявляетъ, что лица, желающія записываться въ члены Съѣзда, могутъ получать, по уплатѣ 4-хъ рублей, членскіе билеты у казначея Комитета *И. М. Каманина*, ежедневно, отъ 1 до 3-хъ часовъ по-полудни, въ *Университетѣ*, помѣщеніи *Центральнаго Архива*.

Иногороднымъ, по доставкѣ ими (по адресу: *Кіевъ, Университетъ, Отдѣленіе Предварительнаго Комитета по устройству Археологическаго Съѣзда*) членскаго четырехрублеваго взноса, билеты немедлено высылаются по почтѣ.

Харьковскій университетъ въ первые годы своего существованія.

(Проф. Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета. По неизданнымъ матеріаламъ. Томъ 1. 1802—1815 г. Харьковъ. 1893—1898).

18 января 1805 г. Харьковскому университету предстоитъ праздновать столѣтіе своего существованія. На долю профессора русской исторіи въ этомъ университетѣ Д. И. Багалѣя выпала трудная задача подвести итоги прошлому этого учрежденія. Въ истекшемъ году Д. И. Багалѣй окончилъ 1-й томъ своего труда, заключающій въ себѣ исторію возникновенія Харьковскаго университета и первыхъ десяти лѣтъ его жизни. Исторія *перваго* университета на югѣ Россіи представляетъ огромный интересъ. Возникшій въ глухомъ провинціальномъ городѣ, благодаря энергіи *одного* человѣка (В. Н. Каразина), который хотя и нашелъ сочувствующихъ его идеѣ людей, но долженъ былъ употребить необыкновенныя усилія для осуществленія этой идеи, Харьковскій университетъ долго былъ единственнымъ научнымъ центромъ и для Слободской Украины, и для Новороссіи, и для Малороссіи[1]. Д. И. Багалѣй широко понялъ свою задачу. На ряду съ исторіей университета въ тѣсномъ смыслѣ слова онъ старается нарисовать картину жизни тогдашняго мѣстнаго общества и прослѣдить то взаимодѣйствіе, которое

[1] Кіевская академія въ началѣ истекающаго столѣтія пріобрѣла уже характеръ спеціальнаго духовно-учебнаго заведенія.

оказывали другъ на друга университетъ и общество. Книга г. Багалѣя основана главнымъ образомъ на архивномъ матеріалѣ. Со свойственной ему пунктуальностью авторъ старается всякое свое положеніе подтвердить выписками, иногда очень обширными, изъ источниковъ. Это обстоятельство въ связи съ широкой постановкой вопроса, данной ему почтеннымъ ученымъ, сильно отразилось на объемѣ книги (она заключаетъ болѣе 1200 стр. большого формата) и сдѣлало ее малодоступной для широкой публики. Въ виду этого, равно какъ и въ виду интереса самой темы, мы рѣшились ознакомить нашихъ читателей, поскольку позволяютъ размѣры журнальной статьи, съ содержаніемъ труда нашего уважаемаго сотрудника.

Во второй половинѣ XVIII ст. жизнь Слободской Украины едва только начала укладываться въ рамки обще-государственнаго гражданскаго быта. Еще недалеко было то время, когда въ краѣ шло броженіе, вызванное колонизаціей степныхъ пространствъ, когда новымъ поселенцамъ приходилось съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свое имущество и даже жизнь. Но нельзя сказать, чтобы у жителей этого „новаго“ края не было своихъ традицій; правда, традиціи эти были не мѣстныя, онѣ были принесены колонистами съ ихъ старой родины—Приднѣпровья. Оттуда вынесли они и уваженіе къ просвѣщенію и тѣсную связь между носителями этого просвѣщенія—представителями духовенства и свѣтскимъ обществомъ. Перенесена сюда была и та школа, полу-церковная, полу-свѣтская, которая дала въ свое время не мало образованныхъ по тогдашнему людей. Слободская Украина скоро покрылась сѣтью элементарныхъ школъ; возникли здѣсь и школы высшаго типа, какъ напр. школа въ с. Новыхъ Водолагахъ и извѣстный Харьковскій коллегіумъ, основанный епископомъ Епифаніемъ Тихорскимъ въ 1726 г. и во второй половинѣ столѣтія достигшій значительнаго развитія—число воспитанниковъ его доходило до 700—800 человѣкъ. Это не было спеціально духовное учебное заведеніе: на ряду съ богословскими здѣсь преподавались и свѣтскіе предметы, на ряду съ

дѣтями духовенства здѣсь учились и дѣти представителей всѣхъ классовъ мѣстнаго общества. Изъ этого коллегіума выходили и тѣ домашніе учителя, которые разносили просвѣщеніе по захолустьямъ Слободской Украины. Типъ странствующаго учителя—„мандрованнаго дьяка", выросшій на берегахъ Днѣпра, перенесенъ былъ и сюда. Но высшій слой мѣстнаго населенія—козацкая старшина—еще въ XVIII в. чувствовалъ потребность въ свѣтскихъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ. Такъ, еще въ 60-хъ гг. этого столѣтія среди сумскихъ дворянъ является мысль объ учрежденіи въ Сумахъ университета. Правда, проектъ этотъ такъ и остался проектомъ, за то въ 1768 г. при коллегіумѣ учреждены были для дѣтей свѣтскихъ лицъ „прибавочные классы", присоединенные въ 1798 г. къ вновь учрежденному въ Харьковѣ главному народному училищу. Въ то же время учреждены были малыя народныя училища въ Ахтыркѣ, Сумахъ, Изюмѣ, Богодуховѣ, Валкахъ и Острогожскѣ.

Кромѣ козацкой старшины въ составъ высшаго слоя мѣстнаго общества вошелъ еще иной элементъ. Въ Слободской Украинѣ осѣлось не мало помѣщиковъ изъ великороссовъ и даже изъ иностранцевъ. Они внесли въ мѣстную культурную жизнь новую струю—отраженіе того теченія въ русскомъ обществѣ второй половины XVIII в., которое началось подъ вліяніемъ просвѣтительнаго движенія въ Западной Европѣ. Къ числу такихъ помѣщиковъ принадлежалъ А. А. Палицынъ, создавшій въ Сумскомъ уѣздѣ цѣлый литературный кружокъ.

Такимъ образомъ стремленіе къ просвѣщенію въ Слободской Украинѣ было, въ средѣ мѣстнаго общества были элементы, готовые содѣйствовать созданію въ Харьковѣ просвѣтительнаго центра: учесть эти элементы очень трудно, но нужно признать, что они все таки не были настолько многочисленны, чтобы созданіе такого центра было дѣломъ легкимъ. Нужно было сгруппировать всѣ эти элементы, направить всѣ благопріятныя теченія въ одно русло, преодолѣть возникавшія на каждомъ шагу препятствія,—все это представляло задачу, для разрѣшенія которой требовалось много иниціативы, умѣнья при-

влекать и возбуждать людей и незаурядной настойчивости. Къ счастью для харьковцевъ въ лицѣ В. Н. Каразина нашелся человѣкъ, совмѣщавшій въ себѣ эти качества.

Поводомъ къ возникновенію вопроса объ учрежденіи въ Харьковѣ университета послужили два обстоятельства.

Еще въ въ 1801 г. имп. Александръ I въ рескриптѣ на имя Слободско-Украинскаго губернатора извѣстилъ его о своемъ намѣреніи учредить въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Харьковѣ, дворянскія военныя училища и предложилъ ему обратиться къ мѣстному дворянству съ приглашеніемъ оказать матеріальное содѣйствіе къ устройству новаго заведенія, избѣгая, впрочемъ, какихъ бы то ни было принудительныхъ мѣръ. Слободско-Украинское дворянство въ общемъ отнеслось къ проекту сочувственно и ассигновало на учрежденіе училища 100,000 руб. Но прежде чѣмъ проектъ этотъ осуществился произошло новое событіе, измѣнившее назначеніе пожертвованной суммы.

29 декабря 1801 г. государь особою грамотой подтвердилъ права и привилегіи слободско-украинскаго дворянства. Естественно, что среди представителей этого дворянства, очень обрадованнаго царскою милостью, явилась мысль ознаменовать это событіе пожертвованіемъ нѣкоторой суммы на какое-нибудь общеполезное дѣло. Возникли предположенія объ устройствѣ въ Харьковѣ больницы, дворянскаго пансіона при училищахъ или даже просто о пожертвованіи въ пользу бѣдныхъ. Между тѣмъ у Каразина, стоявшаго въ то время близко къ государю и много способствовавшаго дарованію Слободско-Украинскому дворянству упомянутой выше грамоты (благодаря чему онъ пріобрѣлъ большую популярность и авторитетность среди этого дворянства), явился грандіозный планъ учрежденія въ Харьковѣ университета, который „былъ бы образованъ лучше Московскаго и достоинъ бы называться средоточіемъ просвѣщенія полуденной Россіи“. Со свойственной ему горячностью и стремительностью Каразинъ сообщилъ эту мысль государю, и она получила Высочайшее одобреніе. Тогда Каразинъ вступилъ въ пе-

реписку по этому вопросу съ Слободско-Украинскимъ губ. предводителемъ дворянства В. М. Донцомъ-Захаржевскимъ и вліятельнымъ мѣстнымъ помѣщикомъ Г. Р. Шидловскимъ, которыхъ и успѣлъ склонить на свою сторону. При ихъ содѣйствіи въ августѣ 1802 г. состоялся въ Харьковѣ съѣздъ дворянъ. На частномъ собраніи рѣшено было внести съ дворянскихъ имѣній на учрежденіе университета 1,000,000 руб. Впрочемъ, на общемъ собраніи дворянъ 30 августа пожертвованіе было установлено въ размѣрѣ 400,000 р. и то не безъ оппозиціи. Каразину пришлось употребить всѣ усилія, чтобы сломить эту оппозицію. Онъ произнесъ горячую рѣчь, въ которой, описавъ самыми яркими красками богатую природу Слободской Украины и природные таланты ея обитателей, выражалъ надежду, что „науки и художества водворятся въ нашей отчизнѣ; онѣ почтутъ ее своею собственною; онѣ воспомянутъ священную для нихъ Грецію, которая первоначально передала ихъ полуденному краю Россіи въ то время, когда прочая Европа утопала еще въ невѣжествѣ и варварски лила кровь народовъ". Харьковская губернія, по словамъ Каразина, могла быть для Россіи тѣмъ же, чѣмъ были Аѳины для Греціи. „Отъ насъ имперія, говорилъ онъ, будетъ заимствовать златоустыхъ наставниковъ въ словѣ Божіемъ и правахъ, мы дадимъ ей просвѣщенныхъ изъяснителей воли царской; мы посадимъ мудрость въ судахъ; купцы, желающіе отличиться въ промыслѣ своемъ и быть достойными совмѣстниками иностранныхъ, придутъ почерпать у насъ познанія; изыдутъ витіи, стихотворцы прославятъ добродѣтель и благословенное нынѣшнее правленіе; мы доставимъ воспитателей россійскому юношеству; мы умножимъ число врачей, которыхъ одно приближеніе къ одру страждущаго дастъ надежду и отраду; ученые, измѣряющіе теченіе свѣтилъ небесныхъ и силу природы, у насъ будутъ образовываться". Наконецъ Каразинъ каялся передъ дворянствомъ въ томъ, что превысилъ свои полномочія и объявилъ уже государю о желаніи харьковскихъ дворянъ сдѣлать пожертвованіе на университетъ, на что государь выразилъ ему свое удовольствіе. Вмѣстѣ съ

тѣмъ прочитано было и „Предначертаніе" Каразина о Харьковскомъ университетѣ. По этому предначертанію вмѣсто обычныхъ 4 факультетовъ проектировалось 9 отдѣленій: 1) общихъ познаній, 2) пріятныхъ искусствъ, 3) богословское, 4) гражданскихъ познаній, 5) военныхъ познаній, 6) врачебныхъ познаній, 7) гражданскихъ искусствъ, 8) отдѣленіе учености, 9) изящныхъ художествъ; сверхъ того для низшихъ классовъ—училище сельскаго домоводства и школа ремеслъ и рукодѣлій. Самъ Каразинъ понималъ, что проектируемое имъ учебное заведеніе не подходитъ подъ обычный типъ университета и въ составленной для министерства народнаго просвѣщенія объяснительной запискѣ доказывалъ, что Россія находится въ такомъ счастливомъ положеніи, что ей удобнѣе создать новое, чѣмъ исправлять старое; этимъ правиломъ нужно руководствоваться и въ дѣлѣ устроенія университетовъ, ей не зачѣмъ заимствовать готовые образцы съ запада, тѣмъ болѣе, что и тамъ они отжили уже свой вѣкъ. Приношеніе Слободско-Украинской губерніей 70,000 р. ежегоднаго дохода доказываетъ, что просвѣщеніе въ ней распространено достаточно, чтобы поддерживать нѣсколько спеціальныхъ высшихъ училищъ, собраніе которыхъ въ одно цѣлое онъ и назвалъ университетомъ, „чтобъ не придумывать другого названія". При университетѣ предполагались ученыя общества: „Ихъ могло бы быть нѣсколько родовъ: иногда для бесѣдъ о точныхъ наукахъ, другой разъ для бесѣдъ о нравственныхъ и политическихъ наукахъ, иной разъ о литературѣ и искусствѣ; иногда также для упражненій въ древнихъ языкахъ и вообще для разговоровъ о древностяхъ, наконецъ для бесѣдъ объ изящныхъ художествахъ, о сельскомъ хозяйствѣ и пр." Для помѣщенія этого университета Каразинъ „предполагалъ устроить цѣлый отдѣльный, учебный, такъ сказать, городокъ: въ серединѣ—садъ съ фонтанами; съ четырехъ сторонъ строенія: на фасадной сторонѣ 3 церкви—православная, католическая и лютеранская; на правой сторонѣ учебныя строенія; на лѣвой—жилища для студентовъ и профессоровъ, сообщающіяся съ лекціонными залами крытыми галлереями; на зад-

ней—манежъ, гимнастическія залы и хозяйственныя помѣщенія." Число студентовъ Каразинъ, по словамъ его сына, опредѣлялъ въ 3000. Грандіозные планы требовали для выполненія ихъ и грандіозныхъ средствъ. Но Каразинъ въ своемъ предначертаніи изыскивалъ и ихъ, и притомъ безъ обремененія для государственнаго казначейства. Ежегодно, по проекту, требовалось 200,000 р., которые должны были составиться такъ: „20,000 р., процентовъ съ 400,000 р., пожертвованныхъ харьковскимъ дворянствомъ; 50,000 ежегоднаго сбора съ купечества и гражданства ($1^1/_4$ % съ капиталовъ и половина откупной суммы), 25,000 р., назначенныхъ на содержаніе военнаго училища; 30,000 р. процентовъ съ 600,000 р., которые могутъ пожертвовать сосѣднія губерніи (6 по 100,000 р. каждая), будучи подвинуты на это примѣромъ Харьковской; 75,000 р. ежегоднаго пособія, которое можетъ быть безъ обремененія получено правительствомъ изъ двухъ источниковъ: 50,000 р. составятъ винный откупъ на четвертныхъ земляхъ и доходъ съ оброчныхъ статей Слободско-Украинской губерніи и 25,000 р. процентовъ получится изъ вымороченнаго имущества Кантемировъ". Откуда взять средства для возведенія дорого стоющихъ построекъ—не было указано. Общество, давшее средства для содержанія университета, должно было принимать участіе и въ управленіи имъ. Онъ долженъ былъ находиться въ вѣдѣніи комитета изъ профессоровъ, а во главѣ комитета стоять директоръ, избираемый харьковскимъ дворянствомъ. Кромѣ этого комитета, обязаннаго руководить учебной стороной дѣла, избиралась бы еще дворянствомъ особая коммиссія для завѣдыванія хозяйствомъ. Такимъ образомъ и купечество съ гражданствомъ, и обыватели сосѣднихъ губерній, на которыхъ, по проекту, ложилась не малая часть расходовъ на содержаніе университета, устранялись отъ участія въ управленіи имъ.

И рѣчь, и „предначертаніе" Каразина произвели сильное впечатлѣніе на слушателей,—ассигновка въ 400,000 р. была принята, и Каразину поручено ходатайствовать предъ государемъ о трехъ пунктахъ: 1) чтобы харьковскому дворянству былъ

уплаченъ причитающійся отъ казны за поставленныя въ турецкую войну подводы долгъ въ размѣрѣ 66,910 р., имѣющій войти въ составъ 400,000 р., ассигнованныхъ на устройство университета, 2) чтобы позволено было для ускоренія дѣла занять подъ университетъ недостроенный домъ, предполагавшійся для присутственныхъ мѣстъ, 3) чтобы Высочайше пожалованная 29 дек. 1801 г. подтвердительная грамота была распространена и на тѣхъ землевладѣльцевъ, которыхъ раньше она не коснулась (владѣльцевъ четвертныхъ земель), и тогда они охотно будутъ вносить въ казну откупную сумму.

Еще до собранія губернскій предводитель, извѣщая городского голову Урюпина о предполагаемомъ съѣздѣ дворянъ, выражалъ надежду, что и горожане примутъ участіе въ пожертвованіи. Урюпинъ, лично симпатизировавшій планамъ Каразина, повелъ дѣло такъ, что одновременно съ рѣшеніемъ дворянства городское общество постановило: 1) вносить въ пользу университета въ теченіе 10 лѣтъ сумму, равную государственной подати съ капиталовъ, т. е. $1^1/_4$ %; 2) сумма эта можетъ быть впослѣдствіи увеличена, а кромѣ того болѣе зажиточныя лица изъ купеческаго сословія готовы будутъ и на частные добровольные взносы; 3) ходатайствовать черезъ дворянскаго депутата Каразина передъ государемъ о разрѣшеніи имъ предоставить половину откупной суммы, идущей въ пользу города, на нужды университета; 4) на ту же цѣль ассигновать весь наличный остатокъ этой суммы, накопившійся съ 1781 г.; 5) просить губернатора пригласить къ пожертвованію всѣ уѣздные и заштатные города Харьковской губ., такъ какъ и они несомнѣнно почувствуютъ выгоды отъ расширенія промысловъ и торговли. Вмѣстѣ съ тѣмъ горожане просили объ освобожденіи ихъ отъ постоевъ и постоянныхъ воинскихъ командъ, что очень обременяло ихъ. Опредѣлить сумму пожертвованія харьковскихъ горожанъ трудно, но, по мнѣнію Д. И. Багалѣя, она въ теченіе 10 лѣтъ должна была составить отъ 50 до 70 тысячъ рублей. Включеніе въ протоколъ о пожертвованіи пункта объ обремененіяхъ, причиняемыхъ воинскими командами, вызвало сильный протестъ со стороны

тогдашняго харьков. губернатора Артакова, вообще не сочувствовавшаго дѣлу учрежденія въ Харьковѣ университета. Въ засѣданіи губ. правленія онъ даже кричалъ и угрожалъ городскому головѣ, такъ что послѣдній долженъ былъ внести протестъ объ этомъ въ городскую думу, а затѣмъ жаловаться министру вн. дѣлъ, результатомъ чего было удаленіе губернатора отъ должности. Ходатайство объ освобожденіи отъ постоевъ, хотя и было представлено министромъ вн. дѣлъ государю, но онъ не счелъ возможнымъ удовлетворить его вполнѣ, а только предписалъ военному министру облегчить по возможности эту повинность. Относительно же взноса половины откупной суммы велѣно было ежегодно дѣлать особое опредѣленіе.

Дума обратилась также съ предложеніемъ о пожертвованіи на университетъ къ цеховымъ и мѣщанамъ. И тѣ, и другіе выразили свое сочувствіе дѣлу учрежденія университета, но отъ пожертвованія отказались въ виду того, что они и такъ слишкомъ обременены различными повинностями.

Войсковые обыватели, т. е. потомки бывшихъ слободскихъ козаковъ, уступили безвозмездно въ пользу университета участокъ земли въ 125 дес. по Сумскому шоссе.

Дворянство сосѣднихъ губерній далеко не такъ дружно, какъ думалъ Каразинъ, откликнулось на призывъ харьковскаго, екатеринославское пожертвовало 108,260 р. $12^1/_2$ к. съ разсрочкой на 10 лѣтъ. Херсонское же только въ 1806 г. ассигновало 40,500 р.

Уѣздные города Харьковской губерніи дали единовременно 9921 рублей $50^3/_4$ копѣекъ и обязались въ теченіе 10 лѣтъ вносить по 3148 р. ежегодно. Частные благотворители пожертвовали 9650 рублей.

Общая сумма денежныхъ пожертвованій должна была превысить 658,000 рублей. Такимъ образомъ сумма эта оказалась много меньше той, на которую разсчитывалъ Каразинъ.

Каразинъ уѣхалъ хлопотать объ учрежденіи университета въ Петербургъ. Но здѣсь его положеніе измѣнилось. Онъ лишился расположенія имп. Александра I, и представить всѣ до-

кументы по дѣлу объ основаніи Харьковскаго университета государю лично ему не удалось. Пришлось передать это дѣло въ главное правленіе училищъ, и только 23 января 1803 года состоялось Высочайшее опредѣленіе объ учрежденіи Харьковскаго университета.

Въ то же время учрежденъ былъ и Харьковскій учебный округъ, обнимавшій почти всю южную Россію. Попечителемъ вновь образованнаго округа былъ назначенъ сенаторъ графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій. Впрочемъ Потоцкій по личнымъ дѣламъ уѣхалъ за границу, а исправленіе своей должности временно передалъ попечителю Петербургскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцеву. Ближайшее же завѣдываніе дѣлами по открытію университета Потоцкій поручилъ назначенному профессоромъ новаго университета И. Ѳ. Тимковскому [1]) и В. Н. Каразину; первому изъ нихъ была поручена и визитація училищъ округа.

Каразинъ отправился въ Харьковъ, гдѣ долженъ былъ заняться приготовленіями къ открытію университета при помощи Тимковскаго и коммиссіи, избранной дворянствомъ. Но такъ какъ Тимковскій оставался пока въ Петербургѣ, а дворянская коммиссія вовсе не была избрана, то Каразинъ въ теченіе нѣкотораго времени оставался единоличнымъ вершителемъ всѣхъ дѣлъ.

Между тѣмъ въ Харьковѣ далеко не все обстояло благополучно. Мы говорили уже, что въ самомъ собраніи дворянства 30 августа нѣкоторые дворяне выступили противъ проекта Каразина. И послѣ того какъ дворянство рѣшило сдѣлать пожертвованіе, часть дворянъ, особенно изюмскій предводитель Капустянскій, доказывали незаконность такого рѣшенія и необязательность его для всѣхъ дворянъ. Капустянскій тормозилъ сборъ денегъ, порученный уѣзднымъ предводителямъ Донцомъ-Захаржевскимъ, и при содѣйствіи сочувствовавшаго ему губернатора Артакова причинилъ Захаржевскому не мало безпокойствъ. Харьковскіе

[1]) Біографія И. Ѳ. Тимковскаго была напечатана Н. В. Шугуровымъ въ VIII—X книжкахъ „Кіев. Старины“ за 1891 г.

враги просвѣщенія ссылались то на бѣдность значительной части дворянства, то на волю государя, который выразилъ желаніе, чтобы сборъ пожертвованій не легъ новымъ бременемъ на крестьянъ. Правда, дѣло о пожертвованіи было рѣшено безповоротно, такъ какъ удостоилось Высочайшаго утвержденія. Въ рескриптахъ изъявлена была монаршая признательность дворянству, лица, оказавшія особыя услуги дѣлу, были награждены чинами и орденами, причемъ харьковскій городской голова, купецъ 3 гильдіи, Урюпинъ получилъ чинъ коллежскаго ассесора, дававшій въ то время дворянство; несочувствовавшій учрежденію университета губернаторъ Артаковъ замѣненъ И. И. Бахтинымъ, отнесшимся къ этому дѣлу совершенно иначе; Капустянскій, дошедшій со своими жалобами и кляузами до самого государя, получилъ Высочайшій выговоръ. Но и при этихъ условіяхъ сборъ пожертвованія оказался труднымъ. Выдача денегъ изъ казны за фуры затянулась. Дворяне не уплачивали во время, а нѣкоторые подъ разными предлогами вовсе отказывались платить. Интересно, что въ числѣ недоимщиковъ были и тѣ, которые подписали протоколъ о пожертвованіи въ милліонъ рублей. Видимо, дворяне уже охладѣли къ дѣлу. Пришлось давать отсрочки, принимать репрессивныя мѣры и только уже въ царствованіе имп. Николая Павловича былъ оконченъ сборъ пожертвованныхъ суммъ.

Между тѣмъ деньги были нужны. Уже на первыхъ порахъ Каразинъ обратился къ губернскому предводителю съ просьбой выслать изъ пожертвованныхъ денегъ 10,000 р. на покупку библіотеки и на выдачу прогоновъ вновь опредѣленнымъ профессорамъ. Потоцкій съ своей стороны просилъ о высылкѣ ему заграницу денегъ, такъ какъ онъ уже пригласилъ было тамъ нѣсколькихъ профессоровъ, но очутился въ щекотливомъ положеніи, не имѣя денегъ для того, чтобы выдать имъ необходимыя суммы.

Въ Харьковѣ Каразину пришлось рѣшить и вопросъ о помѣщеніи университета. Рѣшено было занять временно генералъ-губернаторскій домъ, и Каразинъ, торопившійся открыть универ-

ситетъ къ осени 1803 г., поспѣшилъ прибить на этомъ домѣ вывѣску: „Государственный университетъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Каразинъ выбралъ и мѣсто по Сумскому шоссе для постройки будущихъ зданій, планъ которыхъ былъ составленъ архитекторомъ Васильевымъ. Вскорѣ Каразинъ уѣхалъ въ Петербургъ, сдавъ дѣла въ Харьковѣ пріѣхавшему туда Тимковскому.

На долю Тимковскаго выпало много черной подготовительной работы. Ему пришлось и пріискивать мѣсто для постройки зданій, и хлопотать о приспособленіяхъ для временнаго помѣщенія университета, и наконецъ заботиться о пріисканіи будущихъ студентовъ. Попытался было онъ также увеличить пожертвованныя на университетъ деньги и обратился къ малороссійскому генералъ-губернатору и полтавскому предводителю дворянства съ письмами, въ которыхъ просилъ привлечь къ пожертвованіямъ малороссійское дворянство. Попытка эта, впрочемъ, оказалась безуспѣшной, такъ какъ малороссіяне хотѣли учрежденія университета въ Черниговѣ или въ Полтавѣ.

Въ Петербургѣ у Каразина дѣла пошли плохо. Онъ представилъ планы университетскихъ зданій въ главное правленіе училищъ, завелъ переписку съ иностранными учеными, приглашая ихъ въ Харьковскій университетъ, пріобрѣталъ книги для университетской библіотеки, вещи для типографіи и учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Но въ главномъ правленіи дѣло шло туго. Министръ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскій, лично нерасположенный къ Каразину, тянулъ университетскія дѣла. Каразинъ горячился, писалъ министру внутр. дѣлъ и лично государю, дѣлалъ промахи, которыми воспользовались его недоброжелатели. Много непріятностей причинили ему два случая. Для университета была имъ куплена у Аделунга за 5.000 руб. коллекція эстамповъ; коллекція эта, по отзыву компетентныхъ лицъ, стоила никакъ не менѣе заплоченной за нее суммы, но возникъ вопросъ, нужна ли она университету вообще, и много пришлось повозиться Каразину, пока онъ получилъ уплоченныя за нее деньги. Другое дѣло имѣло еще худшій для Карамзина исходъ. Вмѣсто того, чтобы пріобрѣтать въ Петербургѣ и отсы-

лать въ Харьковъ, различныя необходимыя для университета вещи, Каразинъ заблагоразсудилъ законтрактовать и отправить туда 32 чел. различныхъ ремесленниковъ, которые должны были изготовить нужныя вещи на мѣстѣ. Эта операція обошлась университету болѣе 12,000 р. Въ числѣ ремесленниковъ были и вовсе ненужные университету чулочникъ, замшенникъ, кожевникъ и ткачъ. Каразинъ имѣлъ здѣсь въ виду интересы города, въ которомъ не было хорошихъ ремесленниковъ, и спуталъ эти интересы съ интересами университета. Изъ-за этихъ то ремесленниковъ Каразинъ поссорился съ управлявшимъ Харьковскимъ округомъ Новосильцевымъ, до тѣхъ поръ относившимся къ нему хорошо; Новосильцевъ пожаловался министру, а тотъ доложилъ государю. Результатомъ этой исторіи было запрещеніе Каразину мѣшаться въ какія бы то ни было университетскія дѣла (18 іюня 1804 г.).

Въ мартѣ 1804 г. пріѣхалъ наконецъ въ Харьковъ попечитель гр. Потоцкій и для ускоренія дѣла по открытію университета назначилъ комитетъ изъ наличныхъ профессоровъ— Рижскаго, Тимковскаго, Делявиня, Балленъ-де-Баллю и Осиповскаго, присоединивъ къ нимъ и Каразина; предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ Рижскій, который потомъ былъ избранъ и ректоромъ университета. Дѣло пошло быстрѣе, тѣмъ болѣе что въ распоряженіи комитета была уже и штатная сумма, которую теперь начали отпускать. Комитетъ заботился о приспособленіи зданій, упорядоченіи библіотеки и кабинетовъ, разведеніи ботаническаго сада, устройствѣ типографіи и т. п. При выборѣ мѣста для будущихъ зданій попечитель остановился на томъ же мѣстѣ по Сумской дорогѣ, на которое указывали Каразинъ и Тимковскій. Огромная площадь была частью пожертвована университету, частью пріобрѣтена покупкою, но дѣло о постройкѣ затянулось на многіе годы и университетъ до сихъ поръ остался въ своемъ *временномъ* помѣщеніи.

Къ началу 1805 г. сформировался отчасти и преподавательскій составъ.

Въ университетѣ было уже 9 профессоровъ, 11 адъюнктовъ, 1 лекторъ и 4 учителя „пріятныхъ искусствъ"—рисованья, гравированья, музыки и фехтованья. На общемъ собраніи профессоровъ распредѣлены были и курсы. Предположено было учредить 5 факультетовъ: историко-филологическій, философско-моральный, физико математическій, медико-хирургическій и юридико-политическій. Лекціи должны были читаться отъ 7 до 11 и отъ 3 до 6 час. весною, а зимою отъ 8 до 12 и отъ 4 до 7 час. Читать лекціи предполагалось на языкахъ: русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, такъ какъ многіе изъ профессоровъ были иностранцы, не владѣвшіе русскимъ языкомъ. Знаніе латинскаго языка предполагалось обязательнымъ для студентовъ, но такъ какъ многіе изъ кандидатовъ въ студенты знали его плохо, то для нихъ предположено было устроить особыя лекціи латинскаго языка.

Конечно, далеко не всѣ каѳедры были замѣщены. По медицинѣ напр. былъ всего только 1 адъюнктъ. Не было и учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

Пока не былъ открытъ университетъ, многіе изъ профессоровъ-натуралистовъ занимались изслѣдованіемъ естественныхъ богатствъ края: производили анализы минеральныхъ водъ, торфа, каменнаго угля и т. п.

Весьма серьезнымъ являлся и вопросъ о студентахъ. Они должны были дѣлиться на казеннокоштныхъ, числомъ 40, и своекоштныхъ. Такъ какъ подготовленныхъ къ слушанію университетскихъ лекцій молодыхъ людей въ краѣ оказалось мало, то обратили вниманіе на семинаріи, какъ на учебныя заведенія, которыя могли доставить подходящихъ слушателей. Съ Высочайшаго соизволенія и съ благословенія Св. Синода весь комплектъ казеннокоштныхъ былъ назначенъ изъ 2 семинарій—Курской и Бѣлгородской, изъ каждой по 20 чел.,—по 15 изъ богословскаго и философскаго класса и по 5 изъ риторическаго. Но въ виду недостаточной подготовки послѣднихъ и желанія оставить нѣсколько вакансій для постороннихъ лицъ, комитетъ выбралъ только 30 чел. богослововъ и философовъ. На содержаніе каж-

даго казеннокоштнаго студента ассигновано было по 200 р. въ годъ, изъ которыхъ 90 р. назначалось на столъ. Своекоштныхъ кандидатовъ явилось на экзаменъ 41, а выдержало 21, большею частью изъ учениковъ главнаго народнаго училища. Недостаточность подготовки экзаменующихся побудила начальство открыть при университетѣ приготовительный классъ. Желаніе имѣть болѣе или менѣе подготовленныхъ слушателей привело комитетъ и къ заботамъ объ устройствѣ училищной части въ округѣ вообще, что было возложено главнымъ образомъ на Тимковскаго.

Торжественное открытіе Харьковскаго университета было пріурочено къ съѣзду дворянъ на выборы и назначено на 17 января 1805 г.

Утромъ 17 января губернскіе чиновники, съ губернаторомъ Бахтинымъ во главѣ, дворяне и горожане собрались въ университетскій домъ, гдѣ находились уже чины университета, будущіе студенты и учащіе и учащіеся главнаго народнаго училища. Отсюда они церемоніальнымъ шествіемъ направились въ соборную церковь, въ которой совершилъ литургію и сказалъ приличествующее слово епископъ Христофоръ Сулима. По возвращеніи участниковъ торжества въ университетъ, были освящены университетскія зданія, причемъ ректоромъ коллегіума Андреемъ Прокоповичемъ была сказана рѣчь. Этимъ окончилась духовная часть торжества. Затѣмъ послѣдовали рѣчи: попечителя на латинскомъ языкѣ „о новомъ устройствѣ въ Россіи училищъ и ихъ пользѣ“, ректора университета Рижскаго на русскомъ языкѣ „объ изящныхъ искусствахъ“ и проф. Балленъ-де-Баллю на французскомъ языкѣ „о необходимости наукъ для всѣхъ государственныхъ званій, а въ особенности военнаго“. Послѣ рѣчей новымъ студентамъ роздали шпаги, а почетные гости были приглашены на устроенный университетомъ обѣдъ. Въ теченіе трехъ дней зданія университета были иллюминованы. Вечеромъ 18 января въ университетскомъ домѣ музыкантами и пѣвчими, числомъ до 100, исполнена была ораторія, слова для которой сочинилъ И. Ѳ. Тимковскій. За ораторіей слѣдовалъ балъ и ужинъ.

Опальный инициаторъ учрежденія Харьковскаго университета Каразинъ отсутствовалъ на этихъ торжествахъ. Только позднѣе, въ 1811 г., университетъ вспомнилъ о немъ, избравъ его въ свои почетные члены, да въ 1833 г., въ виду страшно стѣснительнаго матеріальнаго его положенія, профессора собрали между собою и внесли въ уплату его долга 1280 р., „движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ г. Каразину, какъ первому единственному виновнику основанія здѣсь университета", и то же сдѣлало городское общество.

По уставу 1804 г. университеты являлись учрежденіями и учеными, и учебными. Профессора были обязаны „разсуждать о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ", составлять при университетахъ ученыя общества, читать лекціи, руководить адъюнктами, экзаменовать студентовъ, вести съ ними бесѣды. Кромѣ того на университетъ возлагалось много другихъ обязанностей: цензура книгъ, наблюденіе за учебной и даже за хозяйственной частью во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ округа; наконецъ, университету принадлежало управленіе собственными дѣлами до суда надъ своими членами и ихъ семьями включительно.

Во главѣ управленія университетомъ стоялъ совѣтъ подъ предсѣдательствомъ ректора. Совѣтъ разсматривалъ счеты, избиралъ профессоровъ, почетныхъ членовъ, адъюнктовъ, учителей гимназій и уѣздныхъ училищъ, изыскивалъ средства къ усовершенствованію преподаванія наукъ, разсматривалъ тяжебныя дѣла, перенесенныя изъ правленія, и т. п.

Къ концу 1805 года совѣтъ Харьковскаго университета состоялъ изъ 10 ординарныхъ профессоровъ, 1 экстраординарнаго и 8 адъюнктовъ. Ректоромъ былъ избранъ Рижскій. По уставу ректоръ избирался ежегодно, но выборъ перваго ректора былъ такъ удаченъ, что избраніе Рижскаго повторялось ежегодно до самой его смерти въ 1811 г., только на 1807 г. избранъ былъ ректоромъ проф. Стойковичъ. Деканами являлись обыкновенно тоже самые авторитетные профессора.

Самую важную заботу совѣта Харьковскаго университета въ первые годы его существованія составляло пріисканіе профессоровъ. При малочисленности русскихъ ученыхъ волей-неволей пришлось обратиться за границу. Совѣтъ выбиралъ иностранцевъ съ извѣстной осторожностью, полагаясь на рекомендаціи своихъ сочленовъ или извѣстныхъ ученыхъ. Однако, не всѣ приглашенные соглашались ѣхать въ глухой городъ чужой страны, тѣмъ болѣе, что и библіотека и другія вспомогательныя учрежденія университета только что еще устраивались, и потому вести научныя работы въ Харьковѣ было трудно, если не совсѣмъ невозможно. Бывали, впрочемъ, и такіе случаи, когда кандидаты сами заявляли о своемъ желаніи получить каѳедру. Дѣятельную роль въ дѣлѣ приглашенія профессоровъ игралъ и попечитель округа гр. Потоцкій.

Профессора-иностранцы большею частью были изъ нѣмцевъ менѣе было профессоровъ французскаго происхожденія; были, наконецъ, приглашаемы и уроженцы славянскихъ земель. Вмѣстѣ съ тѣмъ университетъ заботился и о пополненіи состава своихъ профессоровъ природными русскими. Съ этою цѣлью привлекались къ преподаванію въ университетѣ нѣкоторые изъ учителей гимназій Харьковскаго округа, а также принимались мѣры къ приготовленію профессоровъ изъ числа питомцевъ университета. Въ первые годы число профессоровъ-иностранцевъ превышало число русскихъ профессоровъ. Но съ 1811 г. число русскихъ начинаетъ замѣтно возрастать и въ 1804 г. число ихъ уже равняется числу иностранцевъ. Антагонизмъ между русскими профессорами и иностранцами замѣчался уже въ первые годы, и чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе обострялся. Въ 1812 г., когда подъ вліяніемъ событій Отечественной войны среди русскаго общества особенно рѣзко стало выражаться враждебное отношеніе къ чужеземцамъ, положеніе послѣднихъ въ университетѣ иногда становилось очень тяжелымъ и съ этого времени начинается бѣгство иностранныхъ профессоровъ изъ Харькова. Уходъ иностранцевъ, кромѣ указанной только что причины, вызывался еще и тѣми неблагопріятными экономическими условіями, въ которыя

попали въ это время всѣ русскіе чиновники. Курсъ сильно понизился, а оклады остались прежніе. Служащіе при университетѣ обращались къ начальству съ просьбой о прибавкѣ содержанія, но получили отказъ, мотивированный тѣмъ, что всѣ чиновники находятся въ одинаково тяжелыхъ условіяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ министерство, въ видѣ утѣшенія, выражало надежду, что затрудненія эти временныя и что чувство патріотизма поможетъ университетскимъ служащимъ перенести денежныя затрудненія.

Борьба партій въ совѣтѣ особенно обострилась послѣ смерти ректора Рижскаго, который умѣлъ поддержать высокое положеніе, данное совѣту по уставу. Само министерство, относившееся въ первые годы къ совѣту съ большимъ уваженіемъ, мало по малу измѣнило это отношеніе. Въ 1812 году произошло столкновеніе между министерствомъ и совѣтомъ, окончившееся для послѣдняго весьма печально. Суть дѣла была такова. Совѣтъ, разбирая дѣло о ссорѣ учителей въ Курскѣ, постановилъ уволить нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ должности. Министръ отмѣнилъ рѣшеніе совѣта и командировалъ для новаго разсмотрѣнія этого дѣла экспедитора своей канцеляріи Дунина-Борковскаго. Совѣтъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ, такъ какъ распоряженіе министра нарушало права, предоставленныя совѣту уставомъ 1804 г., призналъ свои рѣшенія законными и рѣшительно протестовалъ противъ назначенія Дунина-Борковскаго. Министръ въ свою очередь разсердился и передалъ представленіе совѣта на разсмотрѣніе въ комитетъ министровъ, а послѣдній постановилъ: профессоровъ, подписавшихъ мнѣніе о непризнаніи Дунина-Борковскаго ревизоромъ, „призвать въ Харьковское губернское правленіе и сдѣлать имъ строжайшій выговоръ съ подтвержденіемъ, что ежели впредь окажутъ подобное непослушаніе, то будутъ преданы суду“. Профессора переполошились и обратились къ губернатору, которому поручено было привести въ исполненіе это постановленіе, съ просьбой объ отсрочкѣ этого исполненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они послали министру коллективную просьбу, въ которой униженно умоляли сдѣлать выговоръ

по крайней мѣрѣ не гласно. Министръ смягчился, и хотя и не счелъ себя въ правѣ отмѣнить рѣшеніе комитета министровъ, но согласился сдѣлать выговоръ не гласнымъ; кромѣ того, вмѣсто Дунина-Борковскаго онъ прислалъ ревизоромъ профессора Московскаго университета Двигубскаго, который почти вполнѣ согласился съ рѣшеніемъ совѣта Харьковскаго университета.

Еще болѣе подорвало престижъ университета и въ глазахъ начальства и въ глазахъ общества дѣло ректора Стойковича. Профессоръ физики Стойковичъ, родомъ изъ австрійскихъ славянъ, уже съ первыхъ лѣтъ существованія Харьковскаго университета сталъ играть въ немъ видную роль. Не будучи крупною научной силой, Стойковичъ былъ человѣкомъ образованнымъ, хорошо говорилъ и мастерски владѣлъ перомъ. Онъ очень искусно лавировалъ между русской и иностранной партіей и ловко умѣлъ поддѣлываться къ начальству. Среди профессоровъ онъ выдвинулся настолько, что не разъ былъ избираемъ секретаремъ совѣта и даже на 1807 годъ былъ избранъ въ ректоры. Въ моментъ смерти Рижскаго (въ 1811 г.) Стойковичъ былъ проректоромъ. Вступивъ въ исправленіе обязанностей ректора, онъ началъ хлопотать въ министерствѣ объ утвержденіи его въ должности помимо избранія совѣта и о замѣнѣ годичнаго срока ректорства трехлѣтнимъ. Министръ не нашелъ удобнымъ замѣнять выборнаго ректора ректоромъ по назначенію, но призналъ полезнымъ ввести трехлѣтній срокъ. Впрочемъ Стойковичъ былъ избранъ совѣтомъ и утвержденъ ректоромъ уже на три года.

Около этого времени попечитель Потоцкій уѣхалъ въ отпускъ въ Варшаву на нѣсколько лѣтъ и такимъ образомъ Стойковичъ оказался полнымъ хозяиномъ университета и всего Харьковскаго учебнаго округа. Но недолго пришлось ему оставаться у власти. Его погубила жажда наживы. Хотя онъ и получилъ значительное приданое за женой, но тѣмъ не менѣе задумалъ увеличить свое состояніе торговыми операціями, носившими весьма неблаговидный характеръ. Дѣло въ томъ, что каждому иностранцу, вызванному на русскую службу, предоставлялось ввезти безпо-

шлинно на 3000 руб. вещей и товаровъ для собственнаго употребленія. Стойковичъ, замѣстившій многія учительскія мѣста въ Харьковскомъ округѣ своими земляками, воспользовался этимъ и на деньги, якобы доставшіяся по наслѣдству учителю Паратичу, пріобрѣлъ въ Австріи вино, эстампы, ленты и др. вещи, безпошлинно ввезъ ихъ въ Россію и занялся ихъ продажей, частью самолично, частью черезъ подначальныхъ ему учителей, которые должны были выступить въ роли коммиссіонеровъ. Въ теченіе нѣкотораго времени эта операція шла, повидимому, благополучно, но на бѣду свою Стойковичъ поссорился съ адъюнктомъ архитектуры Васильевымъ и тотъ, желая насолить противнику, вошелъ въ совѣтъ съ жалобой, въ которой обличалъ ректора въ незаконной торговлѣ. Совѣтъ, видимо, нерасположенный къ Стойковичу, принялъ жалобу и сталъ разсматривать ее, устранивъ ректора отъ предсѣдательства и избравъ временнымъ предсѣдателемъ проф. Срезневскаго. Стойковичъ протестовалъ и просилъ о перенесеніи разсмотрѣнія дѣла въ Петербургъ. Въ то же время онъ поспѣшилъ помириться съ Васильевымъ, но и это не могло уже прекратить дѣла. Оно дошло до министра. Стойковичъ всячески изворачивался, писалъ униженныя письма министру, подавалъ обширныя объясненія въ совѣтъ. Враги его, въ свою очередь, дѣйствовали энергично. Восемь профессоровъ (5 русскихъ и 3 иностранца) подали въ совѣтъ заявленіе, въ которомъ, перечисливъ всѣ неблаговидные поступки Стойковича, просили „дабы совѣтомъ опредѣлено было донести его сіятельству (министру), что миръ и согласіе въ университетѣ никакимъ образомъ не могутъ быть возстановлены, покуда сей ректоръ останется здѣсь, съ покорнѣйшею просьбою объ освобожденіи насъ отъ онаго“. Интересно, что противники С—ча сваливали на него вину въ томъ, что совѣтъ протестовалъ противъ назначенія Дунина-Борковскаго ревизоромъ. Одинъ изъ профессоровъ (Книгинъ) писалъ министру частнымъ образомъ.

Министръ рѣшилъ замять это скандальное дѣло. Стойковичъ былъ уволенъ въ отпускъ, а совѣту предписано было

сначала избрать проректора, а вслѣдъ затѣмъ приступить къ избранію ректора. Ректоромъ былъ избранъ проф. Осиповскій. Вскорѣ Стойковичъ подалъ прошеніе объ увольненіи его по болѣзни отъ должности профессора. Ему назначена была половинная пенсія. Впрочемъ Ст—чъ этимъ не удовлетворился—онъ еще долго, хотя и безуспѣшно, хлопоталъ о назначеніи ему полной пенсіи и о награжденіи его слѣдующимъ чиномъ.

Но и съ удаленіемъ Стойковича распри и дрязги среди харьковскихъ профессоровъ не прекратились. Авторитетъ совѣта палъ и профессора постоянно обращались со всякими жалобами къ министру, такъ что тотъ вынужденъ былъ наконецъ оффиціальной бумагой предложить имъ оставить свои распри и несогласія.

Дѣятельность факультетовъ была значительно ўже, чѣмъ дѣятельность совѣта. Ихъ вѣдѣнію подлежали только дѣла, касавшіеся ученой и учебной дѣятельности университета. Интересно отмѣтить, что сочиненія профессоровъ часто цѣликомъ прочитывались въ факультетскихъ засѣданіяхъ и подвергались здѣсь исправленіямъ.

Гораздо многостороннѣе была дѣятельность правленія. Предсѣдателемъ его былъ ректоръ, а членами деканы факультетовъ и непремѣнный засѣдатель, назначавшійся попечителемъ изъ ординарныхъ профессоровъ. Правленіе вѣдало хозяйственныя дѣла, какъ университета, такъ и училищнаго комитета, которому были подчинены всѣ училища Харьковскаго округа. Въ вѣдѣніи же правленія былъ и университетскій судъ, который имѣлъ нѣсколько инстанцій, и которому были подчинены всѣ служащіе и студенты университета. Первой изъ этихъ инстанцій былъ ректоръ, какъ предсѣдатель правленія. Онъ безапелляціонно рѣшалъ дѣла по денежнымъ взысканіямъ не выше 15 р. и по проступкамъ, за которые полагалось не больше 3 дней ареста. Второй инстанціей было правленіе въ полномъ составѣ, которое въ важныхъ и сомнительныхъ случаяхъ приглашало одного или двухъ профессоровъ юристовъ. Законы къ рѣшеніямъ подыскивалъ синдикъ. Въ правленіе можно было жаловаться и на

ректора, но если жалеба оказывалась неосновательной, то жалобщикъ подвергался штрафу въ 25 р., а въ случаѣ справедливой жалобы, правленіе представляло свое заключеніе попечителю. Окончательно рѣшало правленіе дѣла по взысканіямъ до 50 р., по проступкамъ чиновниковъ, за которые полагался арестъ до 14 дней и по проступкамъ чиновниковъ, за которые полагался штрафъ до 24 р.; оно же вѣдало дѣла по раздѣлу движимаго имущества, оставшагося по смерти подвѣдомственныхъ университету лицъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ правленіе производило предварительное слѣдствіе и отсылало его въ соотвѣтствующее присутственное мѣсто, гдѣ при разборѣ этихъ дѣлъ засѣдалъ синдикъ, какъ депутатъ отъ университета. Высшей инстанціей былъ совѣтъ, рѣшавшій окончательно дѣла по денежнымъ искамъ до 500 р. и по проступкамъ, которые влекли за собою штрафъ въ 100 р. Въ болѣе важныхъ дѣлахъ можно было аппелировать на рѣшеніе совѣта въ правит. сенатъ.

Къ числу университетскихъ учрежденій нужно отнести еще цензурный комитетъ, состоявшій изъ декановъ факультетовъ. Комитетъ принималъ рукописи и передавалъ ихъ для разсмотрѣнія профессорамъ, адъюнктамъ или магистрамъ. За 8 лѣтъ (1805—1812 гг.) комитетомъ было разрѣшено къ печати 103 сочиненія.

Посмотримъ теперь на матеріальную обстановку университета. На содержаніе его отпускалось по штатамъ 130,000 руб въ годъ. Спеціальныхъ средствъ, которыми теперь располагаютъ университеты и которыя составляются изъ сбора за слушаніе лекцій, тогдашніе университеты не имѣли по той простой причинѣ, что студенты учились тогда безплатно; кромѣ того изъ штатной суммы отпускалось еще болѣе 16,000 р. на содержаніе 12 магистровъ въ педагогическомъ институтѣ при университетѣ, 12 кандидатовъ и 40 казеннокоштныхъ студентовъ. Если принять во вниманіе, что большая часть отпускаемой суммы расходовалась на личный составъ, то на учебно-вспомогательныя

учрежденія оставались очень скромныя суммы, такъ напр. на библіотеку отпускалось 1000 р. въ годъ, на анатомическій театръ 800 р., ботаническій садъ съ садовникомъ 1000 р., химическую лабораторію съ лаборантомъ 1000 р., обсерваторію 500 р., физическій кабинетъ 500 р., кабинетъ естественной исторіи 600 р. Только на клиническій институтъ ассигнована была сравнительно большая сумма въ 5000 р. Имѣя въ виду, что всѣ эти учрежденія приходилось заводить вновь, нельзя не признать отпускаемыя суммы весьма недостаточными. Впрочемъ недостаточность ассигновокъ пополнялась тѣмъ, что такъ какъ Харьковскій университетъ не былъ открытъ сразу въ полномъ составѣ, то ежегодно были остатки отъ суммъ, назначенныхъ на личный составъ и на тѣ учрежденія, которыя не были еще открыты, и эти остатки, въ случаѣ надобности, обращались на пополненіе средствъ другихъ учрежденій. Такимъ образомъ на нѣкоторыя учрежденія тратилось болѣе, чѣмъ полагалось по штату, хотя университетское начальство иногда урѣзывало даже штатныя ассигновки на существующія уже учрежденія.

Въ общемъ ежегодно отъ штатной суммы нѣкоторая часть зачислялась въ запасный фондъ, въ который поступали и собираемыя недоимки по пожертвованной на университетъ суммѣ. Фондъ этотъ назначался на возведеніе университетскихъ зданій. О постройкѣ этихъ зданій много говорили въ первые годы, но органичились тѣмъ, что понемногу приспособляли къ университетскимъ надобностямъ временное помѣщеніе и мало-по-малу вопросъ о постройкѣ заглохъ.

Перейдемъ къ обзору самыхъ вспомогательныхъ учрежденій. Библіотека пополнялась медленно, главнымъ образомъ вслѣдствіе трудности получать книги изъ-за границы. Въ 1812 г. въ библіотекѣ числилось 14,271 тт. Были и пожертвованія книгами, изъ которыхъ самое крупное (700 тт.) было сдѣлано курскимъ купцомъ, докторомъ философіи Хлапонинымъ.

Особенно заботилась университетская администрація о типографіи, въ которой печатались не только университетскія изданія, но и книги по частнымъ заказамъ и даже ноты.

Лучше другихъ учрежденій былъ обставленъ мюнцъ-кабинетъ. Основаніе ему было положено попечителемъ гр. Потоцкимъ, который пожертвовалъ университету коллекцію изъ 820 серебряныхъ и 20 золотыхъ монетъ, а потомъ прислалъ еще болѣе 100 монетъ. Поступали пожертвованія и отъ другихъ лицъ. Такъ, проф. Тимковскій во время объѣзда училищъ собралъ болѣе 150 монетъ. Но главное пожертвованіе было сдѣлано въ 1813 г. адмираломъ Чичаговымъ, который принесъ въ даръ университету коллекцію, взятую имъ въ качествѣ военной добычи въ Несвижѣ въ замкѣ кн. Радзивилловъ и состоявшую изъ 13,209 штукъ монетъ и медалей, причемъ золотыхъ было вѣсомъ 9 ф. 62 зол., а серебряныхъ 62 ф. 63 зол.

„Кабинетъ рѣдкостей" заключалъ небольшое количество весьма разнообразныхъ предметовъ, въ числѣ которыхъ были предметы древности, имѣвшіе научное значеніе.

Наконецъ нужно упомянуть еще объ очень цѣнномъ, по отзывамъ спеціалистовъ, собраніи гравюръ, пріобрѣтенномъ Каразинымъ у Аделунга и послужившемъ поводомъ къ столькимъ препирательствамъ.

Физико-математическій факультетъ располагалъ нѣсколькими вспомогательными учрежденіями, но далеко не всѣ они были обставлены удовлетворительно.

Астрономическая обсерваторія была устроена во временномъ помѣщеніи, и хотя имѣла необходимые инструменты, но по неудобству помѣщенія не могла, повидимому, удовлетворять научнымъ цѣлямъ. Химическая лабораторія была въ довольно жалкомъ состояніи, не богаче обставленъ былъ и технологическій кабинетъ. Зоологическій кабинетъ пополнялся весьма медленно и главнымъ образомъ путемъ пожертвованій. Сравнительно лучше былъ поставленъ кабинетъ минералогическій, въ основу котораго легли двѣ коллекціи, пріобрѣтенныя заграницей и стоившія около 10,000 р. ассигнаціями.

Объ устройствѣ ботаническаго сада особенно заботился самъ попечитель гр. Потоцкій. Онъ входилъ во всѣ мелочи, велъ по

этому поводу оживленную переписку и побуждалъ университетскую администрацію спѣшить съ посадками и съ постройкою оранжерей и др. зданій. Садъ былъ разбитъ на обширномъ мѣстѣ, назначенномъ для предполагавшейся постройки университетскихъ зданій и дѣлился на двѣ части: англійскій садъ, предназначавшійся для прогулокъ публики, и собственно ботаническій для учебныхъ цѣлей. Попечитель преимущественно обращалъ вниманіе на первый. Вслѣдствіе такого любовнаго отношенія попечителя къ ботаническому саду, расходы на это учрежденіе въ много разъ превышали штатныя ассигновки. Расходы эти, видимо, тяготили университетъ и, по отъѣздѣ Потоцкаго въ 1811 г. изъ Харькова въ долговременный отпускъ, правленіе университета вошло въ совѣтъ съ предложеніемъ объ уменьшеніи чрезмѣрныхъ расходовъ на ботаническій садъ. Совѣтъ донесъ объ этомъ министру. А. К. Разумовскій въ довольно рѣзкой формѣ отвѣтилъ, что садъ долженъ служить исключительно для учебныхъ надобностей, а вовсе не для прогулокъ стороннихъ посѣтителей и, разрѣшивъ произвести необходимые расходы на расширеніе оранжерей, предложилъ прекратить всѣ расходы на англійскій садъ.

Вспомогательныя учрежденія медицинскаго факультета, въ виду того обстоятельства, что этотъ факультетъ былъ открытъ позже другихъ, были въ первое десятилѣтіе въ зачаточномъ состояніи. Анатомическій театръ помѣщался въ старомъ домикѣ въ ботаническомъ саду. Клиники были открыты только въ 1814—1815 гг.

Для преподаванія искусствъ при университетѣ заведены были классы: рисованія и живописи, музыкальный, танцовальный и фехтовальный.

Необходимо упомянуть еще о неосуществившихся проектахъ трехъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

Профессоръ ветеринаріи Пильгеръ предлагалъ учредить ветеринарный институтъ, который долженъ былъ состоять во-первыхъ изъ хутора, гдѣ велось бы раціональное скотоводство и коневодство, а, во-вторыхъ зоотомическаго театра, клиники

для животныхъ и т. п. проектъ этотъ былъ одобренъ факультетомъ и совѣтомъ, но приведеніе его въ исполненіе отложено въ виду предположенія правительства учредить школу скотолѣченія въ Лубнахъ.

Профессоръ сельскаго хозяйства Нельдехенъ предлагалъ устроить опытное поле въ большихъ размѣрахъ, для чего просилъ отвести ему сначала 30, а потомъ 100 десятинъ. Просьба эта была отклонена. Наконецъ, профессоръ ботаники Делявинь выступилъ съ проектомъ устройства вспомогательнаго ботаническаго сада въ Крыму. Но и этотъ проектъ раздѣлилъ судьбу двухъ первыхъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА Г. П. ГАЛАГАНА.

Между бумагами Г. П. Галагана, хранящимися въ *Коллегіи Павла Галагана*, находится не малое количество писемъ, писанныхъ къ Галагану разными его родичами, знакомыми и сосѣдями. Содержаніе значительной части этихъ писемъ, заключая въ себѣ мелочи обыденной жизни, почти совсѣмъ неинтересно для насъ; но есть тутъ письма, которыя необходимо сохранить для будущаго историка теченія общественной мысли въ интеллигентномъ слоѣ малорусскаго общества половины настоящаго вѣка. Вотъ этого рода письма и предлагаются здѣсь съ любезнаго разрѣшенія настоящаго ихъ распорядителя. Первое мѣсто тутъ занимаютъ письма такихъ лицъ, какъ Н. А. Ригельманъ, П. А. Кулишъ, О. М. Бодянскій, А. Л. Метлинскій. Письма этихъ лицъ печатаются здѣсь *всѣ*, сколько ихъ нашлось, а переписка Г. П. Галагана съ его родичами и сосѣдями печатается лишь въ той ея части, гдѣ мы находимъ черты интересныя для исторіи быта.

I. Письма Н. А. Ригельмана.

(1846—1853 гг.)

Николай Аркадьевичъ Ригельманъ (р. 1818 † 1888),—внукъ инженеръ - генералъ - маіора Александра Ивановича Ригель-

мана, автора извѣстнаго сочиненія „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи“, изданнаго О. М. Бодянскимъ въ 1847 году. Воспитывался Р—нъ въ московскомъ университетѣ; съ 1848 г. состоялъ дѣйствительнымъ членомъ кіевской археографической коммиссіи; въ пятидесятыхъ годахъ былъ короткое время директоромъ кіевской 2-ой гимназіи. Къ концу жизни интересы Р—на сосредоточились въ кіевскомъ отдѣленіи музыкальнаго общества и въ славянскомъ обществѣ, въ коихъ онъ состоялъ председателемъ. Ригельманъ не былъ чуждъ и литературной дѣятельности: въ 1874-мъ году онъ издалъ книжку „Три поѣздки за границу“, въ которой описалъ впечатлѣнія своихъ трехъ заграничныхъ поѣздокъ: 1843—1846 гг., 1857—1858 г. и 1867 г. По воззрѣніямъ своимъ Р—нъ былъ близокъ къ славянофиламъ, изъ которыхъ съ иными (напр. съ И. С. Аксаковымъ) находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Умеръ онъ скоропостижно, играя на фортепіано, въ маѣ 1888 г., и погребенъ въ родовомъ имѣніи Андреевкѣ, близъ гор. Чернигова. Немногія печатныя свѣдѣнія о Н. А. Ригельманѣ и весьма схожій портретъ его можно найти въ книжкѣ: „Очеркъ дѣятельности Кіевскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества за 25 лѣтъ его существованія 1869—1894“, на стр. 57—60.

1.

Что съ тобой дѣлается, и что ты дѣлаешь, Грицько?—Никакого извѣстія отъ тебя; странно, чему бы это приписать? Разумѣется я не приписываю лѣни, но развѣ служебной дѣятельности. Нужно ли тебѣ говорить, что мнѣ было очень скучно послѣ твоего отъѣзда; я воротился въ свою слишкомъ уединенную Андреевку, [1]) и принялся опять за книги; но какъ то мало толку выходило изъ моихъ занятій, потому что мнѣ было черезчуръ тоскливо. Кое когда нѣсколько мыслей, нѣсколько воспоминаній, при перелистываніи своихъ замѣтокъ, просвѣтляли

---

[1]) Имѣніе Ригельмана, въ Черниговскомъ уѣздѣ.

обыкновенное туманное состояніе головы. Нѣтъ, рѣшительно я не въ состояніи выносить подобнаго образа жизни! Но наконецъ день за днемъ, сборы наши тянулись, приблизились, или лучше мы дождались батюшкиныхъ именинъ, которыя отпраздновали въ кругу нашихъ сосѣдей, которыхъ ты знаешь. Затѣяны были танцы подъ квартетъ Крылова, но выкопаны изъ подъ спуда остатки прошлаго столѣтія: *краковякъ*, *матрадуръ*, *à la grecque* и т. п. Я отъ души смѣялся надъ нѣкоторыми жестами и pà, но не смотря на каррикатуру, я сдѣлалъ замѣчаніе, что прежнее поколѣніе сохранило однакожъ больше національности, народнаго характера, нежели мы: въ движеніяхъ, въ пріемахъ во всемъ были видны истые малороссы; но дѣти ихъ уже не то, уже каррикатура заморскаго тона, и гораздо худшая нежели первая, повсему. Мы мечтаемъ о томъ, что наше время пойметъ значеніе народнаго достоянія; но это кажется обманъ; можетъ быть наши дѣти поймутъ и прилѣпятся къ нему, если мы воспитаемъ ихъ иначе; отъ теперешнихъ юношей (я говорю о массѣ) ожидать нечего.

Читалъ біографію Бетховена—удивительный геній, обнимавшій цѣлый міръ въ своихъ звукахъ, а не могшій ужиться съ своими кухарками, которыхъ перемѣнялъ каждый мѣсяцъ. Не было у него друга, съ которымъ бы онъ не перессорился нѣсколько разъ на своемъ вѣку; а между тѣмъ имѣлъ нѣжное, любящее сердце, которое не могло оставаться празднымъ безъ привязанности. У него ничего не дѣлалось безъ увлеченія, во всемъ была страсть. Но странности и раздражительность много происходили отъ отчаянія неизлѣчимой болѣзни—глухоты; и это понятно!

Наконецъ, мы завтра ѣдемъ въ путь дороженьку, въ Москву бѣлокаменную,—навѣрно. Вотъ еще предо мною дорога—куда она приведетъ меня, Богъ вѣсть! Мнѣ, кажется, суждено цѣлую жизнь шататься на распутьи,—цѣли мелькаютъ впереди, станешь итти на огонь—смотри подъ ногами болото, кочки, ровчаки, надо обходить, а жизнь уходитъ, и тѣло больше и больше гнететъ къ землѣ. Право смѣшно подумать для чего мы живемъ

на свѣтѣ; ну хоть бы и я: не могу назвать себя совершеннымъ негодяемъ, и истинно старался всячески сдѣлать себя сколько-нибудь достойнымъ имени человѣка, и трудился, и иную ночь не доспалъ, и отказывался не разъ отъ житейскихъ радостей, и испортилъ отчасти и продолжаю портить свое тѣло—а что толку? Ну принесъ ли я хоть каплю пользы этими трудами; если принесъ какую пользу, такъ развѣ давши гривенникъ иному нищему, но для этого ничуть не было нужно и капли ученія. Право вспомнишь эпикурейцевъ—жить для наслажденія въ обширномъ смыслѣ—вотъ цѣль жизни. Пользоваться настоящимъ, не думать о будущемъ. Увить себя розами, умастить, и въ тѣни померанцевъ, съ чашею салернскаго (или сливянки) обвить стройный станъ и смотрѣться въ черныя очи (впрочемъ есть и голубыя). Но теперь для насъ это невозможно—червь сознанія подточилъ наши радости. Пусть мы отправимся на край свѣта, гдѣ *долго ясны небеса*, гдѣ плещутъ бирюзовыя волны, гдѣ кипарисы и пины подпираютъ небо—вездѣ мы будемъ ходить съ поникшею головою, уставивъ носъ въ землю. Прости за элегію—такъ ужъ пришлось. Заключаю тебя въ свои горячія объятія.

Н. Р.

Поцѣлуй ручки маменьки, и глазки Маруси, и графу низенько кланяюсь. Маменька тебя цѣлуетъ и проситъ навѣстить ее, когда будешь въ Черниговѣ.

Пиши на мое имя въ Москву, въ университетъ.

Андреевка. 28 генв., 1846.

2.

Твое письмо, брате милый, отъ 19 мая, получилъ недавно; благодарю за него, но жалѣю, что ты не сообщаешь мнѣ ничего о своихъ, о здоровьѣ милесенькой Маруси, и что они подѣлываютъ. Наконецъ я собралъ тебѣ кипу малороссійскихъ произведеній; исключая имѣющихъ нѣкоторыхъ неоспоримое достоинство, большая часть имѣетъ кажется ту лишь заслугу, что онѣ писаны на малорос. языкѣ.—Конечно это обстоятельство

для тебя, и для каждаго малороссіянина, очень важное, особенно при настоящемъ совершенномъ упадкѣ нашего родимаго слова. Послѣднее изданіе пѣсенъ Максимовича принадлежитъ 1834 г., которое и посылаю, новѣе нѣтъ. Есть ли у тебя новое изданіе Энеиды Котляревскаго 1842, единственное полное, которое двумя третями болѣе прежняго? Многое кое что можно еще найти, и я очень радъ буду доставить тебѣ по временамъ, что окажется, даже что будетъ здѣсь выходить изъ дѣльныхъ и занимательныхъ книгъ; но для этого надо, чтобы ты мнѣ прислалъ денегъ, и смотря по тому сколько пришлешь, я на столько могу и собрать. Какъ образованному и богатому человѣку, тебѣ дѣйствительно стыдно было бы не составить хоть постепенно и медленно домашней библіотеки; мнѣ кажется это непростительная вина нашихъ дворянъ, что они съ нѣкоторыхъ поръ рѣшительно пренебрегаютъ литературою,—это плодъ журналовъ, подобныхъ *Библіотекъ* и *Отеч. Запис.* Всякое достойное произведеніе мысли или поэтическаго творчества есть достояніе народа, и если мы любимъ себя, какъ русскихъ, то непремѣнно бы дорожили подобными явленіями, а не проходили бы мимо, какъ будто это до насъ не касается. Все таки пока мы не сдѣлаемъ письменность отголоскомъ по возможности нашихъ мнѣній и интересовъ, до тѣхъ поръ даже эти мнѣнія останутся въ состояніи дѣтства, лишенными всякаго значенія. Что ни говори, но письменность и у насъ имѣетъ вліяніе на вѣтрило общихъ убѣжденій, и у насъ можетъ быть больше нежели думаютъ, потому что если и мало пишется, за то никакое мелкое явленіе не проходитъ незамѣченнымъ; не такъ, какъ на Западѣ, гдѣ все пропадаетъ въ бездонной пучинѣ, и гдѣ общество до того созрѣло, что внушаетъ пишущихъ, а не наоборотъ, какъ бываетъ въ молодости. Посылаю тебѣ четыре части *Чтеній Моск. Истор. Обществ.*, гдѣ ты съ восторгомъ найдешь Конисскаго, вполнѣ, безъ малѣйшаго пропуска. Какъ же нашимъ добро-лукавымъ юморомъ гуляетъ онъ на счетъ москалей, какъ въ немъ отпечатывается характеръ народа, въ его разсказѣ, изложеніи и духѣ. И мастеръ разсказывать—языкъ прекрасенъ и теперь, а тогда былъ

удивителенъ живостью. Въ *Моск. Сборн.* ты найдешь нѣсколько прекрасн. статей: обрати особенное вниманіе на статью Хомякова, прочти ее по крайнѣй мѣрѣ два раза—это новый свѣтъ и новый міръ. Есть мысли или лучше главная мысль великая, геніальная. Лекціи Шевырева очень любопытны и по взгляду, и по новости матеріаловъ, дотолѣ совсѣмъ неизвѣстныхъ; этотъ періодъ нашей словесности оставался до сихъ поръ совершенно заглохшимъ, или его расчищали неучи. Тебѣ вѣрно любопытно будетъ узнать, что мыслили и что чувствовали наши предки временъ Владиміровыхъ. Книги тебѣ посланныя 12 іюня черезъ контору транспортовъ, въ Нѣжинъ, на имя купца Чернова:

1) Чтенія Общества Ист. и Древ., 4 част. . . 14 р. ас.
2) Исторія Словесности, Шевырева. . . . . . 5 р. 25
3) Исторія Червонной Руси. . . . . 3 р. 50
4) Запорожская Старина, Срезневскаго, 5 част.
5) Ластовка, Гребенки. . . . .
6) Ганнуся, Основьяненка. . . . . . .
7) Повѣсти его же, 2 ч. . . . .
8) Чуръ Чепуха, Кир. Тополи. . . . .
9) Украинск. пѣсни, Максимовича. . . .
10) Зеленый Барвинокъ, Карпенка. . . .
11) Украинскія мелодіи, Маркевича. . .
12) Дружескій разговоръ о душевномъ мірѣ Сковороды. . . . . : . . . . . } 55 р. ас.
13) Убогій жаворонокъ, его же. . . . .
14) Поверхностныя замѣчанія на пути изъ Москвы въ Украйну. . . . .
15) Шельменко деньщикъ. . . . . . .
16) Грамматика, Павловскаго . . . . .
17) Голоса украинскихъ пѣсень, Максимов.
18) Чары, Кир. Тополи. . . . .
19) Изображенія малоросс. людей. . . .
20) Наськи казки, Бодянскаго. . . . .
21) Москов. Сборн. (*отпр. по почтѣ*). . . . 10 р. 50

За пересылку. . . . . . . 4 р. 60

92 р. 85

Полученo . . . . 52 р. 50

О себѣ нечего сказать тебѣ, дружище, скоро впрочемъ можетъ сообщу тебѣ нѣчто рѣшительное; а теперь, было захворалъ, но стало лучше. Будь здоровъ! обнимаю тебя отъ души и прижимаю къ сердцу, яко друга сердечнаго. Поцѣлуй ручки маменьки.

Московія. 13 іюня. (1846 г.).

3.

Пишу къ тебѣ, милый друже, наканунѣ новаго года съ сердцемъ полнымъ желаній тебѣ всякаго счастья: одного боюсь, что ты слишкомъ хорошъ, чтобы быть счастливымъ; но вѣдь бываютъ же исключенія, иногда и на землѣ Богъ посылаетъ награду за добро. Что-то съ нами будетъ въ этотъ годъ?—Прости, что я думая о тебѣ, связываю и себя въ этой мысли воедино, это какое-то невольное требованіе сердца—погружаясь мысленно въ даль будущности мнѣ какъ то становится радостно за тебя, и грустно за себя. Дай Богъ, чтобы послѣднее было, припадкомъ хандры, не больше; но оно такъ. И надо сказать, что рѣдко меня обманывало мое предвидѣніе. Но, благодарю Бога, что я въ искренности души могу радоваться счастью друга и утѣшаться имъ въ невзгодахъ судьбины. Тебѣ я предсказываю свѣтлую даль, широкій, радостный путь, радостный особенно къ добру, которое ты можешь разливать, идя по немъ; и близко время, когда ты пойдешь по немъ вдвоемъ съ существомъ любимымъ; на груди любимой женщины ты будешь отдыхать отъ своихъ трудовъ, и въ ея взорѣ черпать новыя силы. Это такъ возможно, такъ близко, стоитъ тебѣ постараться и захотѣть. А мнѣ кажется судьба назначила безотрадное одиночество.—Я старъ, и ужасно какъ быстро старѣюсь. Но.... да будетъ! Перейду къ твоему посланію; можешь судить, какъ я цѣню твои письма или лучше сколько отрады они мнѣ доставляютъ: я всегда прежде цѣлую ихъ, а потомъ уже распечатываю. Такъ поступлено было и этимъ, и конечно не пропалъ мой поцѣлуй,

а былъ вознагражденъ съ избыткомъ. Твои мысли по случаю разговора съ Кулѣшомъ прекрасны уже и потому, что онѣ имѣютъ въ основѣ такія благія намѣренія. Особенно мнѣ понравилась твоя мысль объ изданіи народнаго чтенія; съ сердечнымъ участіемъ примусь пособлять ей тотчасъ по пріѣздѣ въ Кіевъ. Съ Костомаровымъ я знакомъ, но не въ такой степени еще, чтобы судить о его средствахъ къ этому дѣлу; во всякомъ случаѣ лучше будетъ что-нибудь, нежели ничего. Мнѣ кажется въ этомъ дѣлѣ первое дѣло—нравственное воспитаніе народа; какъ ни слабо въ началѣ это средство будетъ, но утопающій долженъ хвататься и за соломину; тѣмъ болѣе, что здѣсь ни откуда же нѣтъ спасенія. Слѣдовательно все, что бы мы ни вводили въ сочиненія народныя, будетъ имѣть цѣну постольку, поскольку можетъ служить удобнѣйшимъ средствомъ для этого воспитанія. Пусть это будетъ идиллія, похожденія чумака, разговоръ двухъ лицъ, повѣсть или родъ катихизиса—это уже болѣе зависитъ отъ личности сочинителя, отъ его способности къ одному или другому роду; но цѣль должна быть неизмѣнна у автора постоянно передъ глазами. Не надо дѣйствительно трогать исторіи въ смыслѣ прагматизма, т. е. разсѣченія и философскаго изображенія бывшаго: можно разъ коснуться этого прошедшаго въ простодушномъ повѣствованіи; но я думаю еще лучше, если простолюдинъ прочитаетъ прямо какую нибудь старую малороссійскую лѣтопись,—пусть его умъ самъ дѣлаетъ выводъ. Изданіе Бодянскаго даетъ къ тому средства; а еще бы лучше, если бы выбравъ, сдѣлать современемъ особенное изданіе какой-нибудь старой лѣтописи для народа. Въ числѣ опоръ и точекъ отправленія, мнѣ кажется, важнѣйшею должна быть для сочинителя вѣра, сильно колеблемая въ нашемъ народѣ въ настоящую минуту. Тутъ много надо уже не искусства, а убѣжденія для сочинителя, чтобы сдѣлать надлежащее приложеніе; а безъ убѣжденія и безъ собственной теплоты это не возможно. Что касается до второго изданія, сочиненія Кулѣша [1]), то признаюсь, я не вижу тутъ особенной

[1]) Повѣсть объ украинскомъ народѣ? *Ред.*

важности. Конечно, можно и издать, если первое изданіе вышло; книжка путная; но спрашивается для кого?—я бы отнюдь не желалъ, чтобы она попалась въ руки народу, и никто не пожелаетъ этого, любящій спокойствіе и не намѣренный вызывать потрясенія. Мы должны разумно вести людей къ добру, а не съ помощью ножей и крови: послѣднее средство никогда не дѣлаетъ чести употребляющимъ его. Возбуждать неудовольствіе, право, кажется, трудъ напрасный, оно и безъ того возбуждено въ высшей степени; и дѣло въ томъ, чтобъ поддержать нравственно отклонящійся народъ къ гибели, а не умножать его униженіе, открывая глаза. Для помѣщиковъ, читающихъ, эта книжка слишкомъ поверхностна, и не сдѣлаетъ впечатлѣнія прочнаго. Если бы Кулѣшъ взялся написать картину въ большихъ размѣрахъ для взрослыхъ дѣтей, красками болѣе яркими и вмѣстѣ съ опредѣлительнымъ и обязательнымъ для каждаго изъ насъ выводомъ—тогда, другое дѣло, можно-бы пожелать ему успѣха другого рода. Вспомни записку Карамзина о русск. исторіи—вотъ какъ бы я желалъ, чтобы кто-нибудь написалъ объ Малороссіи. Впрочемъ все это сказалось для сущности дѣла; и не должно тебя смущать; если ты хочешъ сдѣлать доброе дѣло Кулѣшу, то это не трудно, обратись къ Панову, Каткову (или они укажутъ тебѣ кого) и поручи кому-нибудь хлопоты изданія, которыя почти ограничиваться будутъ корректурою, и по небольшому размѣру будутъ не очень обременительны. Я впрочемъ не вижу, кого ты такъ боишься, что будутъ противъ тебя; да и за что же? Если бы я былъ въ Москвѣ, я бы охотно сдѣлалъ все это самъ, да ба! Есть типографщикъ Степановъ, довольно честный, хотя и неаккуратный въ срокахъ; можешь поговорить съ нимъ, я думаю онъ возьметъ изданіе на себя. Съ помощью Панова, ты можешь вычислить, что будетъ стоитъ бумага, наборка, отпечатокъ, обвертка, переплетъ или сшивка, и половивши что-нибудь за трудъ, можешь поручить это Степанову; но надо самому или кому нибудь другому наблюдать. Кстати о Пановѣ. Между нами будь сказано, я имъ порядочно недоволенъ за мою послѣднюю статью въ Москов. Оборн. Онъ хо-

рошій и благородный малый; но упрямъ, и иногда педантъ до ограниченности. Представь, онъ вздумалъ выкинуть изъ средины моего писанія листовъ пять, то что я считалъ по крайней мѣрѣ столько же важнымъ, какъ и все прочее, если и не важнѣе. Замѣть, что рукопись была у него гораздо прежде моего отъѣзда изъ Москвы, и онъ тогда не говорилъ мнѣ ни слова. Къ тому еще и цензура подвернулась и отрѣзала двѣ послѣднія самыя интересныя пѣсни изъ моего разбора Колларовой поэмы—*Дочь Славы*. И этого не умѣли спасти,—будь я на лицо, я бы порѣшительно не позволилъ такого произвола—можно было послать цензуровать въ Петерб., измѣнить названіе рая и ада, за что привязывались, но ничего этого не сдѣлано. Словомъ, я былъ очень раздосадованъ, получивши отпечатокъ. Трудишься родами, а послѣ, по милости нянекъ, выходитъ дитя уродливое, кривобокое, кривое и косое. Нехай ему всячина! Не иначе буду давать, какъ за честнымъ словомъ, что не будетъ выпущено ни іоты. Мои архивные поиски затянулись сверхъ чаянія; есть кое-что любопытное, но какъ всегда бываетъ въ актахъ, понемножку въ каждомъ. Между тѣмъ меня сильно призываетъ въ Кіевъ, вѣроятно тебѣ уже извѣстное, болѣзненное состояніе Пет. Григ. [1])—Съ нимъ случился родъ паралича, но послѣ кровопусканія сдѣлалось тотчасъ лучше, а теперь онъ на пути выздоровленія; но тетенька безпокоится, онъ скучаетъ и надо бы быть тамъ. Надѣюсь отправиться тотчасъ послѣ крещенія. Ну, брате, запысавсь; хотѣлъ на третьей страницѣ кончить; а вотъ и на четвертой не умѣщается. Ты взялъ прекрасную форму въ своихъ письмахъ—форму журнала, слѣдуй ей и впредь; тутъ родятся и мысли сами собой. Ну что—общество? я думаю—чушь, какъ было и при мнѣ. Въ Москвѣ, неча сказать, въ высшему кругу удача на дураковъ, особенно между мужчинами; но можетъ въ три года или четыре и перемѣнилось къ лучшему. (Столько уже прошло тому, какъ я много посѣщалъ моск. общество). При мнѣ бывали хорошенькія дѣвочки—есть ли теперь? Прошлую зиму я почти не встрѣчалъ таковыхъ.

---

[1]) Петръ Григорьевичъ Галаганъ?

Веселись, друже, обнимаю тебя отъ души; поцѣлуй ручки маменьки и глазки сестры. Я ѣду на балъ обычный къ Гессе [1]), но уже не будетъ такъ весело, какъ прошлый; Черниговъ обнищалъ; а для меня нѣтъ тебя,-я стою въ той же самой комнатѣ въ *Цареградѣ* [2]) и часто задумываюсь о тебѣ.

Н. Р.

Ты вѣрно видишь Ел. Ив.; теперь это талантъ и талантъ замѣчательный въ нашей литературѣ; но и безъ того въ этой женщинѣ много прекраснаго чувства, соединеннаго съ гибкимъ, необыкновеннымъ умомъ. Скажи мнѣ объ ней свое мнѣніе. Изъ Бодянскаго *Чтеній* сеголѣтошняго ряда—не присылай № 3: онъ уже у насъ есть. Пиши въ Кіевъ по прежнему адресу.

О поѣздкѣ моей въ Москву не скажу ни да, ни нѣтъ,—но обстоятельства склоняются больше на нѣтъ, къ сожалѣнію: повѣришь ли, что не чувствую силы предпринять это путешествіе; впрочемъ до сихъ поръ еще жду отвѣта отъ одного человѣка, который можетъ меня погубить.

Черниговъ. 31 декабря (1846).

4.

Сегодня получилъ отъ батюшки извѣстіе, что ты, милѣйшій Григорій, выѣхалъ изъ Москвы 6-го, и преисполнился радостію; пишу къ тебѣ, хоть нѣсколько строчекъ, не смотря на первый часъ ночи и неимѣніе почтовой бумаги. Зѣло изрядно поступилъ еси, если чувствовалъ, что нечего дѣлать въ Московіи. Гарненько дьякую за твою цидулу и за многое, что въ ней написано хорошаго. И мы тутъ таки шатаемся и ворочаемъ ваши дѣла, что вамъ Богъ положилъ на сердце. Послѣ разныхъ размышленій, соображеній и разсужденій, я пришелъ къ той мысли, чи не лучше ли будетъ не откладывать твои намѣренія

---

[1]) Тогдашній черниговскій губернаторъ.

[2]) Черниговская гостинница.

въ долгій ящикъ, котораго длина Богъ знаетъ какова была бы за неимѣніемъ здѣсь настоящихъ дѣлателей, приступить къ рѣшенію задачи исподволь, постепенно, хоть и не такъ блистательно. Чтобы не озадачить недруговъ, мы рѣшились перевести на нашу рѣчь нѣкоторыя статьи изъ *Сельскаго Чтенія* Одоевскаго, не выказывающія сильно московскаго характера. Нашлись младики (sic) усердно принявшіеся за дѣло, такъ что оно разомъ вскипѣло и уже готово. Польза въ отношеніи къ нимъ самимъ—нѣкоторый родъ упражненій въ дѣлѣ, дотолѣ совершенно чуждомъ: *второе,* выгода произвести на малороссійскій свѣтъ то, что уже одобрено правительствомъ, слѣдовательно не можетъ быть преслѣдуемо; *третье,* этимъ способомъ управляющіе нашими палатами могутъ безъ зазрѣнія совѣсти подать руку помощи для распространенія; *четвертое* и главное, что на безрыбьи и ракъ рыба. Якъ се вамъ сдается? Напишить, братику, швидче ваше гаданье. Изданіе вѣроятно будетъ немного стоить, и согласенъ ли ты взять издержки на себя, въ такомъ случаѣ я сдѣлаюсь редакторомъ. Ты знаешь мои порожніе карманы, вотъ почему я принужденъ обратиться къ тебѣ съ такимъ неделикатнымъ предложеніемъ. Впрочемъ, если ты имѣешь что либо другое въ виду, то не стѣсняйся, мы можемъ сдѣлать складчину. Жду отъ тебя вѣсточки съ горячимъ нетерпѣніемъ. Я никому объ этомъ не болтаю, даже своимъ, что уѣхали отсюда недавно, и имъ то въ особенности: Богъ знаетъ что за духъ въ нихъ поселился,—тилько махнуть рукою. Ну ихъ! Якъ се вамъ тамо въ Москаливщини тее? Просто полетивъ бы къ тоби, да чортъ-ма крыльевъ. А у насъ ничого-тыхо да смирно. Костомаровъ почти напечаталъ славянскую миѳологію, и вообрази—о неслыханное!—славянскими буквами! То-то подымется шумъ и гамъ между чертями. Онъ же приготовилъ къ печати—*Исторію Хмельницкаго*—любопытно; только нѣсколько страшно за его пристрастіе къ полякамъ. Гдѣ ты теперь служишь? Не будешь ли въ Черниговѣ, не будешь ли въ Кіевѣ? Обо всѣхъ твоихъ шагахъ нужно мнѣ знать, что-бы воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы намъ свидѣться. Купилъ ли ты мнѣ

книгъ? и какія именно привезъ? Да не слышалъ ли о *Моск. Сборн.* (втор. части). Чертъ знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось. Ни слуху, ни духу; у кого ни спрашиваю, всѣ нѣмы, какъ стѣны. А Шевырева *Истор. Словесн.*? Положи передъ глазами сію цидулу и отвѣчай на всѣ вопросы. Обнимаю тебя щиро. Что Чижовъ? Послѣ извѣстія о смерти Яз.? намѣренъ ли онъ предпринять журналъ? Бувай здоровъ. Поздравляю завременно съ праздникомъ и знай что буду христосоваться мысленно съ первымъ тобою.

Твой весь Н. Р.

(Кіевъ. 1847). Марта 17.

Адрессъ: Его В. бл. Григорію Павловичу Галагану. Въ г. Прилуку, Полт. губ., въ село Сокиринцы. *Штемпель*—Кіевъ.

5.

Со времени послѣдняго моего письма, любезный Григорій, произошли здѣсь очень печальныя событія, о которыхъ могу сказать тебѣ то, что уже знаетъ цѣлый городъ,что профессора Костомарова, извѣстнаго своими литературными трудами, взяли и отправили въ Петерб. по подозрѣнію не знаю какихъ проступковъ политическихъ. Тоже случилось съ Шевченкомъ и нѣсколькими здѣшними студентами. Богъ знаетъ въ чемъ ихъ тамъ подозрѣваютъ; а зная ихъ по литературнымъ трудамъ, нельзя не сожалѣть, потому что это люди съ талантами были. Я провожу время по прежнему, занимаюсь болѣе дѣлами нашей *Коммиссіи* [1]); посѣщаю кое-кого изъ знакомыхъ; довольно часто бываю у Судіенки [2]); это добрые люди, ко мнѣ по крайней мѣрѣ. У насъ затѣваютъ театръ въ пользу бѣдныхъ, но врядъ-ли это состоится. Что если бы ты пріѣхалъ посмотрѣть или поучаствовать; для меня ты былъ бы небеснымъ явленіемъ въ этой юдоли скуки

---

[1]) Кіевской археографической.

[2]) М. О. Судьенко, тогдашній предсѣдатель Кіевск. археограф. коммиссіи.

и скорби. Я бы самъ пустился бы къ вамъ, если-бы позволила служба. *Сельское Чтеніе* кн. Одоевскаго не могло быть приведено мною къ окончанію, и объ этомъ нечего болѣе заботиться [1]). Такъ какъ ты занятъ своими дѣлами, да къ тому же нѣсколько лѣнивъ, то не желая тебя затруднять, прошу писать только о себѣ, о литературныхъ новостяхъ московскихъ, если оныя имѣются; да напиши не привезъ ли ты мнѣ какихъ книгъ изъ Москвы. До свиданья. До другого раза, когда я буду въ лучшемъ расположеніи духа. Притомъ же поздно, и я ужасно спать хочу. Передай мое совершенное почтеніе при свиданіи—дяденькѣ и Соф. Алек.—и скажи ему, что деньги (75 р. сер.), высланныя мнѣ я получилъ сполна; на дняхъ буду писать къ нему и благодарить за исправное доставленіе.

2 апр. (1847. Кіевъ).

6.

Нарочно взялъ большой листъ, чтобы его наполнить весь бесѣдою съ тобою, милый брате; но не знаю успѣю ли: почта на носу. Если ты станешь меня попрекать въ долгомъ молчаніи, то я могу отвѣчать тебѣ тѣмъ же, потому что на мои три письма, ты едва отвѣчалъ однимъ коротенькимъ и то вызваннымъ дѣломъ. Иногда, признаюсь, зѣло сердился, даже бранилъ тебя внутренно,—думаю себѣ:—что за холодный и апатическій человѣкъ этотъ Григорій; ну вѣдь кажется и любитъ меня, или лучше сочувствуетъ мнѣ больше чѣмъ кому нибудь; а между тѣмъ, при широкомъ своемъ досугѣ, совсѣмъ забываетъ о моемъ существованіи; не найдетъ же на него минута потребности высказаться или заочно пожать мнѣ руку или перемолвить доброе слово, какое только можетъ молвиться на этой глупой бумагѣ; а мнѣ бы иногда такъ хотѣлось его видѣть, обмѣняться съ нимъ мыслями, поцѣловать его; такая иногда бываетъ потреб-

[1]) Вѣроятно, въ виду послѣдовавшихъ арестовъ. *Ред.*

ность въ этомъ, какъ будто онъ моя любовница. Вотъ въ немногихъ словахъ, какія внутренно происходятъ во мнѣ патетическія тирады! Ты готовъ смѣяться надъ этимъ, готовъ пожалуй приписать это, высказанное мною—какой нибудь риторической фигурѣ, или хоть желаніе наполнить чѣмъ нибудь листъ. Да, коли хочешь, оно смѣшно въ 30 л. такъ объясняться; да и не къ чему.... потому что это все.... слова, слова, слова. А отъ словъ до дѣла большое разстояніе. Я не писалъ къ тебѣ, во пėрвыхъ, сначала изъ злости, потомъ отъ занятій разныхъ навалившихся на мою голову; изъ нихъ главную роль играетъ все тотъ же *Величко*, являющійся уже теперь, или лучше начинающій являться въ печати (сейчасъ принесли ко мнѣ первую корректуру); ты не можешь себѣ представить сколько мелочной и неблагодарной работы при редакціи, особенно стараго сочиненія. Вы не цѣните вообще книжности, люди жизни и практики; а она достается намъ, хоть и не въ потѣ лица, но за то на счетъ зрѣнія и здоровья, трудомъ одинокимъ, истощающимъ, тогда какъ вашъ трудъ подкрѣпляющій, возобновляющій силы. Эта лѣтопись занимаетъ меня теперь исключительно; кромѣ нея я читаю еще кое что; а потомъ даю свѣту слѣдуемое—бываю кое-гдѣ, болтаю, даже танцую и называю настоящее время моимъ бабьимъ лѣтомъ. Общество кіевское ты можетъ быть знаешь отчасти, это ни то, ни се, но взамѣнъ есть разнообразіе, которое врядъ ли можно встрѣтить въ какомъ нибудь изъ провинціальныхъ городовъ; тутъ есть люди, въ особенности женщины очень образованныя и даже довольно милыя; есть нѣчто вродѣ красавицъ; наконецъ есть добродушныя и милѣйшія своею патріархальностью малороссіянки; потомъ есть клубъ, а главнѣйшее есть университетъ, въ которомъ не безъ хорошихъ головъ, хотя зарытыхъ въ хламѣ, онѣ и не обнаруживаются яркимъ свѣтомъ. Въ нашемъ уголкѣ такія же ступени общественной лѣстницы, какъ и вездѣ; мы ужасные охотники надѣлать ихъ, какъ можно больше; но я въ этомъ не слѣдую общей привычкѣ, у меня наперекоръ] всѣмъ, силящимся только вверхъ и часто не по силамъ, была всегда страсть заглядывать во всѣ

ярусы, и находить въ нихъ пищу, смотря по тому, кто больше въ состояніи подать, или лучше—болѣе дорожить тою средою, которая въ состояніи лучше поддерживать въ насъ человѣческія чувства, и все то, чѣмъ человѣкъ гордится, какъ частичка духа божественнаго. А согласись, что этой частицѣ плохо пришлось бы, еслибъ наконецъ настало на землѣ повсемѣстное царство,— *bon genre*, *bon goût*, *fashion*, *comme il faut*, *distingué* и тому подобное, и если бы мы всѣ могли превратиться въ олицетворенный *bon genre*, но къ крайнему и слезному сожалѣнію его послѣдователей это вещь невозможная. Но полно болтать о дѣлѣ, заговоримъ о бездѣльи. По желанію твоему, я неоднократно освѣдомлялся у Юзефовича, который наконецъ говорилъ съ Траскинымъ и объявилъ мнѣ, что.....[1]) рѣшительно обѣщано Вас. Петр. Тарновскому; а потому, если ты непремѣнно хочешь, то сдѣлайся съ нимъ какъ нибудь или помѣняйся. Иначе нельзя. За ковёръ не знаю, какъ благодарить милую тетеньку (у которой прошу расцѣловать ручки), отказываться не смѣю; но на тебя сердитъ, что ты такъ поворотилъ это и прошу впередъ не дѣлать: послѣ этого нельзя тебѣ будетъ дать никакого порученія! да притомъ добрые люди подумаютъ, что я выманиваю подарки,—бѣднымъ людямъ надо быть осторожну.... для другихъ. У насъ въ Черниговѣ холера и я иногда прихожу въ грустное раздумье о своихъ; хотѣлъ, еще къ именинамъ маменьки отправиться въ Андреевку; но ген.-губ. не пустилъ и я прикованъ. О многомъ хотѣлъ бы съ тобою переговорить; о такомъ, о чемъ ты и не воображаешь—касающемся меня. Но какъ тебя достанешь? легче достать теперь въ Кіевѣ персиковъ; а это равняется невозможности. Напиши, что ты располагаешь? Именно только съ тобою могу я говорить объ этомъ. Непремѣнно поцѣлуй ручку у своей Кат. Вас. за меня, не забудь и Marie.

Напиши, не забудь, не будетъ ли Алекс. Григорьевна въ Кіевѣ, какъ здѣсь разнеслись слухи: или она поѣдетъ въ Петербургъ? Marie вѣрно это знаетъ, мнѣ нужно. Передай так-

[1]) Оторвана часть письма.

же графу, что здѣсь есть очень хорошій шелководъ, французъ, имѣвшій заведеніе возлѣ Кіева, но погорѣвшій, и теперь ищущій мѣста. Онъ получилъ медаль за свой шелкъ и хорошій, честный малый—не нужно-ли?

5 декабря. (1847). Кіевъ.

7.

Сегодня получилъ я твое письмо, дружище, и сегодня же пишу къ тебѣ; но на этотъ разъ по дѣлу и потому прошу отвѣчать также неукоснительно и опредѣлительно. А оное состоитъ въ слѣдующемъ: какъ тебѣ извѣстно, здѣсь обрѣтается Максимовичъ, который долго занимался собраніемъ украинскихъ пѣсенъ и накопилъ ихъ порядочное количество; малѣйшую ихъ часть онъ издалъ, но изданіе остановилось на первомъ томѣ, за неимѣніемъ средствъ. Разговорившись разъ объ этомъ, мнѣ пришло на мысль, не найдется ли добрый человѣкъ, который могъ бы пособить этому горю; и твой образъ мелькнулъ передо мною. Я не назвалъ однакожъ тебя; впрочемъ сказалъ Максимовичу, что можетъ быть мнѣ удастся найти человѣка, который захочетъ дать ему взаймы, или даже пожертвовать нужныя деньги. Теперь, надѣюсь, что ты нисколько не затруднишься сказать мнѣ, безъ всякихъ обиняковъ—нѣтъ, если бы такое предложеніе, почему бы то ни было, стѣсняло тебя, я обращаюсь къ тебѣ съ этимъ вопросомъ. Не хочу тебя ни уговаривать, ни приводить какихъ либо убѣжденій въ пользу Максимовича и его труда. Ты знаешь то и другое; могу только сказать, по его завѣренію, что продолженіе его изданія будетъ снабжено всякаго рода примѣчаніями, для полнѣйшаго уразумѣнія текста, отъ чего зависитъ самый его успѣхъ, и вообще это придаетъ гораздо больше достоинства подобному труду. Въ скольких томахъ будетъ онъ состоять, это трудно опредѣлить; бумага и печатаніе каждаго тома обойдется не менѣе 300 руб. сер., и если ты согласишься на это пожертвованіе, то на пер-

вый случай дальше и не нужно; а тамъ далѣе увидимъ будетъ ли соотвѣтствовать это изданіе твоимъ ожиданіямъ?—и смотря потому, по своему усмотрѣнію, дашь средства на его продолженіе или нѣтъ. Можетъ быть, если выручка будетъ хорошая, тогда и самъ Максимовичъ соберется съ силами на продолженіе. Но во всякомъ случаѣ, пусть это дѣло покамѣстъ останется между нами. Благодарю тебя, дружище, за всѣ тѣ добрыя чувства, которыя я привыкъ находить въ твоихъ письмахъ. Что касается до меня, то хотя я и попалъ въ служебные рядовые (назначеніемъ меня секретаремъ въ нашей канцеляріи) и хотя это меня заваливаетъ бездною разныхъ бумагъ, но я всетаки успѣваю вынырять изъ этого омута, и освѣжаться по временамъ чистымъ воздухомъ чувства и мысли. Моя духовная натура окрѣпла въ борьбахъ разнаго рода и врядъ ли какія либо обязательства въ состояніи подавить ее. Тутъ есть и хорошее, это соприкосновеніе съ дѣйствительностью нашей жизни —а всетаки она должна быть мѣриломъ и почвою нашихъ движеній. Прощай! цѣлую тебя отъ души. Когда будешь въ Мостищѣ, то непремѣнно заверни въ Кіевъ, хоть на нѣсколько дней; пора исполнить тебѣ твое обѣщаніе. Да сдѣлай одолженіе побуди настоятельно Мих. Вас. Гуд. (овича), чтобы выслалъ деньги за сына ко мнѣ или директору 1-ой гимназіи: его приняли на мою отвѣтственность, и могутъ возвратить, если долго не получатъ. Мой сердечный поклонъ всѣмъ вашимъ. Ригельманъ. Я живу въ домѣ Дмитріевой, а не Дмитревской; если ты пріѣдешь одинъ, то остановись у меня непремѣнно. Что же твое предводительство?

„ПОПОКЪ".

*(Продолженіе *).*

XLI.

Сохва, не нашедшая Хведька дома и узнавшая отъ Машки только то, что онъ куда то пошелъ еще съ вечера, крайне была изумлена, когда, указывая пріѣхавшимъ на подторжье какимъ то родычамъ мѣсто для склада сбруи въ своей „коморѣ", увидѣла тамъ его спящимъ на лантухѣ. Она, не давъ никому войти въ комору, захлопнула дверь и повела гостей въ домъ, гдѣ уже она въ сѣняхъ сложила снятую съ лошадей сбрую и какіе то мѣшки.

Какъ только родычи отправились на ярмарку—а это было уже съ полудня. Сохва сейчасъ же пошла въ „комoрю". Хведько мертвецки спалъ; на ощупь одежда на немъ была мокрая, на сапогахъ видна была грязь. Что все это означало, она не знала, но догадывалась, что онъ гдѣ-то протаскался ночь, промокъ, усталъ... Жалко ей было будить его, но нужно было.

Разбуженный Хведько приподнялся съ земли, безсмысленно осмотрѣлся кругомъ и опять упалъ на рядно. Постояла надъ нимъ молодица и опять принялась его расталкивать. Кое какъ наконецъ удалось ей его разбудить и поставить на ноги.

— Прочумайся! Тю на тебе! И въ насъ у двори, тай й мабуть и у васъ люде, а ты,—бачъ яке время—валяешься.

*) См. Кіевск. Стар., 1899 г., апрѣль.

Протры очи. Все на тоби мокре. Це такъ не довго й хоробы здобуть.

Такъ ворчала Сохва, пока вставшій парень пришелъ въ себя, припоминая, гдѣ онъ и понялъ, что рѣчь идетъ о „людяхъ", такихъ, которые впрашиваются на постой во время ярмарки, по случаю ненастной погоды, въ болѣе или менѣе знакомымъ или родычамъ.

— Пройды въ хату,—тамъ никого нема,—та хоть умыешься, тоди вже и перейдешъ у свій двиръ.—

Не легко далось Хведьку исполнить все это: онъ еле могъ переступать ногами и то окорачь; трудно было нагнуться надъ лоханью при умываньи, ломило въ рукахъ и пояснидѣ...

Замѣтивъ все это, Сохва испугалась: ей представилось, что его гдѣ то избили и она заботливо стала распрашивать, что у него и какъ болитъ.

— Та це такъ. Мабудь то одъ того, що на мени все мокре було—объяснилъ парень...

— Гляды самъ—сказала молодица, когда онъ умывшись и перекрестившись нѣсколько разъ на образъ со словами: Ночувала соби!—сѣлъ на лавкѣ.

Днювалы, а не ночувалы—вже отъ скоро й вечоръ... Де це ты такъ добувсь?—спросила Сохва.

Хведько молчалъ и смотрѣлъ на прикрытый скатертью хлѣбъ... Ему вдругъ страшно захотѣлось ѣсть; но сказать о томъ хозяйкѣ по принятому этикету не приходилось. Онъ всталъ идти домой, но Сохва поняла его взглядъ и сообразила.

— Подожды. Я дамъ тоби чого небудь поисты а тоди й пійдешъ,—сказала она и отправилась къ „мысныку", а послѣ и печкѣ, гдѣ достала какой то горшокъ.

Въ этихъ простыхъ словахъ и предложеніи Сохвы для него столько добраго, чисто материнскаго послышалось, что онъ готовъ былъ сейчасъ же поклониться ей, благодарить всячески.

Еле теплый борщъ и совсѣмъ зачерствѣвшая каша показались ему чрезвычайно вкусными, а найденная въ оставленной „жоныхомъ" при послѣдней ночовкѣ бутылкѣ не полная рюмка водки довершила угощеніе.

Пока онъ, что называется, уплеталъ за обѣ щеки обѣдъ Сохва молча сидѣла на другомъ концѣ стола и любовно, но въ тоже время проницательно смотрѣла на него. Бойкіе глаза ея осматривали его, а мысль старалась проникнуть и понять, гдѣ и какъ провелъ онъ ночь: былъ ли онъ гдѣ нибудь побитъ въ похожденіяхъ со своими „знакимцямы" или застигнутъ на свиданіи съ „нею"—Мелашкою... То или другое сопоставленіе его со случившимся какъ то обаятельно дѣйствовало на нее, возвышало его въ ея глазахъ, придавало ему особый оттѣнокъ удали и молодечества.

— Ну, щожъ не кажешъ де бувъ, що робывъ? спросила она, прибирая со стола.

Де ничъ ночувавъ, славы добувавъ — добавила она словами пѣсни.

Сохва въ этотъ моментъ казалась ему такой доброй, родственной, что отдѣлаться отъ нея молчаніемъ онъ не могъ.—

— Ничъ не поспавъ, де чого додбавъ,—отвѣтилъ онъ полупризнаніемъ, которое потвердилъ, доставая изъ кармана и подавая ей четыре зеленыхъ скомканныхъ кредитки.

Этимъ сразу разсѣевалось предположеніе о неудачѣ похожденій, о предполагаемыхъ побояхъ и отстранялась мысль о свиданіи съ „нею", а слѣдовательно и мимовольное чувство ревности. Все это такъ обрадовало молодицу, что она теперь безъ всякаго колебанія взяла деньги и сейчасъ же спрятала ихъ въ „скрыню". Даже опасеніе отвѣтственности его за эти дѣла теперь не пришло ей въ голову.

Но на этомъ и кончилось признаніе его, дальше ни полъ слова.

— Хто жъ це гости въ тебе?—спросилъ Хведько.

— Та це родня.. далеки родычи—попросылыся на время.. Бачъ ото яка була негода! Чы тожъ выпогодытся до завтрёго? Наче витеръ зхоплюется—може й розжене хмары... Тамъ, гляды, й у васъ чы не буде хто. Бувало на цей ярмарокъ заиздять... отти ваши родычи зъ Козынкы, якъ ихъ такъ звуть, забула... Дойды, хозяинъ, до двора, та одягны суху сорочку, все идно завтра недиля.—Хведько всталъ и пошелъ, разминаясь на ходу.

Въ своемъ дворѣ онъ, дѣйствительно, засталъ два воза Изумившаяся при видѣ его Машка объяснила, что это впросились въ дворъ родычи съ Козынкы и ихъ кумовья; что они пишли на подторжье.. Она не стала распрашивать, гдѣ и какъ онъ былъ, а по просьбѣ его достала чистое бѣлье, которое онъ передѣлъ въ чуланѣ, почистивъ и помывъ предварительно загрязненные сапоги.

Къ ночи собралось не мало народу къ нимъ въ дворъ: ярмарчане, пришла Полька съ полдня, такъ какъ нужно было позаботиться о пріемѣ сватовъ, которые навѣрное захотятъ зайти къ нимъ съ ярмарки, а трудность этого пріема заключалась въ томъ что завтра постъ. (Въ день Воздвиженія Честнаго Креста Господня—полагается постъ). Она уже заходила къ Сохвѣ, и онѣ порѣшили послать Хведька къ Хряпкѣ или даже къ дьячку Лаврентьевичу, тоже завзятому рыболову, добыть рыбы, хоть мелкой, на юшку, если не найдется чего лучше. Машка состряпала кой какую вечерю, къ которой были приглашены заѣзжіе гости, не всѣ однако явившіеся въ хату. Мужчины ночевали на дворѣ около лошадей, а въ избѣ помѣстились только три женщины, изъ коихъ одна была съ ребенкомъ.

Выспавшійся Хведько долго не могъ заснуть, а когда ужъ къ полночи почти задремалъ, грудной ребенокъ раскричался и опять перебилъ ему сонъ.. Ворочаясь съ боку на бокъ, онъ припоминалъ похожденія прошлой ночи, когда онъ подъ неустаннымъ дождемъ мчался въ городъ и обратно. Припомнилъ онъ, какъ разъ чуть было не полетѣлъ со споткнувшейся лошади, какъ, обминая какіе-то ѣхавшіе возы, чуть было не увязъ въ канавѣ, какъ встрѣтилъ его Гандзя и вручилъ не одну, а двѣ лошади на обратный проводъ, какъ, наконецъ, отуманенный ночнымъ мракомъ, онъ спутался было около „гамазеевъ“ и, наткнувшись на сторожа, чуть было не влопался, какъ шелъ послѣ сдачи лошадей домой, какъ порѣшилъ никого не будить и улегся въ коморѣ Сохвы, очевидно, случайно незапертой. При всѣхъ этихъ передумываніяхъ онъ ощущалъ какое то чувство удовлетворенія, довольства собою, сознавая, что съумѣетъ дѣло сдѣлать

не хуже другихъ. Вспомнилъ онъ, что завтра нужно будетъ справиться о томъ, выдадутъ ли ему билетъ, и сказать то или другое Шляховому... Замечтался онъ о поѣздкѣ съ этимъ Денысовычемъ, о предстоящихъ дѣлахъ, похожденіяхъ.. Избытокъ силы тянулъ его въ этотъ міръ подвиговъ и удали.

Такъ, уносясь мечтами въ близкое будущее, онъ и заснулъ наконецъ, обезсиленный продолжительнымъ бодрствованіемъ.

XLII.

Разбуженный Полькою Хведько сейчасъ же отправился по ея наказу къ Хряпкѣ, котораго по указанію жены нашелъ на рѣкѣ, плывущимъ уже на лодкѣ домой. У него оказалась только мелкая рыба, и онъ далъ немного ея безплатно.

Писарь, къ которому зашелъ Хведько на домъ, сказалъ, что билетъ вѣроятно выдадутъ, если только нѣтъ за нимъ недоимокъ.

Прошедши на „конную", Хведько не долго искалъ Шляхового. Онъ сидѣлъ на возу съ опущенной на грудь головою, слушая какіе то увѣренія стоявшаго тутъ же москаля. Денысовычъ молчалъ и только похлестывалъ себя по сапогамъ кнутикомъ.

— Нѣтъ! Ты повѣрь—обманывать не стану. Только дай вѣрнаго человѣка перепрятать а то...

Денысовычъ поднялъ голову и, очевидно, замѣтилъ Хведька, но какъ будто не обратилъ на него вниманія и сталъ озираться кругомъ.

— Иды соби геть! тамъ побалакаемо—сказалъ онъ москалю и соскочилъ съ воза.

Хведько понялъ маневръ и медленно сталъ отходить въ сторону.

— Берегись!—крикнулъ наѣзжая, на него цыганъ.

Онъ отстранился и сзади себя послышалъ вопросъ:

— Шо жъ билетъ добудешь?—

Хведько, не поворачиваясь, въ полголоса передалъ слова писаря.

— Ну, такъ старайся, щобъ до Покровы справыться. Рублевку дай йому, отвѣтилъ ему въ томъ же тонѣ Шляховой и исчезъ.

Въ ряду „кушнырывъ" [1]) онъ увидѣлъ своихъ—„титку Горпыну" и Польку, поворачивающуюся въ надѣтомъ на нее кожухѣ. Онъ счелъ своею обязанностію подойти къ нимъ. Торговецъ одергивалъ бѣлый длинный кожухъ, бралъ за концы полъ и подымалъ ихъ выше головы. Польки въ удостовѣреніе того, что „кожухъ рясный" т. е. широкъ въ низу, въ полахъ [2]), снималъ его, выворачивалъ рукава, хлопалъ по рукѣ „титку Горпыну." Понявъ, что Хведько свой человѣкъ покупателямъ, онъ обращался къ нему, божился, увѣрялъ... но тѣмъ не менѣе „титка Горпына" порѣшила пройти „по ряду" и еще посмотрѣть. Причиною отказа ставила она дороговизну, назначенную продавцомъ. Продавецъ просилъ за кожухъ восемьнадцать рублей— „титка Горпына" давала двѣнадцать. Побывали у другихъ „кушнирывъ", еще много разъ повторялись примѣриванія, расхваливанія продавцовъ и докоры покупателей, битье по рукамъ, божба и т. п., пока наконецъ порѣшили дѣло покупкою кожуха за четырнадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ. Завернутый въ большой платокъ кожухъ поручили Хведьку отнесть домой и послать Машку къ иконной лавкѣ, „до богывъ", гдѣ предполагали купить „образъ" на благословеніе,

Хведько давно ужъ торопился домой, помня, что Сохва говорила ему относительно свиданія съ Мелашкой.

Хотя сегодня и выпогодилось, но тѣмъ не менѣе было грязно, особенно тамъ, гдѣ смоченная земля была разбита и сгружена ярморочнымъ людямъ. Сохва въ окно увидала его,

---

[1]) Кушнирь—выдѣлывающій мѣха, въ селахъ преимущественно овечьи—скорнякъ. Они же и шьютъ кожухи и полушубки.

[2]) Кожухъ или полушубокъ долженъ быть широкъ въ полахъ, внизу. Опредѣляется полнота такъ: берутъ два конца полъ и приподымаютъ вверхъ. Если при этомъ поли свободно подымаются выше головы—кожухъ „ременный".

какъ онъ съ завернутымъ кожухомъ пробирался понадъ плетнями, и почти слѣдомъ вошла за нимъ въ ихъ хату. Машка, успѣвшая уже поприбирать послѣ стряпни, сдерживая выраженіе радости, такъ и сіявшей въ ея глазахъ примѣрила кожухъ, одобренный и Сохвою, и сейчасъ же собралась и пошла на ярмарокъ. Проводившая ее на крыльцо Сохва успѣла сунуть ей деньги и вернулась въ хату къ Хведьку.

— Оце дала ій десятку—поки бильше не треба, тай то наказала, щобъ ажъ тоди тратыла, якъ вже въ ныхъ не стане, сказала она...

— Що жъ сыдитымешъ дома?—Сыды, дожидай,—може сваты зайдуть; та якъ що ваши ще не вернутся, такъ мене поклычешъ... наставляла она, выходя изъ хаты...

— А то, може, я тебе поклычу—добавила она, уже переступивъ порогъ сѣней и улыбаясь.

Еще до полудня гости-родычи „поярмаркувалы" и съѣхали со двора, сказавъ, что заѣдутъ на ярмарокъ за оставленною тамъ какою то посудою. Хведько сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на пробирающихся вдоль плетня своихъ уличанъ, на проѣзжающихъ, на бѣгающихъ подъ хатами „хлопчыкивъ" съ черепяными „свыстунамы—конькамы", обыкновеннымъ ярмарочнымъ гостинцемъ. Ему все казалось, что вотъ-вотъ покажется на улицѣ проходящая Мелашка. Но увы! проходило туда и сюда много, а ея не было.

Наконецъ явилась Машка съ купленною иконою въ застекленной рамѣ, украшенной фольгою, и съ какимъ то еще узломъ покупокъ, и вскорѣ вслѣдъ за нею пришелъ и „старый сватъ Тесля" съ мужемъ Польки, оставившіе по ихъ словамъ „стару Теслиху" и титку Горпыну" на ярмаркѣ кое что еще купить.

Тесля разсказалъ, что онъ былъ у „попа выправлялъ метрику", за которую „батюшка" запросилъ сперва двѣнадцать рублей, а сталъ на десяти и никакъ не подается. Что хоть „втрата на выправку" по уговору должна быть и его, но все таки слѣдуетъ сходить къ попу „титкѣ Горпынѣ", или ея мужу. Можетъ быть уламаютъ.

— А то куды! и не пидъидешъ...

Такъ какъ въ хатѣ „старый сватъ" былъ найстаршій, то говорилъ только онъ, а Хведько и мужъ Польки молчали и слушали; Машка же изъ валькиря въ щелочку разсматривала своего будущаго свекра, котораго она видѣла только вскользь на базарѣ, когда послѣ сватанья „наши" зустрилыся съ ними.

Наконецъ надошли и „стара сваха" съ титкою Горпыною, долго на „прысинкахъ" обтирали грязь съ сапогъ, не переставая „любенько" разговаривать—кончать ведшійся всю дорогу разговоръ.

Полька пришла послѣ всѣхъ, такъ какъ она заходила въ кабакъ за водкой и купила два кавуна и три селедки. Всю эту ея покупку кто то изъ уличанъ подвезъ ей до самыхъ воротъ.

Сейчасъ же она принялась съ Машкою собирать обѣдать.

Сватовъ посадили на покуть, а рядомъ съ ними мужа Польки и Хведька; „титка Горпына" заняла мѣсто на особо приставленной лавкѣ впереди стола.

Сначала было предложили Хведьку подчивать, но такъ какъ онъ отказался, то за это дѣло взялась, „титка Горпына", Полька подавала „страву", а Машка экспедировала ее отъ печи.

Это не было пиршество, а простое угощеніе обѣдомъ случайно зашедшихъ сватовъ, но тѣмъ не менѣе при этомъ случаѣ съ одной стороны наблюдали, а съ другой представляли хозяйственность будущей невѣстки. Ради этого и иконы были обвѣшаны чистыми рушниками, и чистымъ рушникомъ для вытиранія рукъ обложены были края стола, и паляныци[1]) тщательно выпечены, и „страва" по мѣрѣ возможности вкуснѣе изготовлена. Какъ сватъ, такъ и сваха, не подавая виду, проницательно взглядывали на Машку и, если первый наблюдалъ за нею только съ внѣшней стороны, то вторая по неуловимымъ для обыкновеннаго наблюдателя признакамъ до тонкости опредѣлила хозяйственность дѣвушки.

---

[1]) Паляныци—хлѣбъ изъ пшеничной муки, а иногда съ примѣсью и житной.

Когда уже на столъ былъ поданъ порѣзанный „скибками" арбузъ, замѣняющій десертъ, а слѣдовательно къ концу обѣда, въ хату вошла Сохва.

Она перекрестилась и степенно со всѣми поздоровалась. По манерѣ, съ какою отнеслись къ ней Полька и Машка, сваты сообразили, что она здѣсь свой человѣкъ, и догадались, что это и есть „досвидчанна маты", у которой ночевалъ ихъ сынъ.

„Титка Горпына" сейчасъ же обратилась къ Сохвѣ съ подчиваніемъ. Немного поломавшись, она взяла рюмку и, съ приговорами и пожеланіями всякихъ благъ и благополучнаго достиженія задуманнаго, выпила до половины, поморщилась, замотала головой и, не смотря на упрашиванія, поставила рюмку на столъ.

Обѣдъ кончился. Гости встали изъ за стола и помолились; но затѣмъ ихъ попросили еще посидѣть. Оживленный къ концу обѣда разговоръ затихъ было, но послѣ опять возобновился. Условились, что „титка Горпына" съ Полькою сходятъ къ попу потолковать о цѣнѣ за метрику; что „якъ що Богъ поможе, то въ недилю и весилля". Свахѣ въ валькирѣ были показаны подарки, а всѣмъ присутствующимъ купленный кожухъ. Сватъ тутъ же вынулъ изъ кармана и передалъ въ руки самой Машкѣ условленную помощь „на справку" пятнадцать рублей, а относительно муки сказалъ: а муку самъ прывезе...

Всѣмъ понятно стало, кто этотъ „самъ", какъ равно понятно и то, что деньги сватъ выдалъ только тогда, когда увидалъ купленный кожухъ; но тѣмъ не менѣе Машка, принимая деньги поклонилась въ поясъ будущему свекру, а потомъ и свекрухѣ.

Опять разговорились о томъ, о семъ, а Машка тѣмъ временемъ прибрала посуду и пошла въ валькиръ показывать Сохвѣ „образъ" и „подарки". Туда же вошелъ Хведько.

— Подай мени, Машо, воды—сказала Сохва, а то такъ и першыть у горли горилка. Пока Машка ходила за водой, Сохва успѣла сунуть въ руку Хведьку ключъ отъ своей хаты и сказала: заразъ иды, та тильки зачыняйтесь!..—шепнула она.

Взявъ шапку, Хведько тихонько вышелъ изъ хаты и огородами почти бѣгомъ пробрался въ избу Сохвы. Тамъ въ валькирѣ, окно котораго предусмотрительно было „запьято" какимъ то платкомъ, онъ нашелъ Мелашку, припавшую головой къ подушкѣ.. Она очевидно, плакала,но оправилась при входѣ Хведька и со словами: охъ, заждалася!—припала къ нему на грудь.— Думала, що вже й побачыться не прыйдется—шептала она, обнимая парня и ласкаясь къ нему.

— Наче хмарою заслоныло, и свитъ мени не мылый, и не дывылась бы ни на кого, тилько ты одынъ зъ думкы не входышъ, ажъ увыждаешься—страстно обнимая его, прижимая къ себѣ, шептала она и цѣловала-миловала его...

Онъ и словъ не находилъ, отвѣтить ничего не могъ. Въ эту минуту онъ и ея мужа забылъ, и всѣ свои дѣла; онъ даже не давалъ себѣ отчета въ томъ, что вотъ теперь онъ съ нею, не любовался ею, а чувствовалъ ее всѣмъ существомъ своимъ, сливался съ нею въ страстныхъ объятіяхъ.

И онъ, и она многое хотѣли сказать другъ другу, когда думали о предстоящемъ свиданіи, но теперь все это забыто, ничего они не вспомнили.

Не сразу достучалась къ нимъ Сохва, явившаяся припомнить имъ о необходимости прекратить свиданіе—разойтись. Она, впущенная Хведькомъ въ хату, не смотрѣла на нихъ, а только сказала Хведьку.

— Буде! Иды до дому, тамъ жоныхъ прыихавъ, прывизъ муку и гости збираются ихаты вже...

Не попрощавшись, выскочилъ парень изъ хаты и, пробѣжавъ огородами, очутился у себя во дворѣ.

Не много погодя Мелашка улицей прошла къ своимъ.

XLIII.

Незамѣтно прошла недѣля въ хлопотахъ по приготовленію къ свадьбѣ. „Титка Горпына" и Полька два раза каждая по-

бывала у Самченковыхъ, а въ пятницу прямо съ базара онѣ пріѣхали уже на все время свадьбы, привезли съ собою купленную на базарѣ цѣлую тушу баранины и полпуда свинины. Подушки, купленныя, какъ это разсказано выше, у черницъ были доставлены въ одинъ изъ пріѣздовъ Польки и сложены въ коморѣ. Сохва принимала самое дѣятельное участіе во всѣхъ хлопотахъ: ей было между прочимъ поручено заготовленіе локшины, лапши изъ пшеничной муки, привезенной женихомъ; у нея въ хатѣ принимался каждый вечеръ являвшійся со своимъ бояриномъ женихъ, Какъ съ вечера, такъ и по утру гостей этихъ угощали яишницей, млынчиками и оришками [1]). Принявъ на себя всѣ эти хлопоты, Сохва явила извѣстную долю самопожертвованія, такъ какъ ея личныя дѣла-заработки на молотьбѣ подсолнуха или при экономическихъ молотилкахъ—пришлось упустить. Машка съ подругою--Орышкою Плахотыною—не выходили почти отъ Сохвы, спѣшно заканчивая кой какое шитво, при чемъ не переставали пѣть. Пѣсни ихъ не были обрядовыя, свадебныя. Нѣтъ. Это были пѣсни бытовыя, въ которыхъ разсказывались разныя случайности изъ исторіи любви, а также супружеской жизни. Въ нихъ и „любылыся, кохалыся якъ голубивъ пара“, и расходились „якъ чорная хмара“; и порывалось и серце, и душа туда, въ то село, которое не видно, а виднѣлась одна только груша; и тоскованіе за „мыленькымъ, моимъ сонцемъ“, котораго она выглядываетъ „сидя край виконця“; и просьба отдать ее „не за старого, не за малого—за козаченька молодого“; и ужасы жизни за „пъяныченькомъ проклятымъ“; и о сосонкѣ прекрасной, и о доленькѣ несчастной; и о томъ, какъ несчастная „водыла коня, щей другого—вызволяла його молодого“ и какъ ей за все это была одна и таже „шана“.

— Косою хату вымитала,
Плечьма двери одчыняла—...

---

[1]) *Млынцы, млынчыкы*—блины. *Оришкы*—кубиками порѣзанное пшеничное тѣсто, прожаренное въ салѣ, маслѣ или смальцѣ.

Все перебиралось въ пѣтыхъ ими пѣсняхъ—этихъ резюмированіяхъ горькой жизни, этихъ складныхъ жалобахъ на долю горькую, на „биду горюваньячко".

Хведько два раза натыкался на это пѣніе и каждый разъ, боясь перебить его, останавливался и слушалъ—воровалъ это малодоступное ему удовольствіе. Онъ уже ушелъ отъ того возраста, когда этого можно было вдосталь наслушаться на „юлыци", между молодежью. Пѣніе всегда настраивало его жалобно, звучало чѣмъ то безвозвратно ушедшимъ прошлымъ, припоминало ему короткую, прерванную невзгодами весну его жизни...

„А въ мого двора
Нема ни кола,
Тилькы й родыны, що кущыкъ калыны,
Тай та не цвила!
Калыно жъ моя,
Чомъ ты не цвила?
Та булы жъ зимни, лютыи морозы,
Тимъ я не цвила, цвиту не дала..."

Безнадежностію звучала пѣсня и безнадежно, съ жалемъ за прошлымъ, болѣла душа у парня за изломанной жизнью.

Еще въ четвергъ съ вечера была „вынята дижа", т. е. сдѣлано приготовленіе къ печенію свадебныхъ тѣстъ. Явившіяся прямо съ базару въ пятницу „титка Горпына" и Полька застали уже посаженными въ печь „шышкы" Сохвою и нарочно приглашенною для сего сосѣдкою молодицею.—„Шышкы липылыся" такъ: изъ подмѣшеннаго и взошедшаго тѣста выкатывались длинныя полоски; на одной изъ продольныхъ сторонъ полоска нарѣзывалась частыми рѣзами, затѣмъ эта полоска тѣста непорѣзанной стороной свертывалась и обводилась тонкимъ валикомъ изъ тѣста, какъ бы связкой. Разрѣзанная сторона распиралась и выходило что то похожее на цвѣтокъ. Эти „шышкы" пеклись въ большомъ количествѣ.

Между тѣмъ навернувшійся изъ волости „дядько Иванъ" предложилъ Хведьку пойти въ заводскій подвалъ купить къ свадьбѣ ведро водки, которая въ подвалѣ и дешевле и „добрій-

ша". Но у Самченковыхъ не оказалось нужной посуды. Сохва опять и здѣсь выручила: у кого то изъ сосѣдей добыла „баклагъ"[1]), который оставалось только замочить, такъ какъ онъ былъ немного разсохшійся. Замачиваніе «баклага» задержало ихъ, —они отправились въ подвалъ уже передъ заходомъ солнца. Тамъ тоже пришлось „забарытыся", потому что, по случаю пребыванія въ это время на заводѣ какого то акцизнаго начальства, подвальный не рѣшался отпускать одно ведро, а поджидалъ, пока не прійдетъ еще кто нибудь изъ покупателей, чтобы хоть въ разныя посуды отпустить не менѣе трехъ ведеръ. „Дядько Иванъ" такъ и не дождался отпуска водки, а немного напробовавшись „добрійшой", отправился домой, оставивъ Хведька въ подвалѣ дожидать, пока стемнѣетъ и тогда вынести баклагъ подъ полою.

Рано въ субботу собрали Машку съ ея подругою въ путь-дорогу „клыкать на весилля". Ей предстояло побывать и на Удильщинѣ въ домѣ жениха, и въ домѣ Польки, и на Бемовкѣ у діакона, у котораго она лѣтомъ служила, и на „Деревнѣ", въ домѣ „титки Горпыны",—гдѣ она должна была взять „въ дружкы" свою двоюродную сестру—подростка Орышку, и въ своей слободѣ то тамъ, то сямъ, и у „дядыны Катри" и у сосѣдей...

Пораньше собрали кой чего поснидать и затѣмъ вырядили. Машка надѣла ловко сшитую „кожушанку", отороченную крымскимъ сѣрымъ смушкомъ, приппилила поверхъ шелковаго (гарнитуроваго) платка, повязаннаго на головѣ такъ, что макушка осталась непокрытою, вѣнокъ искусственныхъ цвѣтовъ, въ выпущенную косу вплела алую шелковую ленту. Помолилась и, наученная присутствующими молодицами, обратилась къ „титкѣ Горпынѣ".

— Благословить, мамо, ридъ-родыну, людей добрыхъ на весилля клыкать.

— Богъ благословыть.

— И въ друге, и въ третте.

[1]) Плоскій бочевокъ.

— Богъ благословыть, Богъ благословыть, и я благословляю—отвѣтила „титка Горпына“ и подала ей завернутыя въ платокъ двѣ шишки и еще особо завернутую, пошитую для „молодого“, рубашку.—Оба эти свертка Машка приняла изъ рукъ „титкы Горпыны“, а Полька подала дружкѣ палочку, и дивчата отправились.

Провожая ихъ на крыльцо, Полька наставляла Машку:

— Кланяйся въ поясъ и кажы такъ:—Мылосты вашои просю до мене на весилля.

Дивчата прежде всего обошли сосѣдей. „Молода клыкала на весилля“ и у нѣкоторыхъ просила отпустить дочь „въ дружкы“.

— Пустить до мене Настю (или Дуньку) въ дружкы.—

— Въ добрый часъ! Боже тоби поможы и благословы.—

На плотину изъ слободы „молода“ вышла уже въ сопровожденіи пяти дружекъ. Перешедши мостъ, „дружки“ осмѣлились запѣть. Онѣ пронзительно визжали (верещали) очевидно раньше прорепетированную пѣсню.

Ой попе, попе Матвію,
Не звоны рано въ недилю,
Зазвоны пораньше въ суботу,
Нехай пускають зъ роботы,
Нехай дружечкы не прядуть,
Нехай же воны винкы вьють
Изъ руточкы та изъ мъяточкы,
Изъ червонои та калыночкы.
Ой зъ червонои та калыночкы
За для молодои та Марьечкы,
Та въ дерева та ялыны
За для молодой княгыни.

Послѣднія слова пѣсни онѣ тянули какъ можно дольше.

Сходя уже съ плотины на лугъ, „молода“ съ дружками встрѣтила своего будущаго свекра—Теслю, ѣхавшаго къ священнику въ Андреевку „за выправкою“, за которую нужно было по окончательному уговору уплатить шесть рублей.

Увидавъ издали и узнавъ Теслю, Машка обратилась къ подругамъ:

Шо жъ мени робыть? Чы клыкаты?... (она не сказала кого, такъ какъ не знала въ эту минуту, какъ назвать Теслю).—Дивчата зглянулись, и когда всѣ узнали, кто ѣдетъ, порѣшили, что нужно клыкать. Тесля, подъѣхавъ ближе и увидавъ, что дивчата направляются съ „молодою" впереди къ нему, поприде̂ржалъ лошадь и на поклонъ и приглашеніе Машки, отдавая ей шишку, которую онъ поцѣловалъ, приподнялъ малахай и сказалъ.

— Спасыби, батькова дочко! Нехай Богъ помогае! И васъ до насъ просымо.—

По Бемовкѣ прошли дивчата на Удильщину. Шли онѣ шибко, такъ что сопровождавшія ихъ по улицѣ дѣти только въ припрыжку поспѣвали за ними. Орышка Плахотына, какъ старшая дружка, шла слѣдомъ за „молодою", готовая данной ей палочкой (цѣпкомъ) отогнать взбудораженныхъ „верещаннямъ" дружекъ собакъ.

Зашли къ Зубатенкамъ—(дворъ Польки) и направились по указанію ихъ ко двору Тесливъ. Тамъ у Тесливъ шли приготовленія къ свадьбѣ; стояла уже дижа съ замѣшеннымъ тѣстомъ, когда кто-то сказалъ о приближеніи „молодой" съ дружками. „Стара Теслиха" вышла на крыльцо и тамъ ожидала подходящихъ ко двору „молодую" и дивчатъ, окруженныхъ сопровождающею ихъ дѣтворою. Подошедши къ двору, дружки пѣли:

Заручена наша Марьечка
Заручена....
Положыла билую руку
На заруку....
Била жъ моя рученька у батенька,
Ой чы будешъ така жъ била у свекорка....
Якъ будешъ ты, Марьечко, покирненька
Буде твоя рученька все биленька,
Якъ будешъ же ты тай упряма,
Буде твоя головонька що дня пьяна.

У садочку шевлієчка зелененька,
Тамъ ходыла наша Марьечка молоденька,
А за нею Ивашечко изтыхенька,
— Стривай, постій ты, Марьечко,
Уже жъ ты моя—
Вона стала й одказала:
— Ой ще жъ не твоя.
Ой я въ свого роду паняночка,
А ты въ свого панъ.
Шукай соби ты иншои,
Такои, якъ самъ...—

— Идить же у двиръ, батькови дочкы, позвала дивчатъ Теслыха. Но дружки не унялись и еще пропѣли.

Тисни ворота, тисни...
Йихалы бояре пышни.
Везлы каравай и шышечкы,
Щобъ збыралыся дружечкы;
Щобъ и батенько догадався
И къ весиллячку прыби—р—а—вся...

Протянули онѣ, послѣ чего прошли вслѣдъ за молодою во дворъ, а послѣ и на „прысинкы“ хаты, гдѣ Машка „трычи нызенько вклонылася“ будущей своей свекрухѣ и приговаривала обычную формулу приглашенія на свадьбу.

— Спасыби тоби, моя дытыно. Боже вамъ допоможы.... И до насъ просымо—отвѣтила Теслиха и, принявъ отъ „молодой“ завернутую въ новый платокъ шышку, позвала ихъ войти въ хату. Здѣсь имъ предложили «поснидать», но дивчата отказались „Молода“ подала въ платкѣ пошитую ею для „молодого“ рубашку. Теслиха развернула платокъ, достала рубашку и показала бывшимъ въ хатѣ, очевидно, для сегодняшняго торжества собравшимся, „жинкамъ“. Тѣ разсматривали шитво и передавали одна другой. Опять стали приглашать „хоть трохы чого закусыть“, но дивчата не садились даже и положительно отказались.

Тогда Теслиха достала изъ стоявшаго на „покути“ рѣшета свою шишку, завернула ее въ свой новый большой платокъ и

подала „молодой,“ еще поблагодарила ее и всѣхъ дружекъ и проводила ихъ за ворота, гдѣ онѣ сейчасъ же заверещали:

Ишлы дружечкы
У три рядочкы,
А Марьечко тай попереду,
Уси жъ дружечкы
Такъ якъ макивъ цвитъ.
А Марьечка, якъ повна рожа.

XLIV.

Пока молода съ дружками обходила намѣченныхъ родичей, въ хатѣ Самченковыхъ затѣвалась церемонія приготовленія „коровая“ и „лежня“, начинали „коровой бгаты“.

Въ печи уже кончилась стряпня заготовляемыхъ къ вечеру кушаній. Сварили „капусту“ со свининой и бараниной, сжарили баранину и приготовили бульонъ для „галушекъ“. Стряпали (поралыся коло печи) Сохва и Полька подъ наблюденіемъ „титкы Горпыны“, самолично состряпавшей только „варену“, какое то питье изъ вишень, меду и водки, которое она въ особомъ горшкѣ, плотно укутавъ крышкою по изготовленіи, поставила на печь въ самый уголъ. Пришли еще двѣ сосѣдки нарочито приглашенныя; явилась и „дядына Катря“....

Изъ валькира съ лежанки внесли прикрытую скатертью „дижу“, въ которой еще съ вечера была „вчинята опара“ и поставили на особую табуретку. Всѣ четыре молодицы—Сохва, Полька и двѣ сосѣдки—позасукивали рукава выше локтей, помыли руки и приступили къ дижѣ. Полька перекрестилась и, оглянувшись по хатѣ, сказала.

— Благословить, добри люде, почынаты коровай мисыты.

— Богъ благословыть—отвѣтили ей.

— И въ друге, и въ третте...

— Богъ благословыть, Богъ благословыть—повторили.

Тогда она изъ поданной въ большой мискѣ муки взяла три раза по полной пригоршнѣ, всыпала въ дижу и стала мѣсить ее сжатыми кулаками. Все то же вслѣдъ за Полькою продѣлали, только не благословясь уже и остальныя три молодицы. Замѣшенное такимъ образомъ тѣсто прикрыли скатертью и поставили на лежанкѣ для того, чтобы тѣсто „взошло".

Молодицамъ предложили „поснидать", но онѣ порѣшили, что „снидать" будутъ послѣ того, какъ посадятъ коровай въ печь. Одну изъ молодицъ отправили „ажъ до Могрыцькыхъ добуты калыны", необходимой при печеніи, какъ свадебныхъ хлѣбовъ, такъ и въ дальнѣйшихъ церемоніяхъ свадьбы.

Вернулась она съ цѣлымъ пучкомъ калины, наломанной прямо съ куста, даже съ зелеными листьями; печь уже готова, тѣсто взошло, что провѣрено всѣми наличными женщинами, входившими по очереди въ валькиръ, приподымавшими скатерть и заглядывавшими въ дижу. Порѣшено приступить къ приготовленію коровая.

— Хто до кого, я до Бога, до вашого здоровья. Благословить коровай бгаты, шышкы липыты,—сказала Полька, ставъ посреди хаты съ засученными и помытыми руками, очевидно вошедшая въ свою роль главной заправилы.

Хведько, призванный нарочно Сохвою и усаженный около стола, по ея же подсказу, конфузясь и путаясь въ словахъ, отвѣтилъ.

— Богъ благословыть. И въ друге и въ третте.

— Дижу вынесли вчетверомъ крестъ на крестъ молодицы изъ валькира и, троекратно приподнявъ ее на рукахъ вверхъ, поставили на табуреткѣ и, „хрестъ на хрестъ" нагинаясь надъ дижою, поцѣловались. Подмѣсили еще немного муки и начали мѣсить всѣ четверо одну большую булку, которую и положили на поставленную на столѣ и присыпанную мукою крышку дижи—(вико).—Два выкатанныхъ изъ тѣста валика положили крестообразно на булку и затѣмъ такимъ же валикомъ обвели снизу булку, приткнувъ мѣсто стычки концовъ валиковъ прутиками калины. Послѣ того, слѣпивъ одну большую шишку, воткнули

ее на верху „на перехрести", а четыре меньшія шишки между крестовиками. При этомъ молодицы пѣли:

Тройця Спаса за рученьку водыла..
„Ходы, Спасоньку, до насъ,
„А въ насъ, Спасе, все гараздъ:
„Хорошыи коровайныци,
Хороше коровай бгають,
Сыромъ прысыпають,
Масломъ полывають.

Затѣмъ лѣпили „лежень": вылѣпленную продолговатую булку изукрасили разрѣзанными по продольной сторонѣ выкатанными изъ тѣста полосками, а низъ обвели круглымъ валикомъ. Изъ остальнаго тѣста налѣпили шишекъ.

Упиравшагося Хведька заставили поданною ему кочергою сгресть золу въ печи, а послѣ немного смоченнымъ помеломъ подместь подъ чиринь печи. При этомъ припѣвали:

Кучерявый пичь вымитае,
Пелехатый заглядае,
Чы хороше кучерявый вы-ми-та-е...

Едва онъ кончилъ эту работу, какъ всѣ четыре молодицы-коровайницы накинулись на него и мазали его лицо мокрыми и даже запачканными тѣстомъ руками такъ, что онъ силою вырвался отъ нихъ и безъ шапки при общемъ хохотѣ всѣхъ присутствующихъ побѣжалъ изъ хаты.

Опростанную дижу опять всѣ четыре молодицы три раза высоко приподняли такъ, что она ударилась въ сволокъ и вынесли обратно въ валькиръ, припѣвая:

Дижа, дижечко кленовая,
Въ тоби донце дубовее,
Мы въ тоби тисто мисылы
Мы зъ тебе коровай бгалы,
Лежень шышкы ли-пы-л-ы.

Раньше еще были измѣрены „челюсты" (отверстіе) печи. Молодицы перекрестились, и Полька обратилась къ „титкѣ Горпынѣ" со словами: „благословить коровай на чиринь сажаты",

и, послѣ обычнаго „Богъ благословыть“, молодицы понесли коровай на крышкѣ дижи и съ крышки осторожно спустили на подъ печи; а затѣмъ ужъ съ лопаты поспускали „лежень“ и шишки.

Когда несли со стола коровай, то пѣли:

Ой пичь ходыть на ногахъ,
Дижу несемо на рукахъ.
Ой пичъ наша, пече!
Спечи намъ коровай грече...

Когда все это покончили, „титка Горпына“ зажгла пучокъ соломы на загнеткѣ (прыпечку), осмотрѣла внутренность печи, пригребла ближе къ челюстямъ жаръ и, перекрестивъ, закрыла заслонкой печь.

Молодицы тѣмъ временемъ пѣли:

Ой зъизжайся роде-родыноньк
Та до насъ на пораду,
Бо въ насъ ладу немае:
Старая маты порядкивъ не знае,
До стола не прыступае,
Кубочкивъ не сповняе,
Гостей не витае...
Ой пече жъ наша, пече
Спечы намъ коровай грече.
Та за цюю вистъ
Намъ чарокъ по шисть.
А то хоть по однiй
Абы по повнiй.

И начали тормошить „титку Горпыну“.

— Постойте! Гетьте, сорокы!—добродушно, шутливымъ тономъ отбивалась отъ нихъ „титка Горпына“.

— А дежъ це нашъ молодый хозяинъ?—отозвалась одна изъ молодицъ.

— Винъ десь зъ ляку забигъ зъ двора—його теперъ и не заклычешъ у хату—отвѣтила смѣясь другая.

Но Сохва нашла его въ сѣняхъ и ввела, увѣривъ, что больше никто его не тронетъ, а „вмылы" его потому, что „такъ годытся".

Полька подала на столъ закуску, а „титка Горпына" поднесла всѣмъ водки. „Поснидавъ" съ молодицами и Хведько.

И во время снидапья, и послѣ того, то одна, то другая изъ молодицъ попеременно пріоткрывали заслонку и заглядывали въ печь. Послѣ нѣсколькихъ такихъ заглядываній начали вынимать шишки, а затѣмъ уже и коровай съ лежнемъ. Все это укладывалось на застланной скатертью лавкѣ, пока остынетъ. Послѣ шишки сложили въ какое то рѣшето, а коровай и лежень положили на столъ. Лежень какъ разъ посрединѣ стола, а коровай ближе къ концу стола противоположному „покутю", т. е. переднему углу. Коровай ставила сама „титка Горпына", перекрестившись и благословившись....

— Благословить коровай на ёго мисти ставыть.

Хведько не находилъ себѣ мѣста въ хатѣ: сидѣлъ на лавкѣ—его оттуда прогнали, когда раскладывали вынимаемыя изъ печи шишки; подался къ порогу—здѣсь онъ мѣшалъ подходить къ печи; перешелъ на другую сторону стола—его отстранили, когда стали застилать столъ; хотѣлъ было пройти въ валькиръ—тамъ поналожено всячины... Такъ и топтался онъ съ мѣста на мѣсто по хатѣ, пока Сохва смѣясь примостила его въ углѣ на скрынѣ.

Молодыци тѣмъ временемъ пѣли:

Ой пропою, та пропоечку,
Пропывъ есы свою дочку
У вышневому садочку
За медъ горилочку.
Колыбъ я знала, що засватана буду,
Не ковала бъ, не золотыла перестеньочка,
Не обковала бы крыльця та въ голубочка,
Узяла бъ його сызыи крылечка
Тай поленула бъ край свиточка,
На чужую та сторононьку,

До чужого та до родоньку,
Подывылася бъ на чужого батенька,
Чы винъ ридный, чы на все довильный.
Такъ не такый довильный
Якъ мій ридный...

Надошли „дядько Иванъ" и мужъ Польки, Максимъ Зубатенко. Первый, поздоровавшись, спросилъ.

— Ну, що жъ вы тутъ зовсимъ управылыся? Я зустривъ свата, повизъ выправку до свого батюшкы. Казавъ, що скоро прыбудуть. Я оце одпросывся въ росправи....

Имъ предложили закусить, поднесли по рюмкѣ водки. Угощеніе это шло по домашнему, какъ у своихъ людей, безъ всякой обрядности.

Одна изъ сосѣдокъ пошла за чѣмъ то домой, другая перетирала посуду; Полька и Сохва съ „титкою Горпыною" въ валькирѣ что-то укладывали, распредѣляли. При завтракающихъ оставался Хведько да еще „запышавшаяся дядына Катря", очевидно недовольная тѣмъ, что ее не пригласили на совѣтъ въ валькиръ....

Позавтракавъ, хотя это было уже послѣ полудня, „дядько Иванъ" и Максымъ встали изъ за стола, перекрестились и сѣли на лавкѣ.

Тихо было въ хатѣ, слышенъ былъ шопотъ совѣтовавшихся въ валькирѣ.

— Годына стала. Слава Тоби Господы! отозвался „дядько Иванъ" очевидно ради того, чтобы прервать молчаніе.

— Еге жъ! Богъ давъ—пообсіялыся саме упору передъ дощемъ, а теперъ хоть бы й попогодыло. Вже почалы копаты бурякы. Отъ зъ недили и въ насъ начынатымуть—поддержалъ разговоръ мужъ Польки.

Молодица поприбирала со стола и стала около окна.

— Онде диты побиглы—чы не йде наша „молода",—сказала она, посмотрѣвъ въ окно на улицу.

Дѣйствительно, послышалось верещаніе дружекъ. Машка возвращалась со своего обхода съ нѣсколькими дружками. Вокругъ нихъ увивалась Красноселовская дѣтвора,

Дивчата остановились около двора и заверещали:

Тисни ворота, тисни—
Йихалы бояре пышни,
Везлы коровай й шышечкы,
Шобъ збиралыся дружечкы,
Шобъ и батенько догадався
И къ весиллячку прыбирався.
Гуляй, гуляй, наша Марьечко,
Покы волю маешъ,
Ни провищо не дбаешъ,
Свою воленьку вволяешъ.
Соби на здоровъячко,
Родови на втишаньячко.
Недоброи матери тоди погуляешъ,
Якъ выйдешъ замижъ...

— Идить, идить,—въ хату! Буде вамъ верещать—позвала Полька дивчатъ.

Въ хату прошла первою Машка, вся красная, съ заплаканными глазами. Полька это замѣтила и пристально посмотрѣла на нее. Одна изъ пропускаемыхъ Полькою въ двери дружекъ шепнула.

— У „Балци“ булы, голосыла на могыльци. Полька поняла, что Машка заходила на могилу матери, и вздохнувъ пошла за дружками въ хату.

— Днювалы соби! Боже вамъ допоможи!—говорили дружки, входя въ хату и перекрестившись на образа.

— Проходьте дивчата. Проходьте дали, сидайте, потомылысь—приглашала Полька дружекъ, пока Машка, подавъ „титци Горпыни“ завернутую въ платокъ шышку, раздѣвалась.

„Титка Горпына“, вывязавъ шышку изъ платка, разсматривала его и показала Сохвѣ. Это былъ платокъ, данный свахою Машкѣ взамѣнъ ея платка и предназначенный для ношенія на головѣ.

Оправившаяся въ валькирѣ Машка вышла и пригласила съ обычными поклонами „дядька Ивана“ и мужа Польки, такъ

какъ она хотя и была у нихъ дома, но ихъ не застала. На деревнѣ Машка забрала въ дружки свою двоюродную сестру, дочь титки Горпыны, подростка Орышку. Тамъ же она, проходя около двора Дейнекивъ, увидала Мелашку и ее пригласила на свадьбу.

XLV.

„Дядько Иванъ“ и Максимъ отодвинулись отъ, стола, давая мѣсто дружкамъ, а Хведько даже совсѣмъ всталъ съ лавки и стоялъ, но дивчата не пошли за столъ, а кое какъ жались въ углу хаты около валькиря.

Было уже не рано—вотъ и къ вечернѣ заблаговѣстятъ. „Титка Горпына“, пошептавшись съ Полькою и Сохвою порѣшили „садовыть молоду“ за столъ.

Пока молодыци приготовляли миски и ложки, „титка Горпына“ зажгла три восковыя свѣчки и прилѣпила ихъ къ образамъ, въ числѣ которыхъ сіяла фольговой отдѣлкой новая икона, купленная Машкѣ на благословеніе и подала четыре свѣчки Полькѣ, какъ намѣченной въ свадебный чинъ свашки.

— На, свашко! Прылипы до короваю: це твое дило.

Полька взяла свѣчи, перекрестилась и, обратясь къ „дядьку Ивану“ и мужу, сказала:

— Хто до кого, а я до Бога, до вашого здоровья. Благословить коровай скрасыть, вызьцемъ звыть, жертвою Божою.

— Богъ благословыть,—отвѣчали ей.

— И въ друге, и въ третте.

— Богъ благословыть, Богъ благословыть. Повторили они,

Всѣ присутствующіе въ хатѣ стояли, кромѣ „дядька Ивана“ и Максима, замѣнявшаго въ данномъ случаѣ старостъ.

Полька въ коровай около боковыхъ шишекъ воткнула по свѣчкѣ съ вѣточками калины и затѣмъ уже, когда ей подала запыхавшаяся, выбѣгавшая нарочно за тѣмъ одна изъ молодицъ, пучекъ житныхъ и овсяныхъ колосьевъ, она къ калинѣ и свѣч-

камъ прибавила по нѣсколько колосьевъ. Исполнивъ все это, Полька по подсказу молодицъ приняла со стола „лежень“, перекрестилась и отошла въ сторону.

— Ну, теперъ тоби, небоже, а не кому иншому заводыть за стилъ молоду,—обратилась „титка Горпына“ къ мужу Польки, Максиму.

Сейчасъ же подали ему платокъ, конецъ котораго онъ подалъ Машкѣ и, благословившись, провелъ Машку за столъ, а самъ вышелъ кругомъ изъ-за стола и сѣлъ на свое мѣсто.

Машка сидѣла на почетномъ концѣ стола, а дружки сѣли вдоль длиннаго края его. Старшая дружка поближе къ молодой.

Во время этого размѣщенія «молодой» съ дружками, послѣднія пѣли:

Уси янголы, уси святи
По виконечкамъ силы,
За для молодои Марьечкы
Благословення просылы
У батенька и у матинкы,
У всіеи та родыноньки:
„Благословить мени на посадъ систы“!
—Зъ Богомъ, донечко, и зъ молытвою,
Зъ Богомъ, дытятко, зо всима святыми;
Богъ тоби на помичч'
Янголы на радость!

Пока ставили на столъ миски съ „капустой“ и обкладывали ихъ ломаными кусками „паляныци“, дружки пѣли:

Ой рясна пышна калына въ лузи,
А щежъ краща наша Марьечка....
А передъ столомъ батько частуе,
Гостей частуе, щастямъ даруе,
Щастямъ, здоровьямъ, доброю долею.
А на покути Самъ Господь сыдыть,
А по виконцямъ все янгелята,
А скризь по стинамъ та вси святыи
А по надъ ными Божая Маты
Даруе щастямъ, доброю годыною...

Мологай, Марьечко, мологай! (sic)
Що въ тебе батенька не мае,
Шо въ въ тебе й матинкы не мае,
Нихто й порядкивъ не знае:
Та стоять столы непозастылани,
Чаркы и пляшкы не налывани,
Уси гости позасмучани.

Чтобы „выспивать“ все, что по свадебному чину полагается, дружки считали своей непремѣнной обязанностью. Передъ каждою новою пѣснею онѣ шептывались, какъ бы совѣтуясь, при чемъ видно было, что старшая дружка, Орышка, репетировала весь извѣстный ей репертуаръ „весильныхъ“ пѣсенъ и что пѣсни эти извѣстны были остальнымъ дружкамъ. Обыкновенно Орышка начинала—„заводыла“, а остальныя дивчата подхватывали и хоромъ вели пѣсни до конца. Мотивы пѣсенъ этого дня были большею частью печальны, на минорный тонъ. Послѣднія слова пѣсни и послѣдніе слоги вытягивались. Отсутствіе арранжировки дѣлало то, что всѣ тянули въ одинъ тонъ и при этомъ ужасно визжали.

Около хаты Самченковыхъ сбѣжалось много дѣтей разнаго возраста. Они смотрѣли на всю церемонію въ окна, выходящія на улицу; изъ хаты въ окнахъ видны были цѣлыя кучи головокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя совсѣмъ прижаты были приплюснутыми носами къ стекламъ оконъ. Заслоненныя такимъ образомъ окна не пропускали свѣта. Но еще было свѣтло отъ оконъ, выходящихъ во дворъ, столъ освѣщался свѣчами около иконъ и на короваѣ. Въ хатѣ было душно и жарко, лица дивчатъ отъ жары и пѣнія были красныя, пылающія...

— Буде вамъ верещать. Вси переспиваете, на-дальше ничого й не зостанется... остановила дружекъ Полька.

„Титка Горпына“ между тѣмъ налила рюмку водки и обратилась къ мужчинамъ.

— Благословить дружокъ, молоду челядь, почастуваты.

— Богъ благословыть—хоромъ отвѣтили ей на ея троекратный запросъ, и она подала первую рюмку Машкѣ. Но та замотала головой и сказала:

— О, ни! Шо це вы?—а послѣ оправившись добавила: сами кушайте на здоровья...

— Ну, дай же намъ Господы, Пречыстa Маты Диво и вси святыи, молодыхъ дитей подружыть. Даруй имъ Господы щастя, здоровья, викъ довгый, розумъ добрый. Будьте здорови'— заключила „титка Горпына" и, поклонившись всѣмъ, надпила немного.

Долитую рюмку она подала Машкѣ, но та положительно отказалась. Тогда рюмка была подана старшей дружкѣ. Она помочила губы, скривилась и отдала рюмку. То же сдѣлали и всѣ дружки такъ, что подносимая рюмка была только расплескана и ничуть не надпита.

— Шкода жъ козамы сино травыть—сказала „титка Горпына", отдавая Полькѣ бутылку и рюмку, и пригласила дивчатъ обѣдать.

Онѣ тоже сначала церемонились, но упрошенныя и соблазненныя одна за другою начали ѣсть, какъ слѣдуетъ. „Молода", набѣгавшаяся столько, тоже не отставала отъ дружокъ. Меню было не особенно разнообразное: послѣ „капусты" подана была на деревянныхъ тарелкахъ „покрышана" (порѣзанная кусочками) свинина и баранина, а послѣ галушкы изъ локшины.

Когда поставили на столъ лапшу, „титка Горпына" поподчивала дивчатъ «вареною». Машка опять отказалась пить, а дружки, поломавшись, прихлебывали понемногу, при чемъ притворно кривились и гримасничали.

Пошептавшись, дружки не громко и складно стали пѣть.

Ой ходыла та Марьечка по крутій гори,
Та побачыла селезня на тыхій води...
— Плавай, плавай, селезеньку, по тыхій води.
— Ой прыбудь, прыбудь, мій батенько, теперъ и къ мени,
Та дай же ты порадоньку бидній сыроти.—
— Ой радъ бы я, мое дытятко, прыбуты къ тоби,—
Надавыла сыра земля на груды мени,
Склипылыся мои очи, не гляну къ тоби,
Не дамъ тоби порадоньки, бидній сыроти.

Машка припала къ столу и рѣкой разливалась—плакала; Полька въ валькирѣ припала къ подушкѣ и себѣ рыдала; „титка Горпына" вздохнула и набожно перекрестилась, прошептавъ Царство Небесне. „Дядько Иванъ" и Максымъ понурились, молодыци, подперевъ подъ щеки руками головы, жалостливо смотрѣли на плачущую „молодую"; Хведько не выдержалъ, вышелъ въ сѣни, слезы повисли у него на рѣсницахъ,—жаль стало ему сестры сироты... Но мотивъ пѣсни и его исполненіе были такъ хороши, что хотѣлось слушать, терваться душою.

— Плавай, плавай, сира утинко, по тыхій води—
Ой прыбудь, прыбудь, моя матинько, та ты и къ мени!—
Да рада бъ я, моя донечко, къ тоби прыбувать,—
Надавыла сыра земля, не можу я встать;
Не можу я встать, тоби порады дать,
Склипылыся тай устонькы—не можу сказать.

Дружки довели таки пѣсню до конца, не смотря на то, что „молода" билась объ столъ, ревомъ ревила, что и сами онѣ, всхлипывая и чмыхая носомъ допѣвали послѣднія слова, что у всѣхъ были слезы на глазахъ.—Обычай, свадебный ритуалъ, требовалъ этихъ слезъ и вздоховъ, исполненія этой пѣсни на дѣвичникѣ выдаваемой замужъ сироты...

Замолкли дружки; тихо стало въ хатѣ, только молодая всхлыпывала, не приподнимая головы отъ стола, да тяжко вздохнула Полька въ валькирѣ. Въ хатѣ было совсѣмъ уже темно. Сохва зажгла сальную свѣчку, вставленную въ какой то грязный жестяной подсвѣчникъ и поставила на столъ; другую зажженую свѣчку, вставленную въ бутылку поставили на выступъ печки.

Дружки затянули опять печальную сиротскую пѣсню.

Зеленая та дубровонька, зеленая та дубровонько!
Ой на тоби та дубивъ много..
Зеленого тай ни одного, зеленого тай ни одного
Молодая наша Марьечко, молодая наша Марьечко—
Що у тебе та батькивъ много
А риднаго тай ни одного,

Що никому тай порады даты
Нашу Марьечку благословляты...

Опять рыданія молодой, плачъ Польки, общее терзаніе душъ жалостію къ сиротѣ, грустное настроеніе печальнымъ мотивомъ пѣсни.

Зеленая та дубровонько,
Ой на тоби та дубивъ много,
Зеленого тай ни одного

Тянули дружки послѣ небольшой паузы—

Молодая наша Марьечко;
Що це въ тебе матерей много,
А роднои тай ни однои,
Що никому порады даты,
Нашу Марьечку благословляты.—

„Тужыла"—плакала пѣсня, до конца истерзавшая всѣхъ. Двѣ дружки еще съ середины пѣсни не выдержали и себѣ вторили рыданьямъ молодой. Это были тоже сироты. Молодую даже довели до истерики, до восклицаній: „моя жъ матинько, моя жъ ридная!".

Дружки сдѣлали свое дѣло и стали выходить изъ-за стола, вытирая заплаканныя глаза, сморкаясь и чмыхая носами. Онѣ крестились и благодарили за обѣдъ. Одна молодица взяла кружку съ водой и, поглаживая молодую ласково по головѣ, уговаривала ее хлебнуть хоть глотокъ воды.

— Буде, Машечко! Буде, риднесенька!—уговаривала она ее!

Хведько стоялъ у пріотворенной двери, насупившись, со слезами на глазахъ, растроганный, разжалобленный, въ какомъ то оцѣпенѣніи. Онъ такъ стоялъ и тогда, когда уже въ хатѣ всѣ пришли въ себя и перекидывались словами, когда кто то посмотрѣвшій въ окно сказалъ, что пріѣхали сваты, и когда его посылали ихъ встрѣчать, ворота отпирать. Не сразу онъ понялъ, чего отъ него требуютъ.

— Иды ворота одчины—чуть не третій разъ повторила Сохва—зустривай сватывъ...

Хведько очнулся и, повернувшись идти, увидалъ входящихъ въ сѣни сватовъ еще съ какими то людьми. Онъ отстранился, давая имъ дорогу.

„Днювалы соби въ добримъ здоровьи? Боже вамъ поможы у вашому дили—сказалъ „старый сватъ" Тесля перекрестившись на образа, при которыхъ, какъ и на короваѣ, зажжены были опять раньше того потушенныя свѣчи. Почти то же повторили и всѣ вошедшія со сватомъ—жена его, одинъ изъ старостъ, дружко и двѣ родычки. „Стара Сваха" достала изъ платка паляныцю и, подтолкнувъ очевидно забывшаго про нее мужа, подала ему, а онъ уже подалъ ее „титци Горпыни".

„Молода" и дружки поприжались въ углу хаты и дверяхъ валькиря. Сватовъ съ ихъ спутниками попросили за столъ. Они крестились и разсаживались. Сохва внимательно посмотрѣла на иконы, очевидно соображая, которая изъ нихъ „благословенна", и на коровай.

Когда гости разсѣлись, дивчата потихоньку выбрались изъ хаты и потолкавшись въ сѣняхъ, всею юрбою отправились въ хату Сохвы, захвативъ у нея ключъ.

На столъ опять подано было все то же, что и дружкамъ, и гостей подчивалъ водкою „дядько Иванъ" запросто, безъ предварительнаго обращенія за благословеніемъ. Это былъ не „обрядовый столъ", а угощеніе „сватовъ", пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ „молодымъ" на пидвесилокъ, гдѣ заглавная роль принадлежала молодежи. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно было условиться подробно о порядкѣ свадебномъ на завтра, когда и какъ ѣхать вѣнчаться молодымъ, кому ѣхать съ ними, куда ѣхать отъ вѣнца, когда начинать самое „весилля". Все это нужно было въ точности оговорить, обусловить, и обо всемъ этомъ и говорилось во время „трапезы", т. е. угощенія сватовъ, которое по времени нельзя назвать было обѣдомъ.

XLVI.

Хведько не входилъ въ хату, а устраивалъ на дворѣ лошадей сватовъ вмѣстѣ съ женихомъ и его боярыномъ. Лошадей не распрягали, а только поотпускали черезсѣдельники и подкинули корму. Женихъ передалъ Хведьку для спрята четыре бутылки—три съ водкой и одну съ „красной"—и узелокъ съ „заидкамы".

— Идить же, браты, въ хату, а я тутъ доглядатыму—сказалъ Хведько жениху и боярину, вернувшись изъ избы, куда онъ носилъ переданное ему на сохраненіе.

Они постояли, переглянулись и пошли не въ хату Самченковыхъ, а за ворота, направляясь къ хатѣ Сохвы вслѣдъ за дивчатами.

Но около двора Сохвы ихъ „перестрилы" мѣстные парубки и заступили дорогу съ угрожающими минами и вопросами.

— Хто вы таки? Чого вы тутъ ходыте?

Парубки знали, что за этихъ „чужихъ" можетъ вступиться „Попокъ" котораго они побаивались, но допущеніе такъ безданно, безпошлинно „чужихъ" парубковъ къ „своимъ дивчатамъ" слишкомъ уже роняло ихъ парубоцкое достоинство, и они задорно приступали къ „молодому" и его боярыну. Въ задорѣ этомъ сказывалось архаическое исключительное право на обладаніе своихъ мужчинъ женщинами своего рода.

— Колякамы ихъ! По потылыци!—слышались возгласы изъ кучки парубковъ.

Дѣтвора-подростки, первѣйшіе зрители и свидѣтели всякаго рода событій улицы, столпились тутъ же, и нѣкоторые даже подпрыгивали въ ожиданіи драки между „своимы" и „чужимы" парубками. Эти чужіе, двое только—женихъ и бояринъ, прижатые наступающими къ забору, оторопѣли и положительно не знали, что дѣлать. Бояринъ попытался было отговориться.

— Це жъ молодый—винъ же сюды не такъ соби прыйшовъ.... Но въ кучѣ наступающихъ парней послышалось:

— А що намъ молодый! Хто ёго сюды клыкавъ?! За чубъ ёго та по потылыци....

Кто это выкрикивалъ, нельзя было разобрать.

Хведько, устроивъ лошадей сватовъ, хотѣлъ пойти въ хату и на „прысинкахъ" встрѣтился съ Сохвою, которая сказала ему, что пойдетъ къ себѣ „попорядкуваты" тамъ, когда въ калитку просунулась чья то дѣвочка и пропищала:

— Тамъ вашого молодого заходжуются быть...

Какъ ошпаренный кинулся Хведько за ворота, а за нимъ Сохва, понявшая смыслъ этого оповѣщенія. Она схватила за рукавъ Хведька и пріостановила его.

— Ось потривай лышень! Я сама побалакаю. Це то, може, „скупъ беруть".

Въ толпѣ дѣтворы и парней, окружившихъ молодого и боярина, послышалось „Попокъ! Попокъ".

Стоявшіе ближе подались назадъ. Сохва пошла прямо къ задержаннымъ жениху и боярину.

— Шо? Не пускають? Скупъ беруть?—спросила она ихъ. А що жъ, воно такъ и поводыться. Скилькы просыте? Обратилась она къ парубкамъ, между которыми узнала кой-кого изъ знакомыхъ ей. Они опять понатолпились, но не отвѣтили на заданный вопросъ. У нихъ существовало сознаніе своего права не допускать „чужихъ" парней до „своихъ дивчатъ", затѣяли они такую демонстрацію, но ни о способахъ выраженія ея, ни о цѣляхъ, ею достигаемыхъ, никто изъ нихъ не думалъ,—все дѣлалось какъ то инстинктивно. Вопросы Сохвы застали ихъ врасплохъ, не готовыми къ отвѣту. Они переглядывались и не знали что отвѣчать, хотя и увидѣли, что и страшный для нихъ „Попокъ" подходилъ къ нимъ спокойно, не выражая намѣренія вступиться за атакуемыхъ жениха и его боярина. Съ другой стороны подошелъ близкій сосѣдъ Грыцько Журыленко, отъ своихъ воротъ видѣвшій все это столкновеніе и понимающій его такъ-же, какъ поняла его Сохва.

— Це вже такъ заведено: скупъ треба заплатыть. Скилькы вы, хлопци, запросылы? Просить бильше: бачыте яку ловку дивку одъ насъ беруть. Не меньше, якъ бочку горилкы и меду. Проворонылы!..—говорилъ Журыленко въ шутливомъ тонѣ.

Дѣло улаживалось, сводилось на обычай—шутку.

— А ты отъ якъ—обратилась Сохва къ молодому:—вклонысь, попрохай до себѣ на пидвесилокъ, а якъ що скупъ—заплаты, ничого робыть...

Молодой и бояринъ оправились совсѣмъ. Они поняли, что задѣвающія ихъ самолюбіе угрозы свелись къ обычаю скупа, о которомъ они знали по наслышкѣ. Молодой приподнялъ шапку и сказалъ.

— Просю васъ, браты, до мене на пидвесилокъ, на вечорыны.

Старшіе изъ парней (такъ какъ тутъ были и подростки) тоже приподняли шапки и картузы и вѣжливо отвѣтили:

— Спасыби, брате, нехай вамъ Богъ помогае!

— А якъ же скупъ? отозвался кто-то.

Сохва успѣла шепнуть молодому, и онъ доставалъ изъ кармана двѣ монетки по 15 копѣекъ. Доставъ деньги, онъ не зналъ, кому ихъ отдать, и держалъ въ протянутой рукѣ. Никто изъ парней не рѣшался брать ихъ.

Опять Сохва разрѣшила недоразумѣніе: она взяла у жениха деньги и подала ихъ знакомому парню Семену Безуху.

— Беры. Оце пропыйте ихъ, тай прыходьте до насъ на вечорыны. Ты прыходь, Мытьку беры, Олексія, Васыля... зъ собою. Воно жъ вамъ лычыть буты на свадьби: отъ-отъ незабаромъ и васъ женытымуть—разъясняла она.

Семенъ взялъ деньги, всѣ столпились къ нему посмотрѣть сколько, а Сохва повела жениха и боярина къ себѣ во дворъ.

— О! це мало! Мало!—послышались голоса, но дѣло ужъ было сдѣлано—скупъ взятъ.

При входѣ въ хату „молодого“ съ бояриномъ, дружки, стоявшія около стола, у конца котораго сидѣла въ задумчивости Машка, запѣли.

Ой зъ суботы на недиленьку
Збиралася ридъ-родынонька
Бога молыты, щей Божу Матирь,
Божую Матирь и усихъ святыхъ.

Благословить намъ виночкы плесты
Зъ повнои рожи за для Марьечкы,
А зъ барвиночку за для Ивашечка,
Цвитъ калынoю ихъ зукрашаты,
Зеленымъ лыстямъ,
Здоровьямъ, щастямъ!

Вошедшихъ молодого и его бояриня посадили на лавкѣ, при чемъ перваго рядомъ съ невѣстой. Сидѣли они не совсѣмъ близко. Сохва присѣла около бояриня и начала нарочно подвигать его къ жениху, который въ свою очередь, подвигаясь, очутился вплотную около невѣсты. Дружки видѣли и поняли эту уловку Сохвы и еле окончили пѣсню, какъ сейчасъ же пропѣли:

— Серденько мыленьке,
— Прысунься блызенько!
— Будемо говорыты,
— Якъ на свити жыты.

Молодые сообразили, что это подвиганіе „его“ къ „ней“ произошло не случайно, а нарочно, и сконфузились. Машка, сидѣвшая съ краю стола, рѣшительно отодвинулась отъ жениха подальше за столъ. Но Сохва, улыбаясь сильнѣе подвинула бояриня, а тотъ въ свою очередь жениха, и послѣдній очутился и за столомъ, и рядомъ съ невѣстой. Сохва подмигнула дружкамъ, и онѣ заняли лавку съ противуположной стороны и запѣли:

Ишлы дружечкы
У три рядочкы,
А Марьечка тай попереду.
Уси дружечкы
На лавци силы,
А Марьечка тай на посади.

Машкѣ некуда было подвинуться. Всѣ смѣялись, а больше всѣхъ Сохва.

— Отъ такъ! И безъ дружка, и безъ старостивъ якъ слидъ дило зробылы, молодыхъ поручъ посадылы—громко, весело сказала она.

Молодые сконфузились. Всѣ смѣялись, посматривая на нихъ. Это усаживаніе молодыхъ „поручъ“ не входило въ число обрядовъ, а было устроено шутки ради Сохвою. Нѣсколько минутъ спустя, она сказала:

— Ну, уступить же дивчата зъ-за столу: треба намъ гостей нашихъ—молодого князя и його боярына—погодуваты.

Дивчата, а съ ними и „молода“, вышли изъ-за стола, и Сохва перенесла на столъ свѣчу, заткнутую въ какую-то бутылку, и собрала кой-чего закусить.

Дивчата тѣмъ временемъ „юрмовалыся“ по хатѣ, оправляли одна другой костюмы, шушукались, пересмѣивались...

Поѣвши, молодый и его бояринъ встали, помолились и поблагодарили за „хлибъ-силь“.

Водворившуюся было на нѣкоторое время тишину нарушилъ топотъ нѣсколькихъ ногъ въ сѣняхъ, и въ открытыя двери показалось нѣсколько фигуръ парней, не рѣшавшихся входить въ хату.

Дружки увидѣли ихъ и показали Сохвѣ, прибиравшей со стола.

— Мылосты просымо. Отъ-такъ то лучше. Проходьте въ хату—пригласила она парней.

Тѣ входили въ хату, крестились на образа и степенно здоровались.

— Днювалы соби. Боже вамъ помогай! Здрастуйте!..

— Якъ вы соби? Спасыби, отецьки сыны! Проходьте дали, сидайте, гости будете—отвѣчала Сохва, и парни въ числѣ пяти человѣкъ усѣлись на лавкѣ рядомъ съ подвинувшимся поближе къ столу молодымъ и бояриномъ. Одинъ изъ парней даже „поруковався“ (подалъ руку)—съ ними.

Сохва доканчила убирать около печи. Молодежь испытывала какую-то неловкость. Дивчата перешептывались, подталкивали одна другую; кой-кто изъ нихъ вспрыскивалъ смѣхомъ, и прятались одна за другую. Никто не нашелся съ чего начать разговоръ. „Наши парубки“ только изрѣдка перемигивались со знакомыми изъ дружекъ.

— Отъ одчастують сватив, такъ переберемося въ ту хату на вечорыны. Вже скоро,—сказала Сохва, сглаживая неловкость общаго недоумѣнія.

Дѣйствительно, немного погодя, въ дверяхъ показался Хведько. Онъ сконфузился подъ взглядомъ обращенныхъ на него стольких очей, но поздоровался общимъ привѣтомъ и что-то шепотомъ сказалъ Сохвѣ. Всѣ поняли, что Хведько пришелъ звать компанію въ свою хату, гдѣ уже угощеніе „сватовъ" кончилось и гдѣ предположено было справлять вечорыны-пидвесиловъ.

— Ну, молоди князю и княгине и вы, батькови сыны й дочки! мылосты просымо у другу хату... Тамъ вже гулятымете. Ну, дружкы, проводыте молоду—сказала Сохва, обращаясь ко всѣмъ.

Всѣ пошли изъ хаты. Машка впереди, за нею дружки, а потимъ женихъ съ бояриномъ и остальные парни, за которыми слѣдовалъ Хведько. Сохва, потушивъ огонь, заперла хату и догнала компанію уже около воротъ двора Самченковыхъ, когда дружки кончали затянутую ими при выходѣ пѣсню:

У садочку шевліечка зелененька
Тамъ ходыла наша Марьечка молоденька,
А за нею Ивашечко изтыхенька.
Стривай, постій ты, Марьечко!
Уже жъ ты моя.
Вона стала, одказала:
Ой ще жъ не твоя!
Ой я жъ въ свого роду паняночка,
А ты въ свого панъ.
Шукай соби ты иншои,
Такои, якъ самъ.

За компаніей слѣдовали дѣти и подростки, забѣгавшіе впередъ и съ боковъ шествія. Въ хатѣ Самченковыхъ, когда молодая съ дружками взошли на „прысинкы", слышенъ былъ громкій разговоръ; подвыпившіе гости шумно вели бесѣду, слышенъ былъ густой басъ мужчинъ и тонкіе голоса женщинъ.

Сохва обогнала всѣхъ, протиснулась между дружками къ дверямъ хаты, отворила ихъ и шепнула дивчатамъ.

— Спивайте.

Тисни ворота, тисни,
Ихалы бояре пышни.
Везлы коровай й шышечкы,
Щобъ збиралыся дружечкы,
Щобъ и батенько здогадався,
До господы убирався...

Заверещали въ сѣняхъ дружки.

Гости замолкли. Въ хатѣ было душно, двѣ свѣчки, какъ въ туманѣ, мерцали въ пропахшей водкою атмосферѣ.

Чого жъ вы, старосты, сыдыте?
Чомъ вы до дому не йдете?
Марьечка наша не ваша,—
Вона жъ ще не винчана,
А лыше заручена.
Вона ще свою волю мае
И зъ челядью погуляе.

Пропѣли еще дружки.

Среди общаго молчанія послѣ этой пѣсни отозвался „старый сватъ".

— Це жъ намъ пора до господы, часъ пора до двора—якъ то кажуть.

— Поседьте, сваточки мыли та любы—упрашивала „титка Горпына", но сваты рѣшительно „выступылы изъ за стола", крестились, благодарили „за хлибъ-силь, за трапезу, за гостыну" и направлялись изъ хаты. „Титка Горпына", извиняясь за недостаточность угощенія, подала свату „паляныцю".

XLVII.

Когда „сваты" со всею ихъ свитою ушли. Полька при помощи Сохвы и дружекъ скоро поприбрала со стола остатки уго-

щенія, наскоро встряхнула скатерть, помыла и перетерла посуду. Парни „наши“ и „молодый“ съ боярыномъ пока шептались въ сѣняхъ и на крыльцѣ. Они переговорили между собою и двоихъ отправили позвать музыканта, Юхвымовыча.

„Сваты“ съѣхали со двора; ворота заперты; въ хату вошли „молодый“ въ боярыномъ и парни, а также провожавшіе сватовъ Хведько съ мужемъ Польки Максимомъ. На прибранномъ столѣ рядомъ съ короваемъ установлены были двѣ деревянныя чашки съ „оришками и жамками“. За столъ никто не садился: дружки жались около стѣнки вальвиря, парни толпились около порога и печи, на лавкѣ около стола сидѣлъ совсѣмъ опъянѣвшій и дремлящій мужъ титкы Горпыны, дядько Иванъ съ безсильно свѣсившеюся и мотающеюся головою.

Въ отворенныя двери воздухъ обновлялъ спертую атмосферу хаты, плохо освѣщенной двумя сальными свѣчками. Казалось, что въ тѣсномъ пространствѣ хаты и повернуться нельзя. Но вотъ Полька съ Сохвою придвинули столъ поплотнѣе къ лавкамъ, передали Хведьку приставленный „ослонъ“, осталось еще увести совсѣмъ опьянѣвшаго дядька Ивана. Титка Горпына попробовала уговорить его, но онъ приподнялъ мотающуюся голову, посмотрѣлъ на нее мутными глазами и, пробормотавъ что то, опять опустилъ голову. Призванные на помощь Хведько съ Максимомъ кой какъ свели его въ комору, гдѣ и уложили, прикрывъ какимъ то рядномъ. На его мѣстѣ усадили „Юхвымовыча“, явившагося съ однимъ только изъ цѣлаго оркестра музыкантомъ—второю скрипкою. Третій жилъ далеко. Эта вторая скрипка такъ и назывался „Втора“. Одноглазый Юхвымовычъ взялъ къ себѣ на выучку слѣпого сироту, мальчика и этимъ пополнилъ свою капеллу, состоявшую до того времени только изъ него и еще „баса“, тоже одноглазаго.

Такъ какъ это былъ „пидвесилокъ“, гулянье молодежи, безъ всякихъ обрядностей, то музыкантамъ отвели почетное мѣсто около стола. Усаженные, они сейчасъ же начали слаживать и подстроивать скрипки. „Молодой“ пошептался о чемъ-то съ боярыномъ. И послѣдній обратился къ Полькѣ съ просьбою попод-

чивать гостей. Полька сейчасъ же хотѣла исполнить это, но Сохва запротестовала.

— Ни! Теперь нехай самъ молодый потрудытся. То вже, якъ Богъ дасть дождемо завтрього, княземъ буде... а сьогодня нехай самъ старается.—

Полька передала бутылку жениху.

Конфузясь, всталъ женихъ, взялъ рюмку, налилъ ее водкой и.... не зналъ съ кого начать, кому первому подносить. Осмотрѣлся по хатѣ и наконецъ догадался поднесть „титкѣ Горпынѣ", стоявшей на дверяхъ валькиря.

— Ни, вже буде! Спасыби тоби, сынокъ. Наше вже одійшло. Теперъ вы соби гуляйте, вгощайтесь... Зъ насъ вже буде,— отказывалась „титка Горпына".

— Та вже хоть почынъ имъ зробить—сказала Полька, жалѣя молодого, который какъ протянулъ руку съ рюмкою, такъ и стоялъ, не зная что дѣлать—упрашивать, или обратиться къ кому другому.

— Отъ ты молодиша,—ты й роби почынъ—шутя огрызнулась „титка Горпына"—отъ бачъ, якъ напочынався—кивнула она головой въ сторону коморы, куда провели „дядька Ивана". Ичъ яка зыськалася!—и окончательно отказалась.

— Ну, такъ пиднось хлопцямъ, дивчатамъ—отъ й все. А ще бачъ Юхвымовычу—сказала Полька.

Женихъ обратился къ Хведьку, но тотъ отказался, такъ какъ порѣшилъ не пить во все время свадьбы, опасаясь какъ бы съ-пьяна не накуралесить чего; поткнулся было къ Максыму, но и этотъ отказался, такъ какъ уже выпилъ при угощеніи сватовъ. Такъ и тыкался женихъ съ налитой рюмкой, пока она попала къ Юхвымовычу, который безцеремоно, послѣ словъ:— „Дай же Богъ, чого вы соби жалаете", выпилъ полную рюмку. Поданную своему „Вторѣ" онъ отстранилъ, давъ ему вмѣсто того половину взятой со стола жамки.

Угощаемые парни, выступая изъ ряду, чинно здоровались.

— Дай тоби Господь, брате, здоровья и всякои вдачи— говорили они, выпивая не сполна всю рюмку.

О дивчатахъ и говорить нечего. Преподносимую имъ „солодку“ онѣ послѣ многократнаго отказыванія выпивали по полърюмки, морщились, закашливались и даже, отвернувшись, сплевывали.

Между тѣмъ Юхвымовычъ подтолкнулъ „втору“ и послѣ недолгаго настраиванія заигралъ мотивъ бывшей модною въ слободѣ пѣсни.

Чы я вбрела, чы я вплыла
Чы мене пидлыто,
Чы самъ козакъ любыть не ставъ
Чы його одбыто?

Женихъ наконецъ закончилъ подчиваніе,—сдѣлалъ что могъ. Поставивъ бутылку и рюмку, онъ по указанію Сохвы, сѣлъ опять около молодой. Мотивъ начатой пѣсни Юхвымовычъ добросовѣстно повторилъ столько разъ, сколько было въ ней куплетовъ, наигрывая все съ большимъ и большимъ выраженіемъ и все больше и больше закидывая смычекъ къ наклоняемой въ тактъ головѣ, пока наконецъ кончилъ протяжнымъ звукомъ.

— Послѣдовала тишина—всѣ молчали, какъ бы ожидая еще игры—пѣсни.

— Отъ такъ молодый!—обозвалась вдругъ Сохва. Всимъ пидносывъ, всихъ частувавъ,—тилькы своій суженій не пиднисъ ніякъ.

На самомъ дѣлѣ оторопѣвшій, сконфузившійся „молодой“ всѣхъ подчивалъ, а Машкѣ и не поднесъ „солодкой“. Замѣчаніе Сохвы сконфузило и его, и Машку. Оба они покраснѣли. Всѣ смотрѣли на нихъ.

— Та винъ и самъ не выпывъ—выручила его Полька.— Бачъ, кого винъ ни частувавъ, нихто й не одославъ къ ньому самому.

Всѣ смѣялись. Машка пожалась колѣномъ къ своему сконфуженному „Ивашкови“, какъ бы успокоивая его.

Молодицы между тѣмъ уже успѣли попросить Юхвымовыча заиграть другую пѣсню, тоже модную, очевидно, добытую гдѣ-то „на нызахъ“ [1]).

Та сама цвитыкы садыла,—
Сама жъ буду полывать,—
Та сама я дружка полюбыла,
Сама жъ буду цилувать....

Всѣ опять притихли, слушая пѣсню. Молодые прижались другъ къ другу плечами. Кой-кто вполголоса подпѣвалъ.

Когда затихла музыка, Полька предложила боярыну по-подчивать гостей.

— А вы, гости, не пышайтеся, не водить, а то намъ и ночи не стане—добавила она, обращаясь ко всѣмъ.

Бояринъ началъ съ молодыхъ, которые на отрѣзъ отказались пить, и скоро обнесъ всѣхъ не минуя и Юхвымовыча. Само собою дивчатамъ подносилась „солодка“. Полька упрашивала закусить поставленными на столѣ оришками и жамками.

Юхвымовычъ забренчалъ подтягиваемою струной, толкнулъ колѣномъ „втору“ и заигралъ, хоть и въ минорномъ тонѣ, но всетаки плясовую.

Ой на гори калына, (bis)
Тамъ дивчына—серденько ходыла,
Цвитъ калыну, душенько, ламала...

Дивчата подталкивали другъ дружку локтями; кой-кто сидя притоптывалъ въ тактъ.

— Ну, чого жъ сыдыте? Почынайте—сказала Сохва и шутя стала вытаскивать притворно упирающихся дружекъ, а затѣмъ и молодыхъ. Столъ придвинули вплотную къ углу, поприбирали лишнія скамейки. Мѣста стало немного больше. Вытянутые изъ-за стола сбились въ кучу посреди хаты и взялись за руки. Ноги какъ бы сами собой выбивали тактъ.

— Хлопци! вы чого жъ ждете?—обратилась Полька къ парнямъ. Тѣ тоже вышли, и нестройная куча молодежи, взявшись за руки, образовала кругъ. Всѣ сразу заходили „кругомъ“;

[1]) „Нызы“— Воронежск. губ., называетъ землю В. Донскаго авторъ.

„молодой и молода“ были въ той же цѣпи круга. Кой кто сталъ подпѣвать. Въ средину круга вытолкнули „старшу дружку“, которая какъ то особенно оправилась и громко запѣла, раскачиваясь и притоптывая въ тактъ. Это раскачиванье и притоптыванье въ тактъ музыки и пѣнія и составляло танецъ. Большая или меньшая степень граціозности зависѣла отъ исполнительницы. Кругъ заходилъ, и пѣніе подхватывалось всѣми умѣющими пѣть и даже не участвующими въ танцѣ Полькою и Сохвою.

Цвитъ калыну ламала (bis)
И въ пучечкы, серденько, въязала,
И въ пучечкы, душенько, въязала...

Пѣсня сливалась съ музыкой, притоптываньемъ и „выхилясами“ поворачивающейся въ центрѣ круга Орышки Плахотыной.

Но вотъ она протягиваетъ руку къ Машкѣ, ту освобождаютъ, и онѣ вмѣстѣ перекруживаются, взявшись за руки. Нѣсколько разъ онѣ „окрутнулыся“, послѣ чего Орышка становится въ цѣпь круга, а Машка продолжаетъ плясъ.

Хведько, не участвовавшій въ танцѣ, черезъ головы всѣхъ смотрѣлъ на то, какъ „водять танокъ“ и любовался сестрою, которая съ граціей, скрашенной особаго рода застѣнчивостью, ловко выдѣлывала нехитрыя колѣна пляски.

И въ пучечкы въязала (bis)
На долыну, серденько, кыдала,
На долыну, душенько, кыдала.

Всѣ любовались ею, всѣхъ плѣнилъ отпечатокъ меланхолической мечтательности на лицѣ Машки, которая сегодня еще, по словамъ пѣсни „свою волю мае и съ челядью погуляе“.

„Такъ и взяла собою очы усихъ“—говорили перешептываясь между собою Сохва и Галька Ковтунова и, чтобы не сглазить ее, сплевывали. „Молодой“ еще никогда не видѣлъ ее танцующею, и теперь она для него была такъ красива, прелестна, что онъ даже, посмотрѣвъ на нее, стыдливо опускалъ глаза, чтобы не выдать себя, своей восторженности...

Машка вырвала изъ круга сестру Орышку, дочь „титкы Горпыны“, не смотря на то, что та, еще подростокъ, упиралась, и, перекрутнувшись раза три съ нею, заняла мѣсто въ цѣпи круга. Дружка, державшая руку жениха, нарочно перемѣстилась дальше, пустивъ на свое мѣсто Машку. „Молодой“ особенно сильно пожалъ руку своей невѣстѣ.

— На долыну кыдала (bis)
Въ козаченька, серденько, влучала,
Въ козаченька, душенько, влучала,—

Припѣвали всѣ хоромъ, притопывая въ тактъ игры скрипокъ. Орышка среди круга танцовала не хуже другихъ, но это было уже не то, что Машка; не было того обаянія, красоты и граціи...

Въ козаченька влучала (bis)
Козаченьку, серденько—серденя
Визьмы мене, душенько, на коня.

Тянулась пѣсня, вырывалась новая танцорка въ кругъ, а тамъ опять новая.

Визьмы мене зъ собою,
Коня тоби, серденько, напою,
Коня тоби, душенько, напою.
Коня тоби напою,
Во всимъ тоби, серденько, догожу.
Во всимъ тоби, душенько, догожу.
Во всимъ тоби догожу,
Спать зъ собою, серденько, положу,
Спать зъ собою, душенько, положу.

Послѣдній куплетъ допѣли молодицы, а дивчата только „водылы танокъ“, пока наконецъ Юхвымовычъ протянулъ послѣднюю ноту и сразу замолкъ, подтолкнувъ „втору“.

Кругъ разорвался, всѣ участвующіе были красны, лица горѣли. Многіе вышли въ сѣни и на прысинкахъ смѣшались съ невошедшими въ хату, не приглашенными зрителями... Не трогались съ мѣста только музыканты. Молодая ушла въ вальциръ, гдѣ на ней оправили повязанный на головѣ платокъ съ

вѣнкомъ. Хведько присѣлъ около музыкантовъ и съ любопытствомъ разсматривалъ скрипку, которую онъ первый разъ видѣлъ такъ близко. Юхвымовычъ добылъ изъ кармана небольшой рожокъ и, натрусивъ на обогнутый указательнымъ пальцемъ ноготь небольшого пальца табаку, съ аппетитомъ „понюхавъ табакы". Максимъ себѣ подошелъ къ музыкантамъ.

— Ну-ка, налыйте мени одну.... выпью, тай заграю,— сказалъ Юхвымовычъ, обращаясь къ Хведьку и Максыму. Послѣдній взялъ со стола бутылку и поднесъ налитую рюмку Юхвымовычу....

— Ну дай Боже, штобъ усе було гоже!—сказалъ онъ, выпилъ всю рюмку, опрокинулъ её и принялъ отъ Хведька на закуску поданный „оришокъ". Но его не съѣлъ, а отдалъ „второ̂", подстроилъ скрипку свою и „второ̂" и заигралъ пѣсню:

Ой устану я раненько
Тай умыюся биленько.

Къ музыкантамъ подошли Сохва и Полька, а за ними и другія молодицы и одна по одной втянулись въ пѣсню. Максимъ подпѣвалъ:

Тай сяду край виконця,
Проты ясного сонця,
Проты ясного сонця
Выглядаты чорноморця.
Чорноморець иде, иде,
Тай шестерыхъ коней веде,
На сёмому вороному
Самъ въ жупани голубому.
У жупани голубому,
На сиделечку новому,
Не пойихавъ винъ до дому,
А пойихавъ впрямъ до Дону,
Ставъ винъ коней напуваты,
Стала вода прыбуваты...
Стала вода прыбуваты,
Чорноморець потопаты...

Выходившіе, заслышавъ пѣсни и музыку, опять вошли и столпились около поющихъ. Машка сѣла около молодого и они о чемъ-то шептались. Полька съ Сохвою обнялись и старательно выводили пѣсню, кой-кто изъ вошедшихъ присоединился къ хору. Одинъ изъ парней ловко выводилъ высокимъ теноромъ концевыя ноты куплетовъ. Хведько сидѣлъ и упивался мелодіей. Мимовольно въ мысляхъ фабула пѣсни принаровлялась имъ къ себѣ, водившему тоже лошадей...

Чорноморець потопае,
Правою рукой махае...
На дивчыноньку гукае:
„Рятуй, рятуй, моя мыла,
„Колы вирно любыла—
— Охъ! рада бъ я рятуваты,
— Такъ не вмію плаваты...
— Якъ бы човенъ та весельце
— Рятувала бъ тебе серце...
— Якъ бы човенъ та бычова,
— Рятуваты бъ я готова...
„Бижы, мыла помежъ люде,
Чы не жаль кому буде....

Покы люде прибижалы,
На води лышъ кругы сталы.
Покы мыла збиралася
Вода вышче пиднялася
Надъ козакомъ зривнялася....

Опять стало тихо послѣ музыки и пѣсни. Всѣ какъ бы передумывали разсказанное въ пѣснѣ.

— Отъ вамъ писня до конца, мени чарочку винца,—сказалъ Юхвымовычъ, немного „штокающій“ т. е. старающійся иногда говорить „по руському“.

— Це вирно!—обозвался Максимъ и самъ взялся подчивать гостей, начавъ съ Юхвымовыча. Вообще мало кто пилъ, а многіе совсѣмъ отказались.—Юхвымовычъ же, пока

шло подчиваніе, опять подстроилъ обѣ скрипки и заигралъ плясовую.

Марусына пшениченьку жала (bis)
Стелю, стелю подушечку, та ще й пуховую,
Кого люблю, кого люблю, того й поцилую.

Безъ приглашеній всѣ какъ то вразъ свились въ кругъ, взявшись за руки и заходили коломъ, оставивъ въ серединѣ опять ту же старшую дружку, затопали и запѣли. При припѣвѣ „стелю, стелю подушечку"... Орышка обратилась къ „молодой" и хотѣла втянуть ее въ кругъ, но тутъ раздались протесты.

— Э! Ни! Шо жъ ты берешъ дивку—парубка треба!—Такъ не можно!—Молодая не пошла, и Орышкѣ пришлось взять «молодого». Она съ нимъ окрутнулась на обѣ руки и затѣмъ поцѣловавъ, оставила въ серединѣ круга, а сама взошла въ цѣпь. Опять кто-то затянулъ:

Вона жъ зъ того горя захворала (bis) (*дальше хоръ*).
Стелю, стелю подушечку, та ще й пуховую...
Кого люблю, кого люблю, того поцилую.

И молодой потянулъ къ себѣ за руку Машку, окрутнулся съ нею и затѣмъ поцѣловавъ, оставилъ её въ кругѣ.

Тры недили въ постели лежала (bis) затянула подъ музыку Машка, притоптывая и граціозно изгибаясь въ тактъ пѣсни.

Стелю, стелю подушечку, та ще й пуховую,
Кого люблю, кого люблю, того й поцилую,—подхватилъ хоръ, и сконфуженная Машка подъ нашептываніе дивчатъ „боярына, боярына"—подала руку старшему боярыну, окрутнулась съ нимъ и, поцѣловавшись, стала въ цѣпь.

Изъ-за моря зилля забажала (bis)
Стеллю, стелю подушечку, та ще й пуховую и т. д.

За каждымъ припѣвомъ вызывалось новое лицо въ середину круга: парень вызывалъ дѣвку, а дѣвка парня.

Ой хто жъ мени зиллячка достане
Стелю, стелю и т. д.

То той мени дружыною стане.
Обизвався козакъ молоденькый:
„Ой я жъ тоби зиллячка достану,
Ой я жъ тоби дружыною стану.
Есть у мене тры коня вороныхъ:
Першымъ конемъ до моря дойиду,
Другымъ конемъ море перейиду,
Третимъ конемъ зиллячка добуду“.
Ой ставъ козакъ зиллячко копаты,
Стала йому зозуля куваты:
„Копай, копай, козаче, кориння,
А въ Маруси на завтра весилля“.

Танецъ шелъ довольно скоро, такъ что къ концу пѣсни всѣ побывали въ кругу, всѣ перецѣловались.

Наконецъ, Юхвымовычъ кончилъ играть, и всѣ опять, еще больше красные, потные, возбужденные, разорвали кругъ и пошли кто присѣсть, а кто на „прысинкы“ освижыться.

Опять подчиваніе кое-кого — уже безо всякаго порядка— водкой, въ томъ числѣ и Юхвымовыча, опять понюшка табаку, подстройка скрипокъ, и—новая пѣсня веселаго плясоваго такта съ тѣмъ-же кругомъ, съ особымъ танцоромъ въ серединѣ и съ тѣмъ-же хоровымъ припѣвомъ.

Ой надумавъ комарыкъ оженытьcя;
То взявъ соби мушку не вмывашку,
Що не тче, не пряде, не билытся.—
Ни въ чому комарыку проходытся,
Полетивъ-же комарь въ чысте поле,
Тай сивъ же комарыкъ на дубочку,
Простягъ свои ножкы къ коренёчку.
Де не взялась шура-буря
Комарыка съ дуба здула.
Якъ упавъ же комаръ на помости,
Побывъ, поломавъ свои кости.
Ой найихалы паны-генералы,

Воны жъ того комарыка увыдалы.
— Ой що жъ це лежыть за покойныкъ?
— Чы столяръ, чы маляръ, чы полковныкъ?
Це жъ у насъ не столяръ, не маляръ, не полковныкъ?
А комарь, старшои мушкы полюбовныкъ.

Кругъ разорвался, молодежь перемѣшалась: кто выходилъ изъ хаты освѣжиться, кто пересмѣивался, шутилъ. Шло уже къ полночи. „Титка Горпына“ уже спала въ валькирѣ; молодыци, кромѣ Сохвы и Польки, убрались домой. Юхвымовычъ, послѣ нѣскольких поднесеній, не смотря на отрезвляющія понюшки табаку, опьянѣлъ и моталъ головою; „втора“ позѣвывалъ во весь ротъ. „Молоди“ сидѣли, прижавшись другъ къ другу; въ освѣженной сквозь открытыя двери хатѣ было уже не такъ душно.

Юхвымовычъ рѣзко потянулъ смычкомъ и заигралъ ускореннымъ темпомъ плясовую:

Очеретъ трещыть и вода хлющыть,
А кумъ до ку́мы судака тащыть.

Вразъ компанія разступилась и очистила середину хаты... Но никто не брался за руки для образованія круга. Подъ этотъ мотивъ не водили „танка“: это былъ плясовой мотивъ для одного—двухъ.

— Ну! Шожъ вы, дивчата?—обратилась Сохва къ дружкамъ. Но онѣ жались одна къ другой и никто не выходилъ танцовать.

— Що жъ? Хиба намъ зъ тобою, сестрычко, почынать?!—сказала Сохва, обращаясь къ Полькѣ.

Полька обдернула на себѣ кофту, притиснула плотнѣе вспыжившійся на головѣ очипокъ, поприбралы высунувшіеся изъ-подъ очипка „наносы“, выпрямилась, оглянула всѣхъ, встряхнула головой и плавно прошлась по небольшому свободному пространству хаты, въ тактъ притопывая, Сохва тоже была уже готова, и онѣ ловко стали танцевать, подпѣвая:

И кумочко, и голубочко!
Звари жъ мени судака, щобъ и юшка була.
И юшечка, и петрушечка...
Кумо жъ моя, кумо моя, кумо душечко!
Въ кого чорный вусокъ,
Тому рыбкы шматокъ,
Въ кого рыжа борода
Тому й юшкы шкода.
По телята шла, спотыкалася...
Побачыла Васыля,—засміялася...
— Ой Васылю, Васылю, мое серденятко!
Не ходы жъ ты у салдаты, нехай иде батько.
Бо батько старенькый, на свити нажывся.
Васыль, мое серденятко, недавно женывся.

Ловко одбивая мелкую дробь трепака, молодыци граціозно изгибались и то устремлялись одна на другую, то одна уходила, другая догоняла. Подпѣвали всѣ.

Такъ никто изъ дивчатъ и не вышелъ танцевать—показать себя.

То Сохва, то Полька подергивали то одного, то другого парня, вызывая въ кругъ, но они сторонились, пока, наконецъ, Семенъ Безушенко, подстроенный задорнымъ видомъ кокетливо изгибающихся молодыць, не вошелъ въ кругъ и не взялся въ боки. Юхвымовычъ сразу перемѣнилъ еще на болѣе скораго темпа:

Ой мій мылый заболивъ, заболивъ,
Киселыку захотивъ, захотивъ...

Семенъ пріударилъ каблуками и сталъ на мѣстѣ выдѣлывать хитрыя колѣна. Сохва и Полька съ хохотомъ сошли съ поля, оставивъ одного Семена.

И ужъ выдѣлывалъ же онъ: то пройдетъ кругомъ выворачивая точно изломанныя ноги, то, какъ-бы спотыкаясь, заточится то въ одну, то въ другую сторону, то на мѣстѣ какъ дробь барабана ударитъ трепака, то зачаститъ ловко, спутывая нога за ногу, то ловко проплыветъ точно кѣмъ-то подталкивае-

мый по кругу. Разгорѣлся весь, мокрый чубъ присталъ ко лбу. И такъ до тѣхъ поръ, пока вдругъ оборвалъ Юхвымовычъ.

Отъ такъ наши парубкы!—громко сказали дивчата.

Этимъ и кончился вечеръ. Стали расходиться. Хведько пошелъ проводить молодого съ боярыномъ; Сохва забрала къ себѣ Машку и двухъ ея дружекъ. Хлопци и остальныя дивчата гурьбой пошли по домамъ.

Пидвесиловъ кончился. Къ завтрему нужно было соснуть.

В. Познанскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Отзывъ М. А. Максимовича о поэмѣ Пушкина „ПОЛТАВА".

Извѣстно, сколько разнообразныхъ толковъ и сужденій вызвало въ тогдашней русской журналистикѣ появленіе этой поэмы. О ней судили вкривь и вкось, критиковали ее со стороны художественной, но преимущественно отыскивали въ ней якобы промахи историческіе. Главные упреки тогдашней критики сводились къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: а) Пушкинъ исторически невѣрно понялъ характеръ Мазепы, изобразивъ гетмана—„патріота" какимъ-то злопамятнымъ и „глупымъ старичишкой"; б) Марія не могла быть влюбленной въ старика, а была увлечена тщеславіемъ, надѣясь стать гетманшей, и в) напрасно поэтъ вложилъ въ уста Мазепы пренебрежительный отзывъ о Карлѣ, какъ о „мальчишкѣ-сумасбродѣ". Какъ ни мало основательны были эти замѣчанія, потому что тогдашіе критики были мало знакомы съ исторіей Малороссіи, однако они задѣвали Пушкина, и онъ, оставляя безъ отвѣта другія критическія замѣчанія, направленныя противъ его поэмы, нашелъ нужнымъ печатно возражать противъ обвиненій, будто онъ разошелся съ исторіей. Современные коментаторы Пушкина, приводя подробныя выписки изъ этой любопытной полемики, почему-то обходятъ молчаніемъ наиболѣе основательный критическій отзывъ о поэмѣ „Полтавѣ", принадлежавшій юному тогда профессору бо-

таники въ Москов. ун—тѣ М. А. Максимовичу и помѣщенный имъ въ московскомъ журналѣ „Атенеѣ“ 1829 г. [1]).. Въ то время Максимовичъ не былъ еще присяжнымъ знатокомъ исторіи своей родины, какимъ сталъ впослѣдствіи, но онъ уже давно занимался собираніемъ историческихъ малороссійскихъ пѣсенъ и основательно изучилъ изданную еще въ 1822 году „Исторію Малой Россіи“ Д. Бантыша-Каменскаго, (которой руководствовался и Пушкинъ для „Полтавы“) и, какъ человѣкъ, одаренный историческою проницательностью, глубже и правильнѣе способенъ былъ понять событія прошедшей жизни своей родины. Отстраняясь отъ художественной оцѣнки, Максимовичъ въ означенной статьѣ занялся исключительно провѣркой того, насколько поэма „Полтава“ вѣрна историческимъ фактамъ, и выступилъ открыто апологетомъ Пушкина противъ обвиненій тогдашнихъ критиковъ. Хотя въ то время эпоха Мазепы далеко еще не была научно разработана, но нельзя не признать, что сужденія Максимовича о характерѣ гетмана, Маріи и др. лицъ въ общемъ правильны. Въ главныхъ чертахъ его аргументація повторена сильно Пушкинымъ въ „Критическихъ замѣткахъ“ о „Полтавѣ“, впервые напечатанныхъ въ „Денницѣ“ 1831 года.

Желая сохранить отъ забвенія эту во многихъ отношеніяхъ интересную историко-критическую статью М. А. Максимовича, помѣщенную 70 лѣтъ назадъ въ давно забытомъ журналѣ и почему-то не вошедшую въ полное собраніе его сочиненій, мы печатаемъ ее въ увѣренности, что она прочтется съ интересомъ именно въ настоящее время, когда вся Русь поминаетъ великаго поэта.

О поэмѣ Пушкина „Полтава“ въ историческомъ отношеніи.

Новая поэма Пушкина „Полтава“ болѣе, чѣмъ прежнія поэмы его, произвела разногласныхъ мнѣній и споровъ между читателями и критиками. По мнѣнію многихъ, поэтъ нашъ въ

---

[1]) Атеней 1829 г., май, стр. 501—515. Журналъ этотъ издавалъ М. Павловъ.

„Полтавѣ" является мужественнѣе и сильнѣе, съ болѣе глубокимъ знаніемъ сердца и обширнѣйшими видами, чѣмъ въ прежнихъ произведеніяхъ; нѣкоторые обнаружили противное мнѣніе. Одни полагаютъ, что выгоднѣе было бы для поэмы характеры дѣйствующихъ лицъ измѣнить и возвысить по идеалу, чѣмъ стѣснить себя историческою вѣрностью, какъ сдѣлалъ Пушкинъ; другіе думаютъ, что показанный Пушкинымъ опытъ соединенія исторіи съ поэзіей, есть именно тотъ родъ, который наиболѣе сходственъ съ духомъ нашей народной поэзіи; третьи напротивъ говорятъ (С. О. № 15, 52 с. [1]), что въ поэмѣ Пушкина „всякое лице имѣетъ свой характеръ, но только не такой, какъ намъ представляетъ исторія, и слѣдовательно историческія событія разногласятъ съ вымышленными характерами".

Рѣшить споры о поэмѣ и опредѣлить ея достоинство въ отношеніи эстетическомъ—есть дѣло людей, опытныхъ въ критикѣ изящнаго; но показать противное послѣднему изъ вышеприведенныхъ мнѣній можетъ всякій, кто съ размышленіемъ читалъ исторію Малороссіи. Руководствуясь оною, я намѣренъ въ сей статьѣ разобрать главнѣйшія возраженія, сдѣланныя критиками противъ исторической вѣрности дѣйствующихъ лицъ въ поэмѣ.

Сначала скажемъ о характерѣ Мазепы, какъ главнаго лица.

Говорятъ (С. О. 48 с.): „Мазепа въ поэмѣ жестоко обруганъ, но не представленъ въ томъ видѣ, какимъ представляетъ его исторія. Одна дума, сочиненная Мазепою и напечатанная въ исторіи Бантышъ-Каменскаго, сильнѣе рисуетъ характеръ Мазепы, нежели всѣ эпитеты, данные ему авторомъ поэмы." Итакъ, по мнѣнію критика, Мазепа былъ патріотъ. Но развѣ такимъ представляетъ его исторія? Совсѣмъ нѣтъ! Всѣ его дѣйствія нисколько не показываютъ въ немъ самоотверженной любви къ Малороссіи. Исторія представляетъ въ немъ хитраго, предпріимчиваго честолюбца и

[1]) Ссылка указываетъ *Сынъ Отечества и Сѣверн. Архивъ* 1829 г., гдѣ въ №№ 15 и 16 (стр. 36—52 и 102—119) помѣщена критическая статья о *Полтавѣ* Пушкина, подписанная тремя звѣздочками (***). *Ред.*

корыстника, который готовъ былъ ничего не пощадить „для себя", обличаетъ въ немъ характеръ несовмѣстный съ высокою любовію къ отечеству. Пушкинъ понялъ совершенно и объяснилъ сей характеръ, представивъ оный въ слѣдующихъ стихахъ:

Кто снидетъ въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней,
Плоды подавленныхъ страстей,
Лежатъ погружены глубоко,
И замыселъ давнишнихъ дней,
Быть можетъ зрѣетъ одиноко.
Какъ знать?—Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.
Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ
Со старцами старикъ болтливый
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славитъ съ своевольнымъ,
Поноситъ власти съ недовольнымъ,
Съ ожесточеньемъ слезы льетъ,
Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!
Не многимъ, можетъ быть, извѣстно,
Что духъ его неукротимъ,
Что радъ и честно, и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды

Съ тѣхъ поръ, какъ живъ, не забывалъ,
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ;
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить, какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него.

Портретъ сей, принадлежащій къ лучшимъ мѣстамъ поэмы, такъ вѣренъ, что почти на каждый стихъ (еслибъ было нужно) можно привести подтвердительныя событія. Но довольно указать на нѣкоторыя, кои представляютъ намъ Мазепу въ настоящемъ его видѣ, и въ противоположность коимъ нѣтъ почти ни единаго добраго дѣла, коимъ хотя нѣсколько просвѣтилась бы темнота души его. Мазепа, выжитый польскими панами за волокитства изъ Варшавы, гдѣ получилъ блестящее образованіе, принятъ Самойловичемъ въ домъ и былъ 6 лѣтъ учителемъ его дѣтей. Послѣ того гетманъ Самойловичъ избавилъ его отъ Сибири за преданность Дорошенку, вывелъ его въ люди и всегда отличалъ его. Но когда Голицынъ, любимецъ Софіи, такъ неуспѣшно совершилъ безразсудный походъ свой противъ татаръ, то Мазепа, дабы угодить Голицыну и оправдать его, всю вину неудачи сложилъ на гетмана Самойловича, оклеветалъ его, сочинилъ доносъ и тѣмъ погубилъ своего благодѣтеля и его семейство; послѣ сего купилъ себѣ у Голицына гетманство. Но когда упалъ сей вельможа, Мазепа не преминулъ донесть Петру о взяткахъ, кои бралъ съ него Голицынъ, и различными происками, унижая другихъ и выставляя только себя, при помощи Головкина, онъ вкрался въ любовь государя и пользовался его неограниченною довѣренностію, въ которой Петръ уже поздно раскаивался. Чтобы завладѣть сокровищами удалаго и для него опаснаго Палѣя, Мазепа зазвалъ его къ себѣ, заключилъ въ темницу, а потомъ сослалъ въ ссылку; чтобъ погубить Микла-

шевскаго и Мировича [1]), онъ заставилъ ихъ съ горстью козаковъ защищать крѣпости противъ сильныхъ отрядовъ; требовалъ казни отца своей любовницы—Кочубея и Искры за справедливый на него доносъ. Послѣ того Мазепа соединяется съ Карломъ противъ Петра; но видя неудачу свою, опять обращается къ Петру съ предложеніемъ предать Карла. Напрасно предполагать, чтобы такія преступныя дѣйствія клонились къ освобожденію Малороссіи для ея блага: онъ не имѣлъ того въ виду и хотѣлъ сдѣлать ее независимою для себя, свою независимость хотѣлъ утвердить онъ, завладѣвъ Малороссіей. Доказательствами послужитъ то, что онъ никогда не соблюдалъ выгодъ Малороссіи и грабилъ ее; что онъ не имѣлъ, да, кажется, и не старался пріобрѣсть любви народной, и до того былъ нетерпимъ малороссіянами, что, вступая въ гетманство, долженъ былъ выговорить стрѣлецкій полкъ для охраненія своей личности и послѣ на своемъ иждивеніи содержалъ гвардію изъ заднѣпровской вольницы и волоховъ. Самое „нечестное“ сватовство его и связь съ дочерью Кочубея Матроною (Маріею)—своею крестницею, родная сестра коей была за его племянникомъ Обидовскимъ, показываетъ сколько онъ уважалъ мнѣніе малороссіянъ, до чрезвычайности приверженныхъ къ своимъ обычаямъ.

Чтожъ касается до думы его, то ее, равно какъ и другую пѣсню Мазепы, [2]) подъ именемъ „Чайки“ извѣстную, едвали можно принимать за чистую монету. Положимъ даже, что въ молодости—

Когда онъ бѣденъ былъ и малъ,
Когда судьба его не знала—

подлинно «утѣшалъ себя» (В. Е. №. 9. с. 27) мыслію:

Нехай вѣчна буде слава,
Же презъ шаблю маемъ права!

Но коль скоро открылись виды и пути къ его честолюбію онъ забылъ свою отчизну, если только Малороссія, а не

[1]) Сей Мировичъ былъ противникъ другихъ преданныхъ Мазепѣ Мировичей, предковъ извѣстнаго мятежника.

[2]) По преданіямъ, болѣе другихъ вѣроятнымъ.

„Польша“ была его родиной. Съ большею однакожъ справедливостію, кажется, полагать должно, что Мазепа, обладая даромъ стихотворства и «умѣнья разгадывать сердца», слагалъ пѣсни сіи и утѣшалъ сими мыслями вольнолюбивыхъ и недовольныхъ козаковъ. Такъ и король польскій Владиславъ, для возбужденія козаковъ противъ Польши, писалъ къ нимъ: «когда вы есте воины добрые, саблю и силу имѣетъ, кто же вамъ за себя стать воспрещаетъ?» Здѣсь нѣтъ патріотизма, но желаніе Владислава усилить королевскую власть свою, въ то время уже ослабѣвшую въ Польшѣ, и письмомъ симъ воспользовался Хмельницкій для освобожденія Малороссіи отъ поляковъ.

Для критиковъ страннымъ кажется еще гнѣвъ Мазепы на Петра, за то, что онъ схватилъ его за усы—«за эту шутку» (С. О. 48)! Но это было совсѣмъ не въ шутку, и Петръ схватилъ за усы, или, по словамъ другихъ, далъ пощечину Мазепѣ, не просто какъ Ивану Степанычу, но какъ гетману малороссійскому съ угрозой.

Я слово „смѣлое“ сказалъ.
Смутились гости молодые;
Царь вспыхнулъ, чашу уронилъ
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ
Отмстить себѣ я клятву далъ...

Такъ говоритъ и исторія. Мазепа приближеннымъ своимъ открывалъ гнѣвъ свой и ненависть къ Петру; въ возмутительной рѣчи своей къ войскамъ козачьимъ онъ говорилъ о сей обидѣ какъ объ оскорбленіи Малороссіи царемъ даже въ лицѣ гетмана. Нѣтъ сомнѣнія, что Мазепа, поднявши знамя бунта для другой цѣли, хотѣлъ вмѣстѣ и отмстить Петру за свою личную обиду.

Что касается до Кочубея и Искры, то мука и погибель ихъ за справедливый доносъ конечно возбуждаютъ состраданіе

къ нимъ и ненависть къ вѣроломному, неправедно восторжествовавшему тогда гетману. И кто бы не пожелалъ опровергнуть безпристрастную исторію, чтобы вмѣстѣ съ критиками, почтить ихъ именами героевъ? Но прочтите въ 3-мъ томѣ Исторіи Бантышъ-Каменскаго доносъ, вопросы и отвѣты и вы увидите, что только судіи пристрастные къ Мазепѣ, а не собственное величіе Кочубея, возложили на него вѣнецъ страдальческій. Малороссійская исторія нигдѣ не представляетъ его своимъ „героемъ", какіе были и прежде Кочубея и послѣ. Искра является „не героемъ", но только страдальцемъ «правоты».

Исторически извѣстно, что вражда Кочубея съ Мазепою возникла еще болѣе, чѣмъ за десять лѣтъ до заговора Мазепы, до похищенія Матрены, и посему заключить можно, что жажда мести въ Кочубеѣ была главнымъ побужденіемъ къ доносу. Посему Пушкинъ совершенно правъ, представляя въ Кочубеѣ оскорбленнаго отца, а не патріота.

Обвиняютъ Пушкина въ томъ, что онъ представилъ дочь Кочубея дѣйствительно влюбленною въ Мазепу, не вѣрятъ, да и вѣрить не хотятъ, что она могла влюбиться въ старика, и полагаютъ, что она всѣмъ пожертвовала не изъ любви къ Мазепѣ, „но изъ тщеславія, въ надеждѣ быть первою въ Малороссіи—панею гетманшею" (С. О. 43). Любовь сія есть конечно необыкновенное, нельзя сказать однакожъ небывалое, явленіе, покрайней мѣрѣ въ Матренѣ не подлежащее сомнѣнію. Мы не отрицаемъ любви въ образованной венеціанкѣ Дездемонѣ къ черному мавру, плѣнившему ее простодушными разсказами о своихъ подвигахъ. Тѣмъ болѣе влюбленный въ Матрену, образованный, краснорѣчивый, вкрадчивый въ сердца и опытный въ дѣлахъ любви Мазепа могъ привлечь сердце юной пламенной украинки и завладѣть имъ. Онъ могъ своею любовью, своими разсказами возбудить въ ней участіе къ себѣ, уваженіе, могъ даже пробудить въ ней и честолюбіе; но все это перешло наконецъ въ любовь, которая одна только и могла заставить ее

пренебречь всѣмъ, покинуть домъ отцовскій и отдаться Мазепѣ; ибо что за честь быть наложницею гетмана, особливо при тогдашнемъ образѣ мыслей? А что ей не представлялась иная доля и не было надежды быть гетманшею, это видно изъ писемъ, Мазепы, который ясно открылъ ей будущую участь:

„Мое сѣрденько! Опечалился я, услышавъ отъ дѣвки, что ты гнѣваешься на меня за то, что я не оставилъ тебя у себя, а отослалъ домой. Разсуди сама, чтобъ изъ того вышло. Первое, родственники твои разгласили бы по всему свѣту: взялъ у насъ ночью насильно дочь и держитъ у себя вмѣсто наложницы! Другая причина, что, державши тебя у себя, я никакъ бы не могъ вытриматы, да и ты тожъ; мы бъ принуждены были жить какъ супруги, а потомъ пришло бы неблагословеніе и проклятіе отъ церкви, чтобъ намъ не жить съ тобою"...

Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ:

„Тяжко соболѣзную о томъ, что не могу съ тобою подробно поговорить, какую отраду сдѣлать тебѣ въ теперешней печали; чего потребуешъ, скажи все этой дѣвкѣ; наконецъ, если они, твои проклятые, тебя отрекаются, иди въ монастырь, а я буду знать, что тогда съ тобою дѣлать"...

Самому вымыслить такую чудную любовь было-бы нѣсколько смѣло; но нашедши въ исторіи, Пушкинъ долженъ былъ воспользоваться ею.

Наконецъ еще одно нападеніе на характеры въ поэмѣ Пушкина, а именно на слѣдующіе, относящіеся къ Карлу XII-му стихи:

Ошибся въ этомъ Карлѣ я!
Онъ мальчикъ бойкой и отважный;
Два-три сраженья разыграть,
Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать,
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ;

---

[1]) Въ приложеніяхъ къ 3 тому Исторіи Бантышъ-Каменскаго напечатаны на малороссійскомъ языкѣ 12 сихъ любопытныхъ писемъ Мазепы къ своей любовницѣ.

Не хуже русскаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
Свалить, какъ нынче, козака
И обмѣнять на рану рану;
Но не ему вести борьбу
Съ самодержавнымъ великаномъ:
Какъ полкъ, вертѣться онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
И легкомысленъ, и кичливъ,
Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ;
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ—
Сломить ему свои рога!
Стыжусь, воинственнымъ бродягой
Увлекся я на старость лѣтъ;
Былъ ослѣпленъ его отвагой
И бѣглымъ счастіемъ побѣдъ,
Какъ дѣва робкая.

Не знаю, что здѣсь страннаго показалось критикамъ? Отъ себя Пушкинъ говоритъ о Карлѣ иначе; а это слова Мазепы, который, соединясь съ Карломъ и узнавъ его ближе, увидѣлъ, что онъ „Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ", перемѣнилъ о немъ свое прежнее мнѣніе: и вправѣ ли былъ обманувшійся шестидесяти-лѣтній старикъ назвать „мальчикомъ" бойкимъ и отважнымъ юнаго героя, въ ту ночь, когда Карлъ въ запальчивости „обмѣнялъ рану на рану?" Извѣстно, что онъ поѣхалъ съ двумя гвардейцами своими на рекогносцировку нашего лагеря и, наскакавъ на нѣсколькихъ козаковъ, самъ „свалилъ" одного изъ нихъ; козаки стали стрѣлять по немъ, и одинъ гвардецъ былъ убитъ, а король тяжело раненъ въ ногу. Это было наканунѣ роковаго сраженія, и какъ же иначе, какъ не хвастовствомъ или удальствомъ (примѣры коего не разъ видимъ въ Карлѣ), называть сей запальчивый и безразсудный поступокъ, въ коемъ Карлъ рисковалъ быть убитымъ и который

много отнялъ духу бодрости у шведскихъ войскъ во время битвы, по признанію какъ шведскихъ, такъ и другихъ писателей.

Сіи слова, какъ мнѣ кажется, тѣмъ еще естественнѣе, что Мазепа говоритъ ихъ раболѣпной твари своей, Орлику, въ злобѣ на свою неудачу, слагая всю вину оною на Карла, который въ свою очередь также обманулся, слишкомъ положась на помощь, которую обѣщалъ ему Мазепа и, сверхъ чаянія своего, не могъ доставить. Извѣстно, что въ побѣгѣ своемъ послѣ битвы, переправляясь черезъ Днѣпръ на рыбачьихъ лодкахъ и прощаясь съ Левенгауптомъ, Карлъ сказалъ Мазепѣ со вздохомъ: „ты, Мазепа, погубилъ меня и войско мое своими обнадеживаніями".

Изъ всего сказаннаго, кажется, очевидно, что характеры дѣйствующихъ лицъ въ поэмѣ Пушкина таковы, какими представляетъ ихъ исторія; и если находится противурѣчіе поэмы съ исторіею, то не въ характерахъ лицъ, а въ томъ только, по моему мнѣнію, что украинцы—„друзья кровавой страны", не желали соединиться со шведомъ противъ Россіи „и не ждали нетерпѣливо Карла", какъ говоритъ Пушкинъ. Малороссіяне, приверженные къ греческому исповѣданію, всегда предпочитали единовѣрныхъ москвитянъ „бусурманамъ"—шведамъ, не говоря уже о „нехристахъ туркахъ" и „зрадливыхъ" ляхахъ. Во время пребыванія шведскихъ войскъ въ Украйнѣ, малороссіяне до половины истребили ихъ; а когда Мазепа, развивъ знамя бунта, объявилъ что онъ отлагается отъ Россіи и соединяется съ шведомъ, то войскà оставили его.

М. Максимовичъ.

ПОЛУЙКА.

(*Оповиданя старого рипныка* [1]).

I.

То теперъ Бориславъ [2]) зовсимъ на-псы зійшовъ! И жыды нарикають, и паны нарикають, и робитныкы нарикають. Усимъ не добре. Роблять людыська, якъ ти кони въ кырати, довбають святу земельку, черпають кыпячку [3]), тягають вискъ. Сказавъ бы хто: даръ Божый! золото! маетки! А пидить-но вы, десь усе те такъ пропадае, що й слиду нема,—такъ, якъ бы дидько всимъ тымъ давывся. Чымъ бильше божого дару выдобувають изъ земли, тымъ бильше вси бидніють. Не розумію, якъ то воно такъ діется, а такъ е. И заробиткивъ давнихъ нема, и веселосты та гулянины нема, якъ колысь бувало, а йде чоловикъ до того Борислава такъ, якъ та худобына у ризныцю: а нужъ сёгодни на мене черга головою наложыты! А не пропаду, то

---

[1]) „Рипныкы"—давнійше, передъ експлуатаціею петролію, збиралы ропу, що показувалася на болотахъ, и продавалы іи на смаровню (мазь) до возивъ. Пизнійше такъ называлыся робитныкы, що працювалы пры Бориславськыхъ копальняхъ.

[2]) Бориславъ—село дрогобыцького повиту, де видъ початку 60-хъ рокивъ експлуатуются багати жерела петролію и де швыдко потимъ видкрыто одыноки доси въ Галычыни залежи земного воску (озекерита), що теперъ чынять багацтво тыхъ копалень.

[3]) „Кыпячка"—нафта (петролій). Се густа, чорна масса, напоена газамы, що выдобуваючыся на верхъ, булькоче (кыпыть) и видсы його назва. Въ дестыларни його варять и чыстять хымично, и тилько тоди винъ иде въ торгъ, якъ нафта.

й такъ не выграю багато,—отъ, абы продыхаты! Про те, щобы запомогтыся бидному чоловикови зъ того заробитку, прыдбаты щось для господарства, або й зовсимъ на ногы статы, зъ наймыта зробытыся господаремъ, якъ-то давно бувало,—про те ныни нема що й думаты. Жебрацтво тай годи!

А за моихъ молодыхъ литъ не те було! Отакъ трыдцять литъ тому було бъ вамъ зазырнуты до Борыслава, то було на що подывытыся, було чого послухаты! Того теперишнього нибы мисточка оплеканого ще зовсимъ не було; тилько ямы по-надъ потокомъ, тай то не глыбоки. Тыхъ нынишнихъ зломыголовъ по сто та по пивтораста метривъ нихто тоди и въ сни не бачывъ. Прокопаешъ було пять, шисть саженивъ, а якъ десять, дванадцять, то вже велыке свято, и вже чуешъ сопухъ [1]) бье, на дни ямы проступають булькы, чуты якійсь клекитъ.....—ого, то вже знакъ, що пора забываты яму! Забьешъ на одну ничъ,—другого дня видибьешъ—повна яма кыпячкы,—тилькы беры та черпай!

Тамъ то було надывытыся, якъ жыды скакалы коло такои ямы, якъ цмокалы, якъ прыпадалы коло насъ, робитныкивъ! Мало въ рукы не цилувалы, а все частувалы, та прыпрошувалы: Иванунюі Дай вамъ Боже здоровля! Ну, та напыйтеся! А якъ гадаете, забьемо ныни яму?

— Ни, ще треба покопаты.

— Ну, а може бы ныни забыты?

— Та забывай, колы хочешъ, але я тоби мовлю, що задармо буде.

И такъ було, якъ робитныкъ мовывъ. Э, стоялы тоди жыды о нашу ласку, поводылыся зъ намы не такъ, якъ ныни, бо сами ще булы маленьки, ще, якъ то кажуть, тилько зачалы коштуваты шыломъ патокы! А тодишни робитныкы! Що то за хлопци булы! Не таке харпацтво, якъ ныни до Борыслава лизе. Тоди йшлы що найлипши парубкы, не разъ господарськи сыны, але найчастійше бидари, наймыты, кругли сыроты, що викъ прожывъ у наймахъ, у тяжкій праци, не разъ, видъ-колы жывъ,

---

[1]) Нафтовый удушлывый газъ.

то не мавъ у своій кышени рынського [1]), не знавъ иншого смаку въ роти, кримъ борщу та росолянкы, та горилкы. А тутъ наразъ—рынськый денно! И твое все, никому не давай рахунку, ни съ кымъ не дилыся, ни на кого не озырайся! Нихто на тебе не дывытся, нихто тебе не знае, нихто тоби въ рукы не зазырае. Самъ соби, въ компаніи такыхъ самыхъ якъ ты—робы що хочешъ, жый якъ знаешъ! И жылы хлопци! Робота роботою, але по роботи, вечеромъ, якъ почнется було гуляння, то було на що надывытыся! Ныни такыхъ гулянокъ нихто й думкою не збагне! Крыкы, спивы, бійкы, рижни збытки и жарты, абы грошамъ очи промыты! Для правдывого рипныка встыдъ було не пропыты къ недилю всего, що заробывъ у тыжни. Поплатывъ, чы не поплатывъ за харчъ, видложывъ, чы не видложивъ що на чорну годыну, але въ шынку, мижъ товарышамы, винъ бувъ панъ. Горилка, пыво, вына, печени—все йому мусило буты.

— Напчыхаты мени на все! Завтра або по-завтру може дидько вхопыть мене! Гуляймо, хлопци, покы часъ, покы наше!

Недиля, а по-пры неи й понедилокъ, то бувъ у Борыслави такый ярмарокъ, такый клекитъ и гармидеръ, якъ бы сто жыдивськыхъ шкилъ на одну купу зсыпавъ. Пьемо, гуляемо, а потимъ, побравшыся за рукы, лавою сунемо по дорози помижъ баракы—бо то бувъ тодишній Борыславъ; село одаликъ, а тутъ, де нынишній Борыславъ, то була середыною дорога, а по обохъ бокахъ баракы, тилько дѐ-де почыналы будуваты хаты.—Отже сунемо по дорози и ревемо нелюдськымы голосамы:

Ой не жалуй, моя мыла,
Що я пью!
Тоди будешъ жалуваты,
Якъ я вмру!

А най то покажется жыдъ та заговорыть: Ивануню, часъ бы до роботы!

Ну, ну, мавъ бы ся винъ! Заразъ його обступлять, нибы добри прыятели. Сей у бочку зъ кыпячкою руку встромыть тай

---

[1]) Злотый рынськый (рейнській) або гульденъ.

на бекешу ззаду прылипыть йому здоровенну пятку! Другый у бочку руку встромыть и наперфумуе йому нею всю бороду; третій—такою жъ рукою пейсы йому пидкрутыть; четвертый—оби долони положыть йому на плечи, ще й прыговорюе:

— Мошку! Та чого тоби квапытыся? Насъ дидько визьме и тебе визьме. Мы погынемо рипныкамы, ты здохнешъ богачемъ. Не бійся, твое не втече! Робота не втече. Ходы, напыйся зъ намы! Але жъ бо ты файно выглядаешъ! Ай-ай, твоя ридна Сура тебе не пизнае!

Жыдъ нибы всмихается, а самъ злый—мало не трисне! Але, що мае робыты? Хлопы якъ медведи; ще до того пьяни. Полицыи ніякои, а ни жандаривъ тоди ще въ Борыслави не було, не було при кимъ жыдамъ брыкаты.

Але швыдко воны навчылыся!

II.

Ага, що то я хотивъ оповистыть вамъ! Про полуйку! Теперъ уже про неи мало хто й тямыть, а тоди то було для рипныкивъ такъ, якъ для дытыны калачъ, що мама прывезе зъ миста.

Бачыте, бувъ такый звычай, що въ котрій ями показалася кыпячка, то перша бочка йшла на робитныкивъ, що працювалы пры ній. Воны моглы або взяты іи и продаты, кому хотилы, або властытель мусивъ выкупыты іи у ныхъ. Не велыки то булы гроши,—десять, пизнійше пятнадцять рынськыхъ, ну, але для тыхъ чотырьохъ людей, що робылы пры ями, то бувъ ладный крейцаръ. То вже, якъ пишла чутка, що въ тій а тій ями докопуются до кыпячкы, то йшовъ гамиръ по всихъ кошарахъ [1]).

— Ого, у Гершка, чы тамъ у Мошка, позавтра полуйка буде!

Ну, а того вамъ не треба й казаты, що то значыло: то значыло—пиятыка така, що вси ти гроши тамъ на мисци му-

---

[1]) Кошара—дощана буда, збудована надъ ямою.

сять мынутыся. То вже рипныкы биглы на полуйку, якъ свахы на весилля.

Не знаю вже, хто то встановывъ той звычай, та здается, що не жыды. Воны дуже крыво дывылыся на него, але не моглы ничого порадыты. Вже якъ разъ була така встанова, то рипныкы булы бъ йому кошару рознеслы и його самого зъ головою въ ту бочку всадылы, якъ бы винъ не захотивъ даты йимъ полуйкы. Зразу жыды, поки булы биднійши, радо давалы, потимъ, якъ розпаношилы троха, почалы крывытыся, дали прыходыло до сварокъ, а въ кинци, писля велыкого огню 1874 року, то й зовсимъ скасувалы сей звычай.

Отже то съ тою полуйкою на моихъ очахъ була сторія. Робылы мы—я, Грыць Хомыкъ (винъ теперъ е війтомъ у Запалимъ) и Иванъ Карапузъ, небощыкъ уже—пры одній ями у Йойны. Якось винъ дывно прозывався, але мы называлы його Йойна зъ трьома бородамы, бо мавъ бороду роздилену на тры космы, тай то середній бувъ чорный, а два крайни сыви,—зовсимъ такъ выглядавъ, якъ грыва гуска. Давно його вже вырвало,—такы черезъ ту полуйку зо свита зійшовъ, що вамъ хочу за неи розповисты; а отъ сынъ его, Борухъ, зкапцанивъ зовсимъ, фирманыть [1]) теперъ у Дрогобычи.

Той Йойна недавно прыйшовъ бувъ до Борыслава десь видкись зъ гиръ. Казалы, що доробывся маетку гендлюючы воламы, а теперь хотивъ розбагатиты въ Борыслави. Заразъ у однои бабы закупывъ частку поля, не скажу—за-пивъ-дарма, бо такы бувъ бы мусивъ ій щось даты, а такъ такы за низащо, за пару квартъ солодкои горилкы. Баба була сама, стара, мала хату тай той каваловъ поля далеко видъ села, на мокликахъ; решту іи чоловикъ ще передъ смертью пропывъ. Отъ вона рада була, що позбулася тои решты, а выпывшы горилку и проспавшыся, пошыла соби торбы, перехрестылася тай пишла по жебранимъ хлибу. А Йойна заразъ зачавъ копаты два закопы на тимъ кусныку.

---

[1]) Фирманъ, фурманъ—занимающійся извозомъ.

Якось йому не щастылося. Выдно було по нимъ, що ажъ трясется, щобы швыдко розбагатиты; бигае, нюхае, пидганяе робитныкивъ, зазырае до ямы. А наши рипныкы дуже того не любылы. Дурылы його. Визьмуть, прынесуть видкись кыбель ропы [1]), вечеромъ выллють у яму, а рано, колы выдобувають глыну зъ ямы, нашъ Йойна ажъ пидскакуе:

— Ого, вже, йе! Йе кыпячка у мене! Иванушо, а багато тамъ іи?—крычыть винъ у нызъ до робитныка.

— Тилько, що ажъ не выдно.

— Якъ то? Якъ то? А отже на глыни йе!

— Та то, Иойно, слынытся земля!—видповидае той зъ ямы.

— Якъ то слынытся? Я ще не чувъ, щобъ земля слыныласяя.

-- Та такъ, що кыпячка йе десь глыбоко, а тутъ тилько така пина на глыни выступае.

— Ну, а швыдко буде, Иванушо, швыдко буде?

— Та переказувала, що буде, тилько почекайте! не радо видповидае робитныкъ и що сылы гепне дзюбакомъ у твердый лессъ [2]).

— Ни, ни, нивроки! нивроки!—прыговорюе Йойна самъ до себе и видходыть, и не йде, а бижыть до другои ямы, щобъ и тамъ довидатыся, що въ ями „слынытся, але кыпячка казала зачекаты“.

Килька разивъ такъ дурылы хлопци Йойну, а сами сміются,—ажъ рака лазять. Та ба! имъ смихъ, а Йойни почынае вже терпцю не ставаты и не такъ терпцю, якъ дрибныхъ грошей у него въ запаси було не дуже багато, а дви ямы видъ разу копаты и цямбруваты, то день-у-день коштуе. Доять його ти ямы, такъ що доять, а пожытку нема. Дали однои пятныци винъ выдно обрахувався зъ касою, прыйшовъ по полудне до кошары,

[1]) Ропа—ридка, чорна або червонаста масса;—мае малый процентъ нафты, а бильше иншыхъ складныкивъ.

[2]) Лессъ—тверда глына (Löss), що зъ неи складаются нафтодайни поклады въ Борыслави.

ходыть, зазырае до ямъ, цмокае и въ пальци трискае та свой тры бороды розгортае, а дали каже до мене—я власне одну шахту пры млынку робывъ:

— Слухайте, Иванyню, якъ вамъ здается: швыдко буде у насъ кыпячка?

— А хто жъ іи у Бога знае? видповивъ я.

— А земля слынытся въ ями?

— Щось перестала.

— А сопухъ чуты?

— Щось не чуты?

— То може мы не на добримъ мисци почалы копаты?

— Га, може буты.

— Може бы зачаты въ иншимъ мисци?

— Або я знаю.

— Я думаю, що онъ-тамъ у тій долыни.... Якъ вы думаете, Иванyню, була бы тамъ швыдче кыпячка?

— А хто іи знае.

— А я думаю, що тамъ була бы якъ не на пятимъ, то на шестимъ сажни.

— А по чимъ вы миркуете?

— Бачыте, Нута Граубергъ онтамъ за межою въ тій самій долынци копае

— Та що зъ того, що копае? Ще ничого не докопався.

— Ропа вже показалася.

— Га, якъ показалася ропа, то певно швыдко буде й кыпячка.

— То що, може зачнемо й мы тамъ одну яму копаты?

— Якъ миркуете.

— Але тутъ жаль покыдаты.

— Та жаль.

— Якъ бы знатя, що тутъ швыдче буде...

— Э, якъ бы знатя!

Такъ радывся зо мною Йойна. Ховай Боже, не мигъ сказаты, щобъ я намовлявъ його на сей або на той бикъ. Я такъ само не розумився на тимъ, де копаты, а де не копаты, якъ и винъ.

Ще килька день Йойна ходывъ, муркотивъ, митыкувавъ, радывся зъ иншымы жыдами, а дали сказавъ:

— Годи, хлопци! забывайте ти ямы! Зачнемо нови въ иншимъ мисци.

Намъ то байдуже. Зачнемо, то зачнемо. Намъ ище й липше, бо на верху лекша робота.

III.

Нута Граубергъ—то бувъ найблызшый сусидъ и найтяжшый ворогъ нашого Йойны. Чы направду такъ було, чы тилько такъ здавалося Йойни, що Нута все робывъ йому наперекиръ. Наперекиръ йому купывъ частку заразъ обикъ Йойны, и то такъ само за пивъ-дарма, якъ и сей. Наперекиръ йому винъ зачавъ такъ само видъ-разу копаты дви ямы, тилько що бувъ осторожнійшый и одынъ закипъ зробывъ на горбыку, тамъ де булы Йойнины оба, а одынъ на долынци, тамъ де теперъ збирався копаты Йойна. Оба сусиды ненавыдилы одынъ другого страшенно. Колы Йойна здыбавъ рано Нуту, то плювавъ у слидъ за нымъ, а колы самъ винъ перейшовъ Нути дорогу, то сей николы не занедбавъ вылаяты его въ-слидъ: „чортъ твоему батькови!".

Та колы Йойна бувъ захлянный, хапчывый, прытимъ облеслывый и швыдкый до гниву, то Нута бувъ спокійный, любывъ жарты, а зъ робитныкамы поводывся, якъ зъ добрымы сусидамы. Часомъ винъ стававъ коло своеи кошары и бачучы, якъ рипныкы кепкують соби зъ Йойны, почынавъ и соби жъ жартуваты.

— Иойне!—мовывъ винъ.

— А що?—видмовлявъ Йойна по-жыдивськи.

— А слынытся въ твоій ями?

— А фрасъ на твои кышкы!—видповидавъ Йойна и видходывъ до кошары. Покрутытся тамъ, нибы забувъ щось, тай иде геть, а по хвыли вже чутно одаликъ, якъ Йойна говорыть:

— Нуте!

— Що?

— Накажы своимъ людямъ, щобъ не сыпалы мени землй на мій грунтъ.

— Обгороды соби свій грунтъ,—видповидае Нута.

— Я тоби насампередъ загорожу зубы.

Сварьі бувалы зъ кожнымъ днемъ частійши, покы въ кинци оба протывныкы не згодылыся на одно,—спильнымъ коштомъ розгородыты свои частки высокымъ паркано мъ. Але спокою мижъ ными про те не було. Йойна завыслывымъ окомъ дывывся на Нуту, що-дня бажавъ, щобъ його ямы позавалювалыся, щобы Нута „зломавъ кышкы" и щобъ винъ николы не бачывъ його на очи. Здается, що й Нута платывъ Йойни такою самою монетою. Колы жъ у Нуты въ тій ями, що була въ долынци, показалася ропа, не здатна для фабрыкацыи нафты, хыба тилько на смаръ для возивъ, Йойна не мигъ заснуты, не мигъ знайты соби спокою, покы не забывъ обохъ своихъ ямъ на горбыку и не почавъ копаты дви нови ямы въ долынци.

— Йойне,—кпывъ соби зъ-за паркана Нута,—а слынытся въ твоихъ ямахъ?

— Такъ само якъ у твоихъ.

— А колы буде полуйка?

— Оба одного дня справымо.

— А маешъ уже бочкы на кыпячку?

— Якъ буде треба, то знайдутся.

— То певно твій боднаръ пишовъ сьогодни у лисъ по обручи.

— Такый самый мій, якъ и твій.

— А я тоби мушу за одну ричъ подякуваты, Йойне.

— За що?

— За те, що ты вступывся мени зъ горбыка.

— Я—тоби?

— Ну, такъ. Ты выкопавъ десять сажень и я десять. Теперъ я прокопаю ще два, и вся кыпячка зъ твойого закопу зійде до мойого.

— Беры іи соби! Дай Боже, щобъ ты до вику лышъ тилько мавъ, що йе въ моимъ закопи!

Нута жартувавъ, а Йойна зъ цилого серця бажавъ йому того, що говорывъ. А тымъ часомъ доля инакше зажартувала соби зъ ныхъ обохъ. Не мынулы два дни, колы въ Нутовимъ закопи на горби показалася кыпячка. Нута першый справлявъ полуйку и насъ запросывъ на гостыну. Йойна мало не стикся зо злосты.

— Ай, вай! Що я наробывъ! По що мени було кыдаты свои ямы! крычавъ винъ, рвучы на соби пейсы.—Я бувъ бы теперъ мавъ кыпячку, а такъ сей трефнякъ выбере ню! Его яма глыбча, то зъ мого грунту уся стече до него.

— Не бійтеся, Йойно,—мовывъ я,—колы у Нуты показалася, то и у васъ буде. Выкопавъ винъ дванадцать сажень, то вы выкоплить чотырнадцять, то тоди зъ його закопу буде текты до вашого.

— Правда ваша, Ивануню, правда ваша!—скрыкнувъ Йойна.—А-ну хлопци! Покыдайте ти нови закопы, вертаймо до старыхъ.

Слухайте, Йойно,—мовывъ я до него. Не такъ вы зробить. Лышить одну компанію тутъ, нехай копають тутъ одынъ закипъ, а други нехай идуть тамъ.

— Добре мовыте, Ивануню, добре мовыте!—ажъ пидскакувавъ Йойна.—Лышъ вы мени все такъ файно радьте, бо вже якъ у насъ кыпячка покаже́ть, то я вамъ таку полуйку справлю, таку полуйку, що ажъ!...

— Та вже мы надіемося, що вы не будете таки... Крывды намъ не зробыте. Адже вы бачылы, яку Нута полуйку справлявъ.

— Що, Нута? До чого Нута? Нута капцанъ, пархъ, паскидныкъ! Що винъ розуміе. Я ще надіюся побачыты, якъ винъ буде тикаты видсы зъ торбамы.

А Нута тымъ часомъ черпае изъ своеи ямы кыпячку тай черпае, денно по двадцять бочокъ видвозыть до дестылярни. А Йойна стоить передъ своею кошарою, рахуе бочкы та ажъ тру-

сытся, ажъ зубамы скреготче зи злосты та зъ завысты. У Нуты коло кошары гармидеръ, крыкъ, повно жыдивъ, зъ возамы, та зъ киньмы, а у Йойны пусто та сумно, тилько чуты скрыпъ корбы, що двыгае до горы кыбель, повный сухого лессу, та пыскъ млынка, що жене до ямы свиже повитря.

— Йойне,—крычыть зъ-за паркана Нута.

— Що йе?—видгукуе Иойна.

— Чы то правда, що ты завтра забываешъ свою яму?

— Дай Боже, щобъ твое слово було сказане въ щаслывый часъ!

— Бо я хотивъ тоби щось сказаты.

— А що таке?

— Якъ завтра не забьешъ, то продай іи мени.

— Давыся своею.

— Ну, чого гниваешся? Я тоби зверну коштъ и дамъ пять шистокъ видчипного.

— Щобъ тоби языкъ видчепывся видъ твоёго трефного рота.

— А знаешъ що, Йойне?

— Не потребую знаты.

— Я выджу, що ты добрый чоловикъ. Якъ закоплешъ уси свои гроши, то прыходь до мене за кассира.

— А ты, якъ будешъ жебракомъ, то прыходы до мене два разы на тыждень; за кождымъ разомъ дистанешъ феныка.

— Добре, Йойне! запамятаю соби те, а ты запамятай соби те, що я сказавъ. И памятай, якъ будешъ продаваты закопы, то вже по сусидству удайся до мене першого. Добре заплачу.—

— Щобъ ты не дочекавъ платыты, а я браты видъ тебе!— крычавъ розлюченый Йойна и тикавъ до своеи кошары.

IV.

И сымъ разомъ Нутови жарты малы справдытыся. Отся пересварка була въ четвергъ, а въ пятныцю по-полудни роблю

я шахту въ ями, чую—сопухъ пидходыть, робытся чымъ разъ чутнійшый, сыльнійшый, почынае мени пamороки забываты. Дзвоню я до того, що пры млынку, щобы дувъ що сылы.

— А що тамъ, Иванную!—крычыть зъ горы Йойна.—Ие сопухъ?

— Та йе!

— А слынытся яма?

— Ни, не выдно.

— А не булькоче ничого?

— Ни, не чуты.

Тутъ йому говорю, а тутъ дывысь! Що вдарю дзюбакомъ у глыну, а зъ-пидъ дзюбака: пшш...! Сопухъ иде, мовъ изъ ковальского миха дуе. А дали почынае проступаты таке, мовъ пина, мовъ булькы.

— Э,—думаю соби,—буде завтра полуйка! Або ни, ще сёгодни буде. Але не Йойна дасть намъ іи. Добре, що у нёго швыдко шабасъ заходыть! Зробымо мы соби полуйку сами, та таку, що буде що спомынаты.

Тутъ соби миркую, а тутъ прыслухаюся. А пидо мною немовъ щось жыве въ земли рушается, булькоче, клекоче,—здается, ось-ось бухне и залье мене. А сопухъ душыть мене, хочъ той пры млынку працюе зъ усіеи сылы.

Ставъ я, миркую, що тутъ діаты, а Йойна вже крычыть зъ горы:

— Ну, Иванную, чого ты стоишъ?

— Бо змучывся и сопухъ душыть.

— Може слынытся?

— Та де тамъ слынытся.

— А може булькоче.

— Та булькоче, булькоче.

— Ой, чы на правду? Ну, Иванную, кажы!

— Та булькоче, але мени въ жывоти, бо писно обидавъ сёгодни.

— А бодай ты жартувавъ, а не хорувавъ! Ну, ну, дзюбай, дзюбай, нехай кыбель не чекае.

— Щобъ ты тамъ закаменивъ, жыде!—подумавъ я соби. А тутъ чую, що колы дзюбну ще разъ порядно у дно ямы, то готова видъ разу кыпячка бухнуты. Розуміется, жыдъ побачыть се, наробыть гомону, поставыть варту, и наша полуйка пропала: дистанемо те, що жыдови зъ носа капне.—А мени дуже сего не хотилося. Отъ я взявся дзюбаты землю, але не зъ дна. тилько зъ бокивъ ямы. Ба, та бо й тутъ усюды зъ-пидъ дзюбака: пшш! та пшш! Що за дыво! Видъ разу немовъ десь пудамы прыгнано ту кыпячку, такъ и чуты, що зъ усихъ бокивъ прется и тыснется до ямы. То вже я то сякъ, то такъ ныпаю, та шолопаю, щобъ дотягты до вечера, а все подаю до видра саму суху глыну, безъ слиду кыпячкы. Дали почала й моя лямпа пчыхаты. Сопуху въ ями занадто багато. У мене голова хочъ яка мицна, а такожъ почала не статкуваты. Свитъ крутытся, по-передъ очыма зачынають бигаты колеса, зразу зелени, дали червони, въ горли нудыть, мовъ бы тамъ застромлявъ хто суху ложку,—ни, довше не выдержу! Дзвоню я, щобъ тяглы мене до горы.

— Ну, Ивануню,—крычыть Йойна зъ горы,—а що тамъ?

— Тягнить до горы, мени не добре!—крычу я. Ухопывшы обиручъ дзюбакъ, я що сылы затявъ його въ ослызлу вже видъ кыпячкы глыну на дни ямы, а до кинця ручкы прывязавъ тонкый и мицный шнуръ, що бувъ у мене за поясомъ про всяку прыгоду.

— Тягнить!—крычу ще разъ.

Потяглы мене до горы. Колы тяглы, я помаленьку розпускавъ той шнуръ изъ-за пояса, а конець его прывязавъ до сучка цямрыны вже пры самимъ краю ямы. Въ ями темно, имъ зъ горы нichого не выдно, а я соби свое знаю.

Вытяглы мене, и я видъ разу повалывся на землю мовъ не жывый.

— Ой, ой!—скрыкнувъ Йойна,—винъ замороченый! Ивануню! Ивануню! Що тоби е? Чы чуешъ мене?

— Я чую добре, але вдаю зовсимъ небижчыка. Надувся, посынивъ. Жыдъ ажъ рукамы объ полы вдарывся.

— Ай, ой! Ратуйте! Видтырайте! Воды!

— Горилкы!—крыкнувъ той, що бувъ пры млынку.

Йойна кынувся выдобуваты зи своеи торбы горилку. Покы мене терлы та ожывлювалы, та покриплялы, то вже почало смеркатыся. А мени тилько того треба.

— Ну, що, Ивануню?—допытуе мене Йойна, клянчучы надо мною зъ горилкою:—йе тамъ що въ ями?

— А дидько йе лобатый! Заморока тай годи.

— А кыпячкы нема?

— А най вона тоби вся скыпыть и ты самъ зъ нею!

— Ни, ни, пощо то таке говорыты? То даръ Божый!

— Дидьчый, не Божый! Ще ничого нема, а я ледве души не загубывъ.

— Ни, але якъ гадаешъ, буде що?

— Та певно, що буде, але ще не знаты колы. Сопухъ йе, але кыпячкы не чуты.

— Вона пидійде, Ивануню, вона пидійде!—радисно говорыть жыдъ.

— Сама не пидійде. Треба прокопаты ще зъ сажень, то може буде.

— Йой!—скрыкнувъ Йойна, мовъ ужаленый.—Ще зъ сажень? А я гадавъ, сёгодни на ничъ забываты.

— Та можешъ соби забываты, колы хочешъ. Але зъ того такый буде пожытокъ, що въ ями наберется тилько сопуху, що завтра треба буде до полудня двома млынкамы добре працюваты, покы тамъ чоловикъ буде мигъ показаты носа въ долыну.

Йойна стоявъ ни въ сыхъ, ни въ тыхъ. Нымъ ажъ телипало щось, ажъ бига лыхорадка зъ велыкои нетерплячкы, але зъ другого боку винъ знавъ добре, що я такожъ не прывыкъ говорыты на витеръ. Ще хвыльку винъ пробувавъ змагатыся.

— Ей, Ивануню, а не дурышъ ты мене?

— Ну, то лизь самъ у яму та переконайся!

— Ни, ни, та я ничого! Хыба я що? Нехай буде такъ, якъ вы мовыте! то по вашому ще нынй нема що забываты іи?

— Власне треба лышыты отворену, щобы выходывъ сопухъ. До кыпячкы ще не блызько.

— Але вы тутъ ночуйте! А ну жъ бы въ ночи кыпячка выбухла? А якъ бы щось до чогось, чуете, Ивануню, дайте мени знаты!

— Та вже вы, Йойно, не бійтеся,—мовлять рипныкы.

— Иванъ хочъ бы хотивъ питы, то не пиде никуды, бо слабый.

— Але вы не лышайте його самого.

— Що, и мы вси малы бы тутъ ночуваты коло вашои ямы? А нехай вона западется вамъ. Аджежъ ныни выплата! А дежъ то хто бачывъ таке, щобы рипныкъ, маючы гроши въ кышени, не пишовъ погуляты соби? Чуете, онъ у Мендлёвимъ бараци вже грае музыке. Давайте гроши!

— Ни,—мовыть Йойна,—знаете що, люби мои? ночуйте вы тутъ нынн! Я вамъ завтра выплачу, не буду пытаты, що шабасъ. А нынн я вамъ не дамъ ничого, щобъ васъ не кортило на гуляне. Прынесить соби тутъ хлиба, горилкы, ковбасы,—я заразъ накажу Мендлеви, щобъ прыславъ вамъ усього досыть, а сами не ходить никуды. Прошу васъ, уже сю ничъ не видходить никуды. Прыпыльнуйте мени сеи ямы! Мени все здается, що сеи ночи тутъ буде щось. А якъ бы, нивроку, що до чого, то прошу васъ, хочъ бы о пивночи, заразъ дайте мени знаты. Винъ говорывъ, дроботивъ, гладывъ насъ по-пидъ бороды, видходывъ и зновъ вертавъ, и просывъ, и пидлещувався. Выдно було, що страхъ йому не хотилося видходыть видъ ямы. Що хвыли стававъ надъ нею, вдывлявся въ іи темне гырло, нюхавъ важкый нафтовый сопухъ, що валывъ изъ неи клубамы, а все прыслухувався, чы не булькоче що въ іи нутри. Ажъ трясся, щобъ узяты лямпу и пры іи свитли заглянуты въ нутро ямы, але се була небезпечна забава,—мигъ зробытыся выбухъ. Я все ще лежавъ, нибы то недужый, на околоти соломы, що розпростертый въ кути кошары служывъ за постиль для того, хто ночувавъ коло ямы. Лежу и думаю: а ну жъ дидьча кыпячка бухне въ тій хвыли, засычыть, заклекотить и забулькоче! Килька

разивъ мени навить прычувався той клекитъ, але все те була мана. Врешти якось-не-якось Йойна пишовъ.

На неби замыготила перша зирныця, йому пора була поспишаты на шабасъ. Я вставъ изъ своёго околота й проводывъ його очыма ажъ геть дали вулыцею. Винъ жывъ зъ жинкою и дитьмы въ сели, доброи чверть мыли видъ ямы.

Ну, пишовъ! Зчезъ! теперъ уже певно не верне....

V.

— Гей, хлопци!—скрыкнувъ я до своихъ рипныкивъ,— сюды! До мене!

— А що тамъ?

— Буде полуйка.

— Колы?

— Заразъ.

— Якъ то заразъ? Хиба йе кыпячка?

— Нема ще, але якъ я захочу, то заразъ буде. Бижить котрый до Нуты. Здается, винъ ще въ кошари.

— Я чувъ його, ще тамъ щось гаркотыть,—потвердывъ одынъ рипныкъ.—Бижить до него, кличте його сюды, а такъ, щобы нихто не знавъ, по що.

Покы тамъ одынъ скочывъ, перекынувся мовъ собака черезъ парканъ и побигъ шукаты Нуты, я на помацкы полизъ до ямы.

— Хлопци! Два васъ до мене! Держить мене за ногы! Та мицно!

Воны, не говорячы а ни слова, вхопылы мене за ногы. Тоди я, звисывшыся головою внызъ, а за головою поповзшы й цилымъ жывотомъ, налапавъ на сучку цямрыны кинець того шнура, що почепывъ тамъ, колы мене вытягалы на верхъ. Сопухъ у ями душывъ мене, але мени се байдуже. Обвывшы соби той шнурокъ мицно довкола рукы, я шепнувъ своимъ хлопцямъ:

— Тягнить мене!

Потяглы. Я мицно торгнувъ шнурокъ, пиднявъ дзюбакъ, що бувъ застромленый у землю на дни ямы, видъ чого—я чувъ се—видвалыло добрый кусень глыны. И въ тій хвыли въ ями засвыстало, загичало, зашыпило мовъ пивъ копы лютыхъ гадюкъ, а дали забулькотило, заклекотило, мовъ окрипъ у велыкимъ казани. Мои товарыши зрозумилы.

— Кыпячка!

Въ тій хвыли вбигъ Нута до кошары.

— Ну, що тутъ чуваты?

— Слухайте, Нуто!

Винъ недовго й надслухувавъ.

— Ну, нивроку, нивроку!—сказавъ винъ якось такъ, мовъ раптомъ диставъ велыку оскомыну.

— А чого вы мене клыкалы?

— Не знаете чого? Адже се наша полуйка. Купить соби іи.

— А!

Винъ скрыкнувъ се такъ радисно, не мовъ знайшовъ на дорози цилу сотку.

— Добре.

— Почому дасте?

— Якъ звычайно: десятка за бочку.

— Килько маете бочокъ порожнихъ?

— Ти що на возахъ, уси двадцять порожни. Моя яма ными вычерпалася, я забывъ іи.

— Добре! Ладьте гроши. А мы, хлопци, до роботы!

Заразъ мои хлопци кынулыся, розибралы одно перыло паркана, прыкотылы визъ зъ бочкою, вложылы у видро тяжкый камень и спустылы його въ яму. Не далеко й ишло въ-ньізъ! За хвылю вернуло назадъ повне. Заразъ мы видъ Нуты прынеслы ще тры видра, почепылы вси чотыри на одынъ валъ на дви лынвы—и давай черпаты. За пивъ-годыны бочка повна—назадъ зъ нею на Нутивъ грунтъ! Свижу сюды! За пивъ годыны и ся повна—назадъ зъ нею! Свижу сюды!...

Попрацювалы мы отакъ до самого рана. Нута не сыдивъ пры насъ, але його пидручныкъ, видправывшы свойого сторожа, самъ сыдивъ цилу ничъ у своїй кошари. Ще не свитъ, не зоря, а вси двадцять бочокъ Нутовыхъ булы повни. Тоди мы парканъ назадъ поставылы, слиды позагрибалы, въ своїй кошари зробылы порядокъ, а диставшы кождый, якъ насъ було висимъ, по двадцять и пять рыньскыхъ на руку, а надто ще десятку на почесне, полягалы спаты, мовъ и ниде ничого.

Ледве мы хвылечку полежалы, не встыглы й задриматы, ажъ бижыть нашъ Йойна.

— Що тутъ чуваты?—то булы перши його слова. И не чекаючы видповиди, винъ просто бижыть до ямы. Не потребувавъ и заглядаты до неи: корба, лынвы, вси цямрыны, все було чорне, все такъ и капало видъ кыпячкы.

— Иване, Иване!—крыкнувъ винъ не свойимъ голосомъ, торгаючы мене за плече.

— А що тамъ?—буркнувъ я, мовъ зъ просоння, хочъ не спавъ и чувъ усе добре.

— Ну? Що тутъ сталося?

— Та сами бачыте!

— Йе кыпячка?

— А йе.

— А чого корба мокра? Чого цямрына мокра?

— Бо выбухла и все забрызькала.

— Ой, ой! Выбухла! Такъ мицно выбухла!

— А глядить, насъ усихъ обляпала.

— Васъ усихъ? А то якъ!

— Та якъ зачало въ ями щось шыпиты та свыстаты, ажъ мы побудылыся и скочылы вси до ямы. А въ тій хвыли якъ не бухне кыпячка, такъ насъ усихъ и обляпала.

— Ни, Ивануню, то не може буты! Вы мене дурыте!

— Та подывиться на мене, якъ я выглядаю!—справди, я выглядавъ якъ дидько, весь обмазаный кыпячкою. Мы въ ночи про се й не подумалы, а теперъ мусивъ чоловикъ выбрихуватыся. Але жыдъ якъ учора бувъ розгорячкованый та самъ не свій,

такъ теперъ, колы вже бувъ певный своёго, бувъ холодный, немовъ бы обильявъ його холодною водою.

— Ей, Ивануню, якось-то мени не вирытся! Я ще не чувъ, щобы кыпячка такъ бухала.

— А я чувъ и самъ на свои очи бачывъ.

Тымъ часомъ у кошари робылося чымъ разъ выднійше и выдно було слиды свижо розрытои земли, перемишанои зъ кыпячкою, слиды колисъ, що велы ажъ до Нутового паркану. Йойна мало не пожыравъ очыма ти слиды.

— Ивануню, а то що за слиды?

— Яки слиды?

— Та отъ, такъ якъ бы возы зайиздылы и выйиздылы зъ кошары.

— Ще може, киньски копыта побачыте? Певно, дидько чвиркою зайиздывъ и вамъ маетокъ у яму кынувъ.

— Ни, Ивануню, не жартуй! Що то за слиды?

— Та то видъ нашыхъ тачокъ слиды. Мы ще вчора вечиръ вывозылы глыну зъ кошары.

— Ага! Ну, алежъ бо тутъ усюды кыпячкы накапано.

— Та що вамъ, Йойна, прывыджуется? Чого вы чипаетеся? Накапано, бо зъ ямы бухло та капало. Адже жъ мы вашу нафту не закрылы. Визьмить іи соби! Онъ тамъ вамъ іи певно повна яма.

— А може вы й закралы, Ивануню, га? Знаете, я не хочу вамъ сказаты злого слова, але мени здается, що вы вже трохи черпалы іи!

— Ага!—скрыкнулы рипныкы, що лежалы въ кошари и доси мовчкы прыслухувалыся тій розмови.—Теперъ мы вже розуміемо, Йойно! Вы заговорюете такъ, щобы не даты намъ полуйкы.

— Певно, що не дамъ!—скрыкнувъ наразъ Йойна, ажъ пидскочывшы зъ пересердя.—За що маю даты? Вы сами взялы соби. Вы не дали мени знаты! Вы обикралы мене! Вы цилу ничъ черпалы мою кыпячку! Гвалтъ! злодіи! Гвалтъ! Розбійныкы! що я маю робыты?

Йойна зачавъ крычаты и скакаты по кошари, мовъ божевильный.

— Будьте тыхо, Йойно,—промовылы мы до нёго помалу, але зъ прытыскомъ.—Будьте тыхо, бо вамъ буде гирше. Де маете хочъ одного свидка на те, що говорыте!

— Я знайду!

— Якъ знайдете, тоди говорить. Скаржьте насъ до суду. А теперъ будьте тыхо! И заплатить намъ за роботу.

— Заплатыты? За що я вамъ буду платыты? Вы обикралы, обрабувалы мене, а я ще маю вамъ платыты!

Сего було для насъ забагато. Бачу, що мои хлопци зубы закусують, а се злый знакъ. Колы чоловикъ натще, а зубы закусуе, то стережысь ёго.

— Хлопци,—мовлю до ныхъ.—Будьте спокійни. Йойна жартуе.

Але Йойни не до жартивъ. Его очи мовъ мыши разъ-у-разъ бигають за слидамы колисъ изъ кошары до паркана и назадъ. Дали винъ не вытримавъ, скочывъ зъ кошары, мовъ китъ выдряпався на парканъ и зырнувъ на той бикъ.

— Ай, ай! А тутъ що!—крыкнувъ винъ и вхопывъ себе за пейсы и въ тій хвыли скочывъ зъ паркана.

— Та що тамъ, Йойна?

— Я заразъ бижу до Дрогобыча! Даю знаты до крыминалу. Посылаю по жандаривъ. Се крадижъ! Се розбій на гладкій дорози! Тамъ такъ якъ на долони выдно цилый гостынець, куды мою кыпячку возылы. Цили калюжи накапано.

— Не робить изъ себе дурня, Йойно! Адже пры васъ учора Нута возывъ кыпячку—свою, а не вашу. Ще якъ разъ пидъ парканомъ одна бочка трисла. Отъ сами бачылы, сами сміялыся!—такъ говорылы Йойни рипныкы. Але Йойна не перестававъ йойкаты и вайкаты.

— Слухайте, Йойно,—мовывъ я до нёго, колы винъ увишовъ до кошары,—не шукайте соби напасты на насъ. Заплатить намъ за роботу, дайте намъ за полуйку, що намъ належытся; розстанемося по доброму.

— Ровстанемося?

— Ну, та певно!—скрыкнулы рипныкы.—Колы такъ ни за що, ни про що позлодіялы насъ, то мы у васъ довше не будемо робыты. Шукайте соби иншыхъ робитныкивъ.

— Овва! И знайду!—скрыкнувъ Иойна.

Съ тяжкымъ болемъ серця винъ выплатывъ намъ нашъ заробитокъ, ще зъ пивъ-годыны мусилы мы торгуватыся зъ нымъ за полуйку; ледво выдерлы іи у него, мовъ собаци зъ зубивъ, и тоди попрощалыся зъ нымъ.

— Бувайте здорови, Йойно! Дай вамъ, Боже, щобъ та яма була така щедра для васъ, якъ вы для насъ!—крыкнувъ йому одынъ на видхиднимъ.

— И щобъ вы не дочекалы бильше никому полуйкы даваты!—поправывъ другый.

А Йойна все ще стоявъ у кошари, вайкотивъ по-тыхо и зъ острахомъ та цикавостю вдывлявся въ недобре затерти слиды, що велы зъ его кошары до Нутового паркана.

VI.

Чы не смиха? Якъ йому заклялы рипныны, такъ усе доразу зъ нымъ сталося!

Цилый той шабасъ ныпавъ Йойна, муркотивъ, цмокавъ, йойкавъ, а дали зибрався и рушывъ до рабына. Заскаржывъ Нуту. А я у Нуты ставъ на роботу, то все знаю видъ нёго самого. Заскаржывъ Нуту у рабына, що сей обикравъ ёго, а Нута соби байдуже—сміется; що йому зробыть рабынъ? Винъ за нашу полуйку взявъ чыстыхъ пять сотокъ, и що йому бида зробыть?

Почавъ Йойна на вулыци чиплятыся Нуты, почавъ кыдатыся на нёго зовсимъ безъ памяты. Выдно було, що чоловикъ помалу зъ глузду зсуваеться. И все одно торочыть: обикралы мене! обрабувалы мене! Та бо й яма, въ котрій показалася кыпячка, зробыла йому збытка. Йойна нанявъ новыхъ робитныкивъ; почалы черпаты, начерпалы щось пять бочокъ кыпячкы, тай годи. Забывъ Йойна яму, переждавъ день—пусто, переждавъ

другый—пусто. А у Нуты кыпячка йде та йде. Я, роблячы у Нуты, бачу бувало, якъ Йойна ходыть коло своеи кошары, розводыть рукамы, муркоче щось и зновъ бигае и заглядае до ямы, и самъ не знае, що зъ собою діяты. Неразъ ажъ языкъ мени свербыть, щобъ закпыты соби зъ нёго, але зновъ и жаль мени ёго стане. Мы справди троха скрывдылы ёго. Але хто жъ знавъ, що яма такъ жыво вычерпается?

— Йойно,—мовлю разъ до него зъ-за паркана.

Винъ ажъ звергся, почувшы мій голосъ, немовъ бы хто наглымъ выстриломъ пробудывъ його зо сну.

— Не бійтеся! се я, Иванъ.

— Ну, чого тоби треба?

— Послухайте вы мене, Йойно,—мовлю йому щыро,—покыньте вы теперъ сю яму, копнить онъ тамъ у долынци.

Винъ не видповивъ ничого, але справди послухавъ мене. Другого дня его робитныкы забылы сю нещасну яму и взялыся до тои, що була розпочата въ долынци. Працювалы коло неи килька день. Здавалося, що Йойна успокоився троха, тилько очи его блыщалы якымсь несамовытымъ огнемъ, а на вулыци колы йшовъ, то не пизнававъ никого.

А одного дня чуемо: крыкъ коло Йойновои ямы. Рипныкы покынулы роботу и клычуть Йойну. А винъ якъ разъ тоди сыдивъ, чы може дримавъ у тій самій кошари, де мы зробылы соби полуйку.

— Господару! Господару!—крычать рипныкы зъ долыны. А ходить-но сюда!

Було саме полудне. Мы спочывалы, въ ями не було никого, то мы, почувшы крыкъ, повыбигалы зъ кошары.

— Ого, мовлю я,—у Йойны сьогодня полуйка буде!

Саме въ тій хвыли выбигъ Йойна зъ кошары и мабуть почувъ мои слова, бо бижучы крыкнувъ у нашъ бикъ:

— Ага, чорта зъисте, не полуйку!

Мы зареготалыся, повылазылы на парканъ и дывымося, що буде. А Йойна ще не добигъ до ямы и крычыть зъ-далека:

— А що, йе кыпячка?

— Йе.

— А не бухае?

— Ни.

— А багато?

— Та вже пивъ-ямы.

И на-пивъ жартомъ, на-пивъ радисно одынъ додавъ:

— Але то полуйка буде!

Въ тій хвыли Йойна зовсимъ сказывся. Винъ кынувся на бидного рипныка та й лусь його въ лыце!

— Ось тоби полуйка! А, драбы! А, розбійныкы! И вы хочете мене обикрасты! Не дамъ! Не дамъ! ничого не дамъ!

И винъ у якійсь шаленій нетями кынувся до ямы и, розихрестывшы рукы, прыпавъ ныць, щобъ закрыты собою те жерело свойого богацтва. Гырло ямы було досыть вузьке. Винъ, опершыся колинамы на одній цямрыни и вхопывшы розхрещенымы рукамы оби сумежни, заслонювавъ собою яму, не мовъ хтось хотивъ видибраты іи у него, и все крычавъ:

— Не дамъ! Ничого не дамъ! Гвалтъ! Ратуйте! Розбійныкы!

Почалы збигатыся люды въ усихъ бокивъ, а побачывшы Йойну надъ ямою и не розуміючы, чого винъ хоче, думалы, що сталося якесь нещастя, що хтось упавъ до ямы або задушывся. А у мене ажъ серце застыло.

— Хлопци!—крыкнувъ я до рипныкивъ, що стоялы довкола ямы.—Винъ здуривъ! Видтягнить його видъ ямы! Жыво!

— А нехай його дидько визьме!—буркнувъ не рушаючыся зъ мисця той, що диставъ невынно ляпаса.

Въ тій хвыли Йойна, отуманилый видъ заморокы, що валыла зъ ямы, вхопывся обома рукамы за груды, бо йому не ставало духу, а стратывшы пидпору, тилько мыгнувъ, замахавъ патынкамы и мовъ галушка булькнувъ у яму. Кыпячка, що мала даты йому богацтво, дала ему смерть. А полуйкы своимъ рипныкамъ такы вже не давъ. Його вытяглы ажъ за тры дни, бо до ямы черезъ заморoку не можна було доступыты.

Миронъ.

ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ЛѢТЪ ЖИЗНИ ПУШКИНА

НА ЮГѢ РОССІИ.

Пушкинъ передъ отправленіемъ на югъ.—Біографическія данныя за 1820—1821-й годы.—Стихотворенія, написанныя въ Малороссіи.—Посланіе Чаадаеву и стихотвореніе Овидію.—Байронъ и Пушкинъ.—Поэтъ и декабристы [1]).

I.

Послѣ окончанія курса въ Царскосельскомъ Лицеѣ А. С. Пушкинъ не прожилъ и трехъ полныхъ лѣтъ на сѣверѣ. По выходѣ изъ Лицея онъ получилъ чинъ коллежскаго секретаря и, согласно желанію, былъ опредѣленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, но, за неимѣніемъ вакансій, съ 700 рублями вознагражденія „впредь до помѣщенія его на мѣсто съ жалованьемъ". Три года пролетѣло незамѣтно, то въ веселой смѣнѣ столичныхъ впечатлѣній, то въ поѣздкахъ въ псковское имѣніе матери поэта, Михайловское. Впрочемъ, большую часть времени Пушкинъ жилъ среди петербургской молодежи. Біографъ поэта

[1]) Авторъ этой статьи ничего новаго не думалъ сообщить въ своей работѣ; цѣль его напомнить читателямъ „К. С" въ годъ, когда исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Пушкина, о тѣхъ мѣсяцахъ, которые провелъ поэтъ въ Малороссіи, и разсмотрѣть, по возможности кратко, связанные съ этимъ пребываніемъ вопросы. Авторъ пользовался всѣми важнѣйшими источниками, появившимися въ печати, но ссылки приводитъ только въ случаѣ особой необходимости.

отмѣчаетъ, что Пушкинъ, „увлеченный общей жаждой широкаго разгула и веселья, не умѣвшій ни въ чемъ останавливаться на полдорогѣ, и въ этомъ направленіи доходилъ до послѣдней крайности. Отчаянная удаль, невозможныя шалости, разгулъ и даже развратъ были въ то время модой, своего рода щегольствомъ между праздной и богатой молодежью высшаго круга. Самый характеръ эпохи не мало способствовалъ такому настроенію общества: всѣ тяготились застоемъ, наступившимъ послѣ войны; молодые силы просились наружу, а дѣла настоящаго не было. Къ этому присоединились и другія причины: броженіе идей, принесенныхъ войсками изъ Франціи, усиливавшееся вліяніе Байрона съ его мрачнымъ міровоззрѣніемъ въ поэзіи и странностями въ общежитіи; вліяніе это, покуда еще внѣшнее, начинало уже носиться въ воздухѣ, развивая презрѣніе къ прозѣ жизни, ко всему обыденному и общепринятому. Наступалъ вѣкъ Онѣгиныхъ и Печориныхъ, вѣкъ поголовнаго ломанья, когда каждый старался быть не тѣмъ, чѣмъ создалъ его Богъ, и, что странно, хотѣлъ казаться гораздо хуже, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Всѣми ощущалась какая-то неудовлетворенность, всѣмъ хотѣлось забыться, и юношество предавалось самому разнузданному веселью: попойки, женщины и карты поглощали все свободное время великосвѣтской молодежи. Пушкинъ не отставалъ отъ другихъ. Первый зачинщикъ всевозможныхъ кутежей и безобразій, смѣлый и необузданный, онъ щеголялъ своимъ удальствомъ и гордился славой перваго шалуна въ Петербургѣ. Задорный и дерзкій, за всякую бездѣлицу готовый вызвать на дуэль или отплатить злой эпиграммой, онъ во многихъ возбуждалъ непріязнь смѣшанную отчасти со страхомъ. Для звучнаго стиха, для остраго слова онъ не щадилъ никого и ничего и всегда готовъ былъ издѣваться надъ предметами и людьми. Эпиграммы самыя злыя, экспромпты самые непристойные, стихи самые вольнодумные сыпались изъ подъ пера его направо и налѣво. И все это дѣлалось напоказъ съ какимъ то хвастовствомъ, съ претензіей обратить на себя вниманіе. Въ самой внѣшности Пушкина было видно желаніе казаться ори-

гинальнымъ: онъ то отпускалъ кудри до плечъ, то держалъ въ безпорядкѣ свою курчавую голову; одѣвался небрежно; ходилъ скоро, повертывая тросточкой или хлыстикомъ, насвистывая или напѣвая пѣсню". Но не однимъ разгуломъ заняты были мысли Пушкина: кромѣ лирическихъ пьесъ, въ это время была имъ написана поэма „Русланъ и Людмила", въ это время онъ вполнѣ сблизился съ молодымъ поэтическимъ кружкомъ; А. И. Тургеневъ, Жуковскій, Карамзинъ, Чаадаевъ искренне восхищались новымъ крупнымъ талантомъ, а вся думающая молодежь на расхватъ читала его кипучіе весельемъ и вольнолюбіемъ стихи и экспромпты. Въ это же время написана была Пушкинымъ прекрасная дума о деревнѣ, гдѣ

Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
  Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
  Неумолимаго владѣльца....

Элегія эта заканчивается извѣстными стихами:

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

(Собр. соч. Пушк., изд. Литер. фонда, I, 206).

Когда кн. Васильчиковъ доставилъ эти стихи Александру I-му, они растрогали его до глубины души, и онъ сказалъ князю: Faites remercier Pouchkine des bons sentiments, que ces vers inspirent. Но не за всѣ чувства и мысли пожелали благодарить Пу-

шкина: уже давно былъ онъ извѣстенъ злыми стихами противъ сильныхъ міра сего. Весною цѣлый рядъ эпиграммъ (особенно сильныя на Аракчеева), неосторожныхъ, хотя нѣсколько мальчишески задорныхъ, выходокъ (демонстративное разсматриванье портрета Лувеля, убійцы герц. Беррійскаго, въ театрѣ на масляной), наконецъ получившая особенную популярность *ода* поэта *на вольность* (Бѣги, сокройся отъ очей...) рѣшили судьбу Пушкина: 4-го мая 1820 г. состоялся приказъ м-ра иностр. дѣлъ, Нессельроде, о перечисленіи изъ министерства иностр. дѣлъ и отправленіи коллеж. секр. А. С. Пушкина къ главному попечителю колонистовъ южнаго края Россіи ген. лейт. Инзову. Съ такимъ то общественно-нравственнымъ и литературнымъ багажемъ поэтъ уже 6-го мая, въ сопровожденіи своего слуги, Никиты, мчался въ русской красной рубашкѣ, опояскѣ и поярковой шляпѣ по бѣлорусскому тракту, чрезъ Могилевъ и Кіевъ, на югъ. Юному Пушкину грозила сначала ссылка въ Сибирь или, по крайней мѣрѣ, въ Соловецкій монастырь, но тогда еще умѣли любить молодежь, дорожить ею и понимать юный задоръ, поддерживаемый товариществомъ, и юныя увлеченія... Заступничество друзей поэта свело наказаніе къ *переводу* поэта на службу изъ „сѣвера дальняго въ сторону южную" съ сохраненіемъ петербургскаго содержанія и выдачей 1000 рублей на проѣздъ къ мѣсту служенія.

II.

Очень часто говорятъ о *ссылкѣ* Пушкина на югъ въ 1820 году. Мы думаемъ, что переводъ Пушкина въ чиновники къ генералу Инзову, хотя непріятный и нежелательный для поэта, нельзя называть ссылкой,—Пушкина сослали позже, а именно въ 1824 году изъ Одессы въ с. Михайловское къ отцу, и это была дѣйствительная и тяжелая ссылка. Не говоря о внѣшней, формальной сторонѣ вопроса мы позволимъ себѣ, во первыхъ, привесть слова Александра I-го по окочаніи разговора его съ графомъ Милорадовичемъ, когда императоръ приказалъ „снарядить Пушкина въ дорогу, выдать ему прогоны и съ соотвѣт-

ствующимъ чиномъ и соблюденіемъ возможной благовидности отправить его на службу на югъ". (Русск. Арх. 1866 г., стр. 920); во вторыхъ, напомнимъ двѣ три фразы оффиціальнаго письма гр. Каподистріи, утвержденнаго государемъ подписью „быть по сему", письмо, которое Пушкинъ самъ везъ изъ Петербурга своему новому начальнику ген. л. Инзову: „Письмо это, генералъ, имѣетъ цѣлію просить Васъ принять этого молодого человѣка (А. С. П.) подъ Ваше покровительство и просить Вашего благосклоннаго попеченія.... нѣтъ той крайности, въ которую бы не впадалъ этотъ несчастный человѣкъ, какъ нѣтъ и того совершенства, котораго не могъ бы онъ достигнуть высокимъ превосходствомъ своихъ дарованій, (далѣе слѣдуетъ указаніе на вольномысліе Пушкина и заступничество его друзей)... Его покровители полагаютъ, что его раскаянье искренно, и что, удаливъ его на короткое время изъ Петербурга, *доставивъ ему занятіе* и окруживъ его добрыми примѣрами, можно сдѣлать изъ него прекраснаго *слугу государству*, или, по крайней мѣрѣ, писателя первой величины". (Рус. Стар. 1887 г. стр. 241, 242). Мы видимъ изъ этого письма, что поэта хотѣли подвергнуть не ссылкѣ, а дисциплинировать, привязавъ къ чиновничьему стулу, въ расчетѣ не выйдетъ ли изъ него прекрасный слуга государству, а, *по крайней мѣрѣ*, писатель, что такъ характерно для русской бюрократической точки зрѣнія... Но, надо сказать, друзья и благожелатели поэта не расчитывали сколько нибудь серьезно на то, что изъ Пушкина образуется хорошій чиновникъ или благоразумный россійскій обыватель, такъ какъ не безсознательно данъ былъ ему въ начальство г.-л. Инзовъ „памятный своею дружескою связью съ типографщикомъ Новиковымъ и съ мартинистами Екатерининскаго вѣка, человѣкъ образованный, служившій въ молодости адъютантомъ при кн. В. Репнинѣ, то же мартинистъ. Г-лъ Инзовъ усвоилъ себѣ лучшія качества этихъ людей, вполнѣ опредѣленный образъ мыслей, любовь къ просвѣщенію, мягкость нрава, чрезвычайное доброжелательство и человѣколюбіе"... Болгаре, сербы и др. колонисты почитали память этого добраго начальника, во многихъ ихъ семьяхъ хра-

нились его портреты... „Это былъ человѣкъ не хитраго ума, простой въ обращеніи, не умѣвшій говорить красно и громко, но его искренняя привѣтливость, умѣнье сживаться съ людьми и мирить ихъ, неподкупная честность и прямота характера заслужили ему любовь подчиненныхъ и уваженіе людей равныхъ и начальства. Сверхъ того, Инзовъ былъ очень образованъ и начитанъ, занимался исторіей, естественными науками, собиралъ рукописи". (П. Бартеневъ, Пушкинъ на Югѣ, стр. 1122—1123).

И вотъ къ такому то начальнику отправленъ былъ Пушкинъ.

Онъ не оставался на этотъ разъ въ Кіевѣ по пути изъ Петербурга на югъ: 16 или 17 мая послѣ спѣшной десятидневной ѣзды поэтъ былъ уже въ Екатеринославѣ. Пріемъ Инзова былъ сердечный; первыя тяжелыя минуты на чужой сторонѣ были нѣсколько сглажены дружескимъ расположеніемъ и вниманіемъ.

Пушкинъ осматривался, бродилъ по городу, по берегу Днѣпра, гдѣ однажды, прогуливаясь со своимъ слугой, видѣлъ бѣгство двухъ каторжниковъ, переплывшихъ Днѣпръ, потопившихъ одного изъ стражей и спасшихся на противоположномъ берегу, случай, послужившій фабулой для его поэмы „Братья-разбойники". Тамъ же въ волнахъ Днѣпра неосторожно искупался Пушкинъ, тяжко заболѣлъ лихорадкой и лежалъ въ одиночествѣ больной и тоскующій. Но тогда въ томъ же Екатеринославѣ онъ замѣчательно счастливо встрѣтился съ семьей своего молодого друга Н. Н. Раевскаго. Семья Раевскихъ состояла изъ старика, генерала 12-го года и извѣстнаго героя, старшаго его сына, отставнаго полковника Александра Николаевича, двухъ дочерей, Екатерины и Елизаветы, и младшаго сына, молодого офицера Николая. При дальнѣйшемъ знакомствѣ Пушкинъ восторгался сестрами, съ Николаемъ былъ еще друженъ въ Царскомъ Селѣ, (Раевскій былъ моложе Пушкина на два года). О роли молодого Раевскаго въ жизни Пушкина мы будемъ говоритъ позже, теперь же продолжимъ краткій перечень событій въ первые годы пребыванія поэта на югѣ, такъ какъ съ конца 1822-го, онъ уже въ Малороссіи не бывалъ, а жилъ

въ Кишиневѣ или Одессѣ. Итакъ, Пушкинъ, встрѣтился въ Екатеринославѣ въ 20-хъ числахъ мая съ семьей Раевскихъ, которая выѣхала 19-го мая изъ Кіева, гдѣ Раевскіе жили, на Кавказъ въ составѣ отца, обѣихъ дочерей и младшаго сына; съ ними ѣхалъ и докторъ, нѣкто Рудыковскій. Радушная семья поддерживавшая близкія связи съ литературнымъ міромъ, рада была помочь другу сына и поэту, въ то время уже далеко не безызвѣстному, и предложила ему, едва только онъ поправился немного, ѣхать на Кавказъ, полѣчиться, освѣжиться и ободриться. Инзовъ безъ задержекъ далъ разрѣшеніе на отпускъ и поѣздку, и въ концѣ мая Пушкинъ уже былъ на пути къ Дону. Путешествіе и пребываніе поэта у подошвы передняго Кавказа, на минеральныхъ водахъ продолжалось $2^1/_2$ мѣсяца, далѣе путь лежалъ черезъ Землю Черноморскихъ Козаковъ, Керченскій проливъ на Керчь, по морю у южнаго берега Крыма въ Юрзуфъ (Гурзуфъ). Конецъ августа провелъ поэтъ въ Юрзуфѣ и, проводивши въ сентябрѣ семейство Раевскихъ въ ихъ село Каменку, Кіев. губ., Чигирин. у., только 21-го сентября 1820 г. явился къ новому мѣсту своего служенія, г. Кишиневъ, куда былъ переведенъ изъ Екатеринослава попечительный комитетъ о колонистахъ южнаго края, такъ какъ Инзовъ былъ назначенъ намѣстникомъ Бессарабской области. Съ восторгомъ отзывался Пушкинъ объ этой поэтической поѣздкѣ и въ стихахъ, и въ письмахъ:

Когда я погибалъ безвинный, безотрадный,
И шопотъ клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,
Когда кинжалъ измѣны хладный,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили—
Я близъ тебя (Н. Р.) еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ; другъ друга мы любили,
И бури надо мной свирѣпость утомили—
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ...

(Посвященіе къ „Кавказ. Плѣн.“).

Въ письмѣ къ брату, Льву Сергѣевичу, онъ въ самыхъ трогательнымъ выраженіяхъ описываетъ свое путешествіе, Кавказъ и Крымъ: „Жалѣю, мой другъ, говоритъ онъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы и Змѣиной... Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы—любовался нашими казаками: вѣчно верхомъ; вѣчно готовы драться, въ вѣчной предосторожности! Ѣхалъ въ виду непріязненныхъ полей, свободныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ". Далѣе описываетъ поэтъ Керчь, Митридатову гробницу, развалины Пантикапеи, переѣздъ въ Гурзуфъ, гдѣ онъ прожилъ 3 недѣли. „Мой другъ, говоритъ онъ брату, счастливѣйшія минуты провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу русскаго войска; я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душой; снисходительнаго, попечительнаго друга; всегда милаго ласковаго хозяина. Свидѣтель екатериненскаго вѣка, памятникъ 12-го года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только долженъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе, нежели извѣстенъ. Всѣ его дочери—прелесть; старшая—женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная безпечная жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался, счастливое, полуденное небо, прелестный край; природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскихъ." (Собр. соч. VIII, 9—11).

Поѣзда вдохновила Пушкина, результатомъ его вдохновенія, кромѣ небольшихъ лирическихъ стихотвореній, о которыхъ мы еще будемъ говорить, явились поэмы „Кавказскій Плѣнникъ" (мартъ 1821-го г.) и „Бахчисар. Фонтанъ" (осень 1822 г.). Съ сентября 1820 года г. Кишиневъ былъ постоянной квартирой

поэта, откуда онъ совершалъ поѣздки то по Бессарабіи, то въ Новороссію. Но заглядывалъ онъ и въ Кіевъ, и въ Кіевскую губернію, именно въ село Каменку, имѣніе Давыдовыхъ и Раевскихъ. (Мать старика Раевскаго была во второмъ бракѣ за Давыдовымъ, отъ котораго имѣла двухъ сыновей, Александра и Василія Львовичей, знакомыхъ Пушкина). Декабрь 1820-го и часть января 1821-го г. поэтъ провелъ въ Каменкѣ, въ началѣ февраля онъ былъ въ Кіевѣ, но 20-го февраля, судя по нѣкоторымъ датамъ, опять былъ въ Каменкѣ и въ концѣ того же мѣсяца уже въ Одессѣ. Послѣдній разъ поэтъ ѣздилъ въ Каменку въ ноябрѣ 1822-го года; это было его послѣднее посѣщеніе Малороссіи, насколько можно прослѣдить по его письмамъ, замѣткамъ и стихотвореніямъ. Отмѣтимъ и напомнимъ важнѣйшее изъ того, что было создано въ эти непродожительные наѣзды его въ нашъ родной край.

III.

Въ Екатеринославѣ Пушкинъ на вопросъ доктора: „чѣмъ Вы тутъ занимаетесь?“ отвѣчалъ: „пишу стихи“, но къ этому времени мы не можемъ опредѣленно и точно пріурочить ни одного произведенія поэта. Да едвали и до того было больному поэту, только что прибывшему „по начальству“ на мѣсто своего новаго служенія. Но въ 1820-же году дописаны были два стихотворенія, имѣющія отношеніе къ Е. Н. Раевской: „Нереида“ (Среди зеленыхъ волнъ...) и „Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда“... Въ февралѣ же 1821-го г., въ Кіевѣ, дописана элегія „Увы, зачѣмъ она блистаетъ...“ и написаны „Земля и море“ (подражаніе идилліи Мосха, греч. поэта II-го в. до Р. Х.) и „Муза“ (можетъ быть въ Каменкѣ), наконецъ въ Каменкѣ дописанъ „Кавказскій плѣнникъ“ (безъ эпилога), написана элегія „Я пережилъ свои желанія“... и прекрасное стихотвореніе „Желаніе“,— вотъ и все, написанное въ Малороссіи, если не считать такихъ пустяковъ, какъ напримѣръ, стихотвореніе „Адели“ и т. п. Обратимся къ общей хактеристикѣ двухъ лучшихъ стихотвореній этого періода. Въ „Музѣ“ поэтъ говоритъ:

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной
И радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ своихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

(I, 235).

Само по себѣ прекрасное стихотвореніе по формѣ стиха, шестистопнаго ямба, доведеннаго Пушкинымъ до совершенства, по граціозности образовъ—музы, временами оживляющей тростникъ божественнымъ дыханіемъ, и поэта, наигрывающаго на цѣвницѣ робкими перстами, имѣетъ общее значеніе,—ни мѣстныхъ красокъ, ни мѣстныхъ впечатлѣній въ этомъ стихотвореніи мы, конечно, не видимъ. То же мы должны сказать и о другомъ прелестномъ стихотвореніи, написанномъ въ Кіевѣ: „Земля и Море“:

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользитъ и тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
И челны на волнахъ лелѣетъ;
Заботъ и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣе
И забываю пѣсни музъ:
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣе.
Когда же волны по брегамъ
Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ,
И громъ гремитъ по небесамъ,
И молніи во мракѣ блещутъ,

Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубравы:
Земля мнѣ кажется вѣрнѣй,
И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый:
Живетъ на утломъ онъ челнѣ,
Игралище слѣпой пучины,
А я въ надежной тишинѣ
Внимаю шумъ ручья долины.

(Соб. соч. I, 233).

Отмѣтимъ двѣ черты въ этомъ стихотвореніи: во первыхъ, спокойное, безмятежное настроеніе поэта, который не только „не ищетъ бури“ и не думаетъ, что „въ буряхъ можно найти покой“, но хочетъ стоять на твердой землѣ, когда волны „ревутъ, кипятъ и плещутъ, и громъ гремитъ по небесамъ“, и чувствуетъ, что есть для него гостепріимный кровъ, полный „надежной тишиной“, во вторыхъ, роскошныя краски, подобранныя поэтомъ для изображенія моря, уподобляющагося у Пушкина—жизни, въ тихую и бурную погоду. Первая черта несомѣннно связана съ личнымъ настроеніемъ поэта: „Земля и Море“ написаны Пушкинымъ, когда онъ былъ въ Кіевѣ на свадьбѣ Ек Ник. Раевской съ хорошимъ знакомымъ Пушкина, М. Ѳ. Орловымъ; вторая черта безусловно является отголоскомъ неулегшихся еще впечатлѣній, вынесенныхъ авторомъ изъ путешествія у береговъ Чернаго моря. Тотъ же отголосокъ слышится въ стихотвореніи „Желаніе“, гдѣ рѣчь идетъ о Крымѣ.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Гдѣ весело шумятъ и блещутъ воды
И мирные ласкаютъ берега,
Гдѣ на холмы, подъ лавровые своды,
Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга? и т. д.

И во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ ничего нѣтъ, что бы отражало Малороссію, не говоримъ—ея бытъ, ея нравы, нѣтъ —природу Малороссіи... Это фактъ неоспоримый, и мы думаемъ, что объясненіе ему найти нетрудно. Поэтъ промчался

по Малороссіи въ Екатеринославъ, заболѣлъ тамъ, вылѣченный и ободренный тотчасъ уѣхалъ на Кавказъ, въ Крымъ, къ берегамъ Чернаго моря. Они поразили его: величественныя горы Кавказа, гдѣ высится и „пасмурный Бешту, пустынникъ величавый, гдѣ—кремнистыя вершины, гремучіе ключи, увядшія равнины, пустыни знойныя", гдѣ красуются

Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый
Бѣлѣетъ въ небѣ голубомъ....

Не менѣе овладѣли душой поэта нѣжныя очертанія и рѣзкіе, причудливые переходы картинъ Таврическаго полуострова; Крымъ для него—

Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса,
И струй, и тополей прохлада....

А море.... Море настоящее, а не сѣрый Финскій заливъ, глубоко захватило своимъ могуществомъ и измѣнчивостью воображеніе поэта и осталось для него однимъ изъ самыхъ сильныхъ, живыхъ и постоянныхъ воспоминаній о свѣтлой жизни поэта на югѣ. Съ нимъ наиболѣе трогательно прощается Пушкинъ, уѣзжая на сѣверъ:

Какъ я любилъ твои отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы....
. . . .
Прощай же, море, не забуду
Твоей торжественной красы,

И долго, долго помнить буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.
Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

Итакъ,—первыя, притомъ подавляющія, грандіозныя впечатлѣнія, пережитыя Пушкинымъ на югѣ, были впечатлѣнія Кавказа, Крыма и Чернаго моря. Онъ долго былъ подъ ихъ властью, они отразились на всей послѣдующей его поэтической дѣятельности. Возвратился онъ, проѣхалъ въ Каменку, наѣзжалъ по временамъ въ Малороссію, но красоты ея, скромныя, нѣсколько идиллическія, задумчивыя, безъ рѣзкихъ переходовъ и тоновъ, безъ картинъ широкихъ или поражающихъ, никогда не приковывали его вниманія, не овладѣвали его поэтической мыслью и не могли вытѣснить только что пережитыхъ живыхъ впечатлѣній путешествія. Отсюда—такія яркія, образныя по мѣстному колориту описанія Кавказа, Крыма и моря, отсюда—отсутствіе у Пушкина поэтическаго разсказа о природѣ нашего родного края. Мы, конечно, думаемъ, что причинъ такого отсутствія у поэта яркихъ впечатлѣній отъ малорусской природы и обстановки было не мало, и приводимое нами объясненіе считаемъ только наиболѣе важнымъ въ ряду другихъ причинъ и объясненій.

IV.

Но что же дали поэту первые полтора года пребыванія его на югѣ? Остался ли онъ такимъ же, какимъ выѣхалъ изъ Петербурга? Тѣ ли только страсти, мысли и тотъ ли задоръ и легкомысліе, освѣщенные крупнымъ талантомъ, волнуютъ его теперь? Отвѣта этотъ вопросъ поищемъ въ его поэтическихъ произведеніяхъ и обратимся къ двумъ стихотвореніямъ поэта— „Посланіе Чаадаеву“ и „Овидію“—оба 1821-го года („Посланіе“ написано 6-го апрѣля, „Къ Овидію“—26-го декабря). Послѣ обращенія къ римскому поэту, изображенія его судьбы и тоски

по родинѣ Пушкинъ сравниваетъ свою судьбу съ судьбой Овидія и заключаетъ элегію словами:

Да сохранится же завѣтное преданье:
Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
Не славой, участью я равенъ былъ тебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная
Великодушный грекъ свободу вызывалъ:
И не единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ;
Но не унизилъ ввѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной.

(Собр. Соч. т. I, 260)

О серьезности своего настроенія въ концѣ перваго года пребыванія на югѣ поэтъ пишетъ Чаадаеву:

Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ,
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
И сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тяжкій трудъ, и жажду размышленій;
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Стихи Пушкина такъ выразительны и говорятъ сами за себя, что даютъ опредѣленный отвѣтъ на поставленный нами выше вопросъ. Да, „много перемѣнилось въ жизни для поэта, и самъ, покорный общему закону, перемѣнился онъ". По словамъ Грота („Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники") удаленіе Пушкина изъ Петербурга, безъ сомнѣнія, глубоко потрясшее впечатлительную душу юноши, не могло не пробудить въ немъ грустныхъ размышленій, не заставить его заду-

маться надъ жизнью и судьбой человѣка, а наглядное знакомство съ живописной природой юга Россіи, съ разнохарактерными племенами и съ провинціальнымъ обществомъ должно было дать новый сильный толчокъ и такъ уже далеко опередившему годы развитію Пушкина... Съ этихъ поръ особенно въ Пушкинѣ становится замѣтно сочетаніе рѣдкаго поэтическаго таланта съ любознательностью; онъ глубоко изучаетъ каждый предметъ, котораго коснется; потребность эта скоро приводитъ его къ заимствованію предметовъ для поэзіи изъ исторіи и наконецъ обращаетъ его къ чисто историческимъ трудамъ; плодъ новаго направленія его былъ рядъ поэмъ, гдѣ съ каждымъ шагомъ видимо зрѣетъ и мысль его, и художественное пониманіе..... Съ этихъ то именно поръ изъ него вырабатывается *взыскательный художникъ*, названіе, употребленное самимъ поэтомъ въ одномъ изъ его сонетовъ. По безчисленнымъ поправкамъ въ его произведеніяхъ можно судить, какъ не легко онъ удовлетворялся тѣмъ, что выходило изъ подъ пера его, какихъ, наконецъ, усилій стоило то совершенство формы, та ровность отдѣлки, которыхъ онъ достигалъ во всѣхъ своихъ стихахъ. И это упорство въ работѣ тѣмъ изумительнѣе, что намъ извѣстно, какою пламенною душою онъ былъ одаренъ. Какъ охотно предавался онъ развлеченіямъ общества и наслажденіемъ природою. Въ одной замѣткѣ его о разныхъ родахъ поэзіи наше вниманіе невольно останавливается на выраженіи: „Безъ постояннаго труда нѣтъ истинно великаго“ (стр. 149—151). Несомнѣнно, что лѣта дѣлали свое дѣло, но мы должны отмѣтить и тѣ два теченія въ жизни поэта, которыя наиболѣе способствовали, какъ дальнѣйшему развитію его таланта, такъ выработкѣ характера, настроеній и большей серьезности. Это были —вліяніе европейской литературы и друзей-декабристовъ.

V.

Въ то время, которое интересуетъ насъ, вліяніе Вольтера, Парни и французской литературы на Пушкина не исчезло,—онъ зачитывался ею еще съ отроческихъ лѣтъ. Позже высту-

паетъ болѣе серьезное увлеченіе Шатобріатомъ, Шенье и особенно Байрономъ. Увлеченіе послѣднимъ было самое значительное и продолжительное. Серьезное знакомство съ поэтомъ „мировой скорби" началось именно на югѣ, хотя, вѣроятно, Пушкинъ зналъ и раньше—о самомъ Байронѣ, и можетъ быть читалъ кое-что изъ произведеній Байрона во французскомъ переводѣ (1819 г). Англійскаго языка до 1820 г. поэтъ еще не зналъ. Едва ли не черезъ Н. Н. Раевскаго и его сестеръ, говоритъ Л. Н. Майковъ, Пушкинъ впервые познакомился съ Байрономъ. Есть положительныя свидѣтельства, что подъ ихъ руководствомъ Пушкинъ началъ учиться англійскому языку (намъ думается относительно сестеръ, слѣдовало бы сказать, опираясь на имѣющіяся данныя, не подъ ихъ руководствомъ, а при ихъ нѣкоторой помощи), когда же въ августѣ 1820-го года, онъ плылъ съ Раевскими на кораблѣ „изъ Азіи въ Европу" уже была написана подъ живымъ впечатлѣніемъ только что прочтеннаго „Чайльдъ Гарольда" элегія „Погасло дневное свѣтило"—первое стихотвореніе въ той полосѣ творчества Пушкина, когда онъ платилъ дань байронизму (Очерки, стр. 132). Н. Раевскій былъ не только хорошо образованнымъ человѣкомъ для того времени, но отличался и замѣчательнымъ литературнымъ вкусомъ, который высоко цѣнилъ поэтъ (См. письма Раевскаго изъ Бѣлой Церкви отъ 10-го мая 1825 г.). По вѣрному замѣчанію ученаго критика, литературныя воззрѣнія Пушкина слагались вообще очень самостоятельно и нерѣдко наперекоръ пріятельскимъ мнѣніямъ; но едва ли можно оспаривать вліяніе Н. Н. Раевскаго въ томъ, что у поэта рано проявилось сочувствіе къ англійской словесности (Очерки, 142). Вопросъ о байронизмѣ Пушкина вызвалъ цѣлую литературу, хотя къ чести русской критической мысли, рѣдкіе голоса большею частью случайныхъ или неосторожныхъ критиковъ указывали на якобы подчиняющее и безусловно подавляющее вліяніе англійскаго барда на нашего поэта въ 20-хъ годахъ (см. книгу С. Трубачева „Пушкинъ въ русской критикѣ"). Самымъ характернымъ и сжатымъ является опредѣленно высказанное мнѣніе Анненкова о вліяніи Байрона на поэта.

Люди, говоритъ онъ, слѣдившіе вблизи за постепеннымъ освобожденіемъ природнаго генія въ Пушкинѣ, очень хорошо знаютъ, почему такъ охотно и съ такой радостью преклонился онъ предъ британскимъ поэтомъ. Байронъ былъ указателемъ пути, открывавшимъ ему весьма дальнюю дорогу и выведшимъ его изъ того французскаго направленія, подъ которымъ онъ находился въ первые годы своей дѣятельности. Разумѣется, все, что впослѣдствіи говорено было объ общей настроенности вѣка, о духѣ европейскихъ литературъ, имѣло свою долю истины; но ближайшая причина байроновскаго вліянія на Пушкина состояла въ томъ, что онъ одинъ могъ ему представить современный образецъ творчества. Понѣмецки Пушкинъ не читалъ, или читалъ тяжело; перевѣсъ оставался на сторонѣ британскаго лирика. У него почерпнулъ онъ уваженіе къ образамъ собственной фантазіи, на которые прежде смотрѣлъ легко и поверхностно, у него научился художественному труду и пониманію себя. Байронъ вложилъ могущественный инструментъ въ его руки: Пушкинъ извлекъ имъ впослѣдствіи изъ міра поэзіи образы, нисколько непохожіе на любимыя представленія учителя. (Матеріалы для біографіи Пушкина, стр. 101—102).

Открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ освѣжило интересъ русскаго общества къ поэту и дало возможность еще разъ поставить и пересмотрѣть вопросъ о байронизмѣ Пушкина. Достоевскій въ своей извѣстной рѣчи говорилъ, что „безъ сомнѣнія поэты Европы имѣли великое вліяніе на развитіе его генія, да и сохраняли вліяніе это во всю его жизнь. Тѣмъ не менѣе, даже самыя первыя поэмы Пушкина были не однимъ лишь подражаніемъ, такъ что и въ нихъ уже выражалась чрезвычайная самостоятельность его генія“. Дѣйствительно, намъ думается, что для рѣшенія этого вопроса надо заглянуть въ глубь, такъ сказать, поэтическаго творчества Пушкина. Это творчество не было пѣсней прекрасно умѣющей пѣть птицы, оно не было результатомъ какого то безсознательнаго вдохновенія... Самъ Пушкинъ писалъ, что вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и

объясненію оныхъ, но восторгъ исключаетъ спокойствіе, необходимое условіе прекраснаго... онъ не продолжителенъ, не постояненъ, слѣдовательно, не въ силахъ произвесть истинное, великое совершенство (Собр. Соч. V, 21). Для созданія истинно великаго нуженъ *постоянный трудъ*, и поэтическое творчество Пушкина было этимъ постояннымъ трудомъ.

Я зналъ и трудъ, и вдохновенье,
И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
Уединенное молчанье.

Другою чертою поэтическаго творчества Пушкина было то, что онъ въ поэзіи выражалъ все пережитое имъ въ жизни: онъ жилъ „погруженный въ заботы суетнаго свѣта", но видѣлъ и воспринималъ всю эту житейскую путаницу, переживалъ и какъ бы подвергалъ ее анализу въ душѣ своей и, послѣ долгаго и постояннаго труда, выражалъ эту жизнь, очищенную думой и чуткимъ нравственнымъ чувствомъ во вдохновенныхъ образахъ, полныхъ мысли и гармонической пластичности. Черта эта отмѣчена еще Анненковымъ въ такихъ словахъ: „вообще поэтическое творчество было у Пушкина какъ-бы поправкой волненій жизни. Оно сглаживало рѣзкія ея проявленія, смягчало и облагораживало все, что было въ нихъ случайно-грубаго, неправильнаго и жестокаго. По неизмѣнному закону отраженія творческаго произведенія на самомъ художникѣ, умѣрялся и въ послѣднемъ пылъ увлеченія и замолкали струны, которыя звучали бы безъ того тревожно и несогласно, можетъ быть, еще долгое время". Такое перевоплощеніе „житейскихъ волненій", думъ и чувствъ въ поэтическіе образы и такой постоянный творческій трудъ, какъ наиболѣе характерныя черты поэтическаго генія Пушкина, не могли дать и не дали поэту возможности подчиниться, стать *подражателемъ* какого бы то ни было европейскаго таланта; самыя особенности Пушкинскаго генія были залогомъ его поэтической самостоятельности и оригинальности. Такъ было и съ вліяніемъ Байрона на Пушкина. Но важна и другая сторона вопроса,—характеръ поэтическаго генія самого англійскаго поэта. Брандесъ сравниваетъ поэзію Байрона съ

водопадомъ, образовавшимъ цѣлый рядъ пѣнистыхъ и кипучихъ каскадовъ, огласившимъ окрестности гармоническимъ шумомъ, привлекшимъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Н. А. Котляревскій указываетъ, что успѣху поэзіи Байрона не мало способствовали какъ разъ ея недостатки: неопредѣленность ея настроеній и недосказанность ея міросозерцанія. Намекъ или неясно формулированная мысль, но выраженные красиво и образно, производятъ иногда сильное впечатлѣніе именно тѣмъ, что позволяютъ читателю приноровить ихъ къ себѣ, дополнить, видоизмѣнить ихъ посвоему, найти въ нихъ то, что хочется въ нихъ вычитать; и поэзія Байрона съ ея неустановившимися, иногда противорѣчивыми, точками зрѣнія на міръ и человѣка, съ ея таинственнымъ полумракомъ сердца и загадочностью психическихъ движеній, дѣйствительно, позволяла многимъ, очень многимъ людямъ предполагать въ душѣ поэта родственную себѣ душу (Міровая Скорбь, стр. 167—168). Такая особенность поэзіи европейскаго генія, да при томъ еще при полной свободѣ художественной формы, давала возможность поэтамъ и съ менѣе оригинальнымъ талантомъ и не съ тѣми коренными чертами поэтическаго творчества, какія отличаютъ геній Пушкина, увлекаться общимъ обликомъ, тономъ и смысломъ байроновскаго протеста, но не подчиняться ему, усваивать то, что подходило, казалось, къ своему я, но безъ ущерба для собственной самобытности. Указанія, приведенныя нами сейчасъ, опредѣляютъ границы байронизма Пушкина, зависѣвшія отъ склада поэтическаго таланта англійскаго и русскаго поэта, но знакомство Пушкина съ Байрономъ было важнымъ переходнымъ моментомъ въ жизни А. С.: тогда то вполнѣ началъ овладѣвать Пушкинымъ вопросъ, мучившій Байрона всю его жизнь, какъ онъ мучилъ Пушкина и его современниковъ, вопросъ „объ отношеніи личности къ обществу, о взаимныхъ обязательствахъ, существующихъ между ними, о соглашеніи индивидуальнаго начала съ общимъ, однимъ словомъ—вопросъ объ индивидуализмѣ въ его борьбѣ за гуманные принципы нашего вѣка“. И нельзя забывать значенія даннаго момента въ жизни Пушкина, какъ

нельзя забывать и той роли, какую сыграли въ исторіи этого момента Раевскіе, особенно Н. Раевскій, встрѣтившіеся съ Пушкинымъ въ Малороссіи.

VI.

Въ письмѣ къ Н. И. Гнѣдичу изъ Каменки отъ 4-го дек. 1820-го г. поэтъ пишетъ, что теперь находится въ Кіевской губ., въ деревнѣ Давыдовыхъ, „милыхъ и умныхъ отшельниковъ братьевъ генерала Раевскаго. Время мое протекаетъ, продолжаетъ онъ, между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь разсѣянное, было недавно—разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей, извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ (Собр. Соч. т. VII стр. 11). Объ этихъ таинственныхъ „демагогическихъ спорахъ“ мы узнаемъ изъ воспоминаній И. Д. Якушкина. Біографъ поэта говоритъ, что Пушкинъ въ Каменкѣ встрѣтился съ декабристомъ Якушкинымъ (февраль 1821-го г.), объѣзжавшимъ южный край съ цѣлью узнать мнѣнія членовъ бывшаго Союза Благоденствія и вообще мѣстныхъ либеральныхъ людей объ упраздненіи союза, и о взглядахъ ихъ относительно тайныхъ обществъ вообще. Якушкинъ разсказываетъ въ своихъ Запискахъ, что наканунѣ его отъѣзда изъ Каменки тамъ составлено было присутствующими нѣчто въ родѣ формальнаго совѣщанія, гдѣ обсуждался вопросъ: нужны, или нѣтъ тайныя общества въ Россіи? что Пушкинъ стоялъ за необходимость послѣднихъ; что при закрытіи совѣщанія, достаточно обнаружившаго мнѣнія его участниковъ, Пушкинъ, ожидавшій немедленнаго посвященія себя въ члены тайнаго общества, подошелъ къ нему, Якушкину, съ упрекомъ и сказалъ: „я никогда не былъ такъ несчастливъ, какъ въ эту минуту: я уже видѣлъ жизнь свою облагороженной, и все это оказалось злой шуткой“. Все это правдоподобно, хотя и можно сомнѣваться относительно точныхъ словъ Пушкина при этомъ случаѣ, которыя, заключая въ себѣ туже мысль, могли

быть и иныя; но дѣло въ томъ, что, произнося ихъ въ минуту воодушевленія и (прибавимъ отъ себя, надѣясь именно тогда войти членомъ въ тайныя общества), онъ такъ же мало былъ заговорщикомъ и отчаяннымъ радикаломъ, какъ мало былъ атеистомъ, создавая свои поэмы и эпиграммы въ воспаленномъ состояніи ума (Вѣстн. Евр. 1874 г. № 1, стр. 27).

Такимъ образомъ, мы знаемъ навѣрное, что членомъ Союза Благоденствія Пушкинъ не былъ, но сильно желалъ быть имъ. Однако, существуетъ мнѣніе, что декабристы—друзья поэта, оберегая его талантъ и не желая его подвергать опасности, уклонялись отъ фактическаго привлеченія Пушкина въ тайныя общества. Мнѣніе это намъ кажется вымышленнымъ и вполнѣ несостоятельнымъ. По справедливому замѣчанію проф. Кирпичникова, „скорѣе Пушкина считали для этого недостаточно серьезнымъ, неспособнымъ отдаться одной задачѣ". И дѣйствительно, политическіе дѣятели едва-ли когда-нибудь руководствуются подобными соображеніями „обереч", „не подвергать опасности" сильнаго, талантливаго, горячаго человѣка... Да и почему не оберегали тогда Рылѣева? Наконецъ, въ 1821, да и 22-мъ году *серьезной* опасности и не предвидѣлось еще для членовъ тайныхъ обществъ, и о 14 декабря и его послѣдствіяхъ не могло быть никакого представленія... Разставаясь съ Каменкой и пребываніемъ Пушкина въ Малороссіи, мы считаемъ необходимымъ привести извлеченіе изъ той части труда Анненкова, которая непосредственно относится къ интересующему насъ вопросу. „Деревня Каменка, пишетъ авторъ, держала Пушкина подъ своимъ вліяніемъ совсѣмъ не революціонной пропагандой, которой у нея никогда и не было, несмотря на то, что при образованіи тайнаго общества на югѣ (1823 г.) въ число его членовъ попали В. Л. Давыдовъ, князь С. Г. Волконскій, В. А. Поджіо,—люди, связанные близкимъ родствомъ между собою и хозяевами „деревни". Еще не опредѣлено доселѣ—насколько согласіе участвовать въ заговорѣ выходило у этихъ людей изъ твердаго политическаго убѣжденія, и насколько оно было дѣломъ случайности и довѣрчивости къ вербовщику, и даже фаль-

шиваго стыда передъ смѣлымъ ораторомъ. Ни тогда, ни позднѣе Каменка не отличалась твердымъ служеніемъ какой-либо политической идеѣ или яснымъ пониманіемъ и преслѣдованіемъ какой-либо цѣли и задачи пропагандаго свойства. Она подчиняла себѣ Пушкина совсѣмъ не общественной или революціонной стороной своей дѣятельности, а тономъ своихъ сужденій о лицахъ и предметахъ, образомъ мышленія, въ ней господствовавшимъ, способомъ относиться къ явленіямъ жизни и духовному міру человѣка, ею усвоеннымъ. Ни передъ кѣмъ такъ не хотѣлось Пушкину блеснуть либерализмомъ, свободой отъ предразсудковъ, смѣлостью выраженія и сужденія, какъ передъ друзьями, оставленными въ Каменкѣ".

Мы говорили о послѣднемъ времени пребыванія Пушкина въ Малороссіи. Въ іюлѣ 1823 года изъ Кишинева Пушкина, по его же просьбѣ, перевели въ Одессу и зачислили въ штатъ намѣстника Новороссійскаго края гр. М. С. Воронцова. Немного больше года провелъ поэтъ въ Одессѣ. Отношенія съ намѣстникомъ у него установились самыя натянутыя: гр. Воронцовъ хотѣлъ видѣть въ немъ чиновника, Пушкинъ осыпалъ его эпиграммами. Извѣстенъ разсказъ Липранди о командировкѣ поэта въ край по дѣлу о нашествіи саранчи; такое порученіе Пушкинъ счелъ за обиду, принялъ его какъ месть за эпиграммы и написалъ намѣстнику письмо „въ сильныхъ и неумѣстныхъ выраженіяхъ", а затѣмъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. На канцелярскомъ же дѣлѣ изобразилъ эпиграмму:

Саранча, летѣла, летѣла,
И сѣла. . .
Сидѣла, сидѣла—все съѣла
И вновь улетѣла. . .

Но онъ не получилъ ни отставки, ни даже перевода. Въ это время вскрыли письмо Пушкина, въ которомъ онъ писалъ неизвѣстному адресату: «Ты хочешъ узнать, что я дѣлаю? Пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго аѳеизма. Здѣсь англичанинъ, глухой философъ, единственный умный аѳей, котораго я еще не встрѣчалъ. Онъ исписалъ лис-

товъ тысячу, что бъ доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent créateur et régulateur, мимоходомъ уничтожая слабые доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но къ несчастію болѣе всего правдоподобная». (Собр. Соч. VII, 74).

Судьба поэта была рѣшена,—вмѣсто отвѣтовъ на его просьбы его сослали въ с. Михайловское, Псковской губ., подъ надзоръ родителей, а потомъ губернатора Паулуччи. Пушкинъ долженъ былъ немедля отправляться въ ссылку подъ родной кровъ, не заѣзжая по дорогѣ никуда; онъ выѣхалъ 30 іюля изъ Одессы, и минуя Кіевъ и всѣ города, спѣшно прибылъ 9-го августа къ мѣсту назначенія. И потянулась тяжелая жизнь поднадзорнаго человѣка... Нужно читать письма и записки Пушкина, относящіяся къ тому времени, чтобы понять, какъ нелегко жилось въ тѣ годы поэту. И тогда тамъ, въ Михайловскомъ, постепенно совершался въ его душѣ переворотъ, временами доводившій его до выпрашиваній и униженій,—но разсмотрѣніе этого періода въ жизни поэта выходитъ уже за рамки поставленной нами задачи.

Передъ нами проходятъ вереницей всѣ событія жизни поэта: коронація Николая I-го и прощеніе; гр. Бенкендорфъ и новая цензура; женитьба и камеръ-юнкерство, наконецъ роковая дуэль и послѣ того все увеличивающаяся слава, все усиливающееся преклоненіе передъ геніемъ поэта. Любопытно, что по фактамъ, напечатаннымъ недавно г. Панкратьевымъ, и заслуга освобожденія Пушкина отъ полицейскаго надзора принадлежитъ шефу жандармовъ Мезенцову, несмотря на то, что этотъ послѣдній занималъ должность шефа въ семидесятыхъ годахъ, а Пушкинъ—какъ всякому извѣстно,—умеръ въ 1837 году. Назначенный шефомъ Мезенцовъ проявилъ большую энергію и потребовалъ себѣ всѣ списки поднадзорныхъ, въ числѣ которыхъ значился титулярный совѣтникъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Велѣли канцеляріи навести справку: какой такой титулярный совѣтникъ? Оказалось, тотъ самый, который стихи писалъ, но о пожалованіи котораго въ камеръ-юнкеры канцелярія

не получила своевременно надлежащаго увѣдомленія; вслѣдствіе этого, по смерти означеннаго камеръ-юнкера, она естественно встрѣтила препятствія къ отождествленію личности умершаго съ поднадзорнымъ титулярнымъ совѣтникомъ. Вслѣдъ за симъ послѣдовало распоряженіе объ исключеніи Пушкина изъ упомянутаго списка".

А въ это время величайшему русскому поэту доканчивали сооруженіе памятника въ Москвѣ.

Игн. Житецкій.

СПБ. 26 апрѣля 1899 г.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Малорусскіе переводы стихотвореній Пушкина. Малорусскіе переводы стиховъ Пушкина стали появляться въ журналахъ съ 30-хъ годовъ, причемъ переведенная Гребенкою *Полтава* была напечатана нѣсколько разъ. Перечень извѣстныхъ намъ переводовъ помѣщаемъ здѣсь.

1. *Два ворона*. Вѣстн. Европы, 1830 г.

2. *Полтава*: а) въ отрывочномъ пересказѣ А. Ш. (Шпигоцкаго), Украинск. Альман. 1831 г.; б) переложеніе Е. Гребенки, Моск. Телегр., 1831 г., ч. 41, № 17, стр. 28—129, и в) полный переводъ, отдѣльн. брошюр. Спб. 1836. 12 д. л., 64 стр. Перепечатка въ Собр. сочин. Гребенки 1862 г., т. V,317—360 и въ львовск. «Правдѣ» 1874 г.

3. *Буря мглою небо кроетъ* подъ заглавіемъ *Зимній вечиръ*, переводъ Л. Боровиковскаго, «Ластовка», альман. изд. Гребенки, Спб. 1841 г. Перепечатанъ въ львовск. «Зорѣ» 1893 г.. Въ переводѣ Боровиковскаго же явились, по сообщенію г. Драганова (Спб. Вѣдом. 1899 г., № 57) *Цыгане*, *Поэтъ* и *Пророкъ*.

Въ львовскихъ журналахъ и сборникахъ напечатаны слѣдующіе переводы:

1. *Ты и Вы* и *Птичка* въ переводѣ П*, «Нива», 1865 г.

2. *Зимній вечеръ*, *Козакъ* и *Утопленникъ* въ переводѣ Гетьманца (М. П. Старицкаго), «Правда», 1868 г.

4. *Шотландская баллада* и *Русалка* въ переводѣ Франка, «Баллады и Разсказы», 1876 г.

5. *Моцартъ и Сальери*, переводъ Мик. Вороного, «Зоря» 1895 г.

Кромѣ того, Павло Грабъ печаталъ переводы съ Пушкина въ своихъ сборникахъ «Зъ чужого поля» и «Доля».

Кіевъ въ сороковыхъ годахъ. Со второго нумера текущаго года начали помѣщаться въ «Русскомъ Архивѣ» интересныя для кіевлянъ «воспоминанія» покойнаго директора Острожской семинаріи Н. Д. Богатинова. Богатиновъ—уроженецъ г. Кіева, воспитывался послѣдовательно въ Кіево-Подольскомъ дворянскомъ училищѣ, губернской (нынѣ 1-ой) гимназіи и университетѣ св. Владиміра. Воспоминанія его проникнуты религіознымъ настроеніемъ, которое съ дѣтства развилось въ душѣ ихъ автора. Отмѣтимъ нѣкоторые сообщаемые Богатиновымъ факты, какъ интересные для читателей «Кіевской Старины».

Въ 1845 году Подолъ сильно пострадалъ отъ небывалаго разлива р. Днѣпра. «Наводненіе захватило собою не только ближайшія къ берегу мѣстности, но и отдаленныя, смотря по уровню поверхности. Вся береговая полоса была залита; церковь св. Иліи пророка, въ ожиданіи разлива, была «замурована», т. е. всѣ двери заложены каменною кладкою, и дѣйствительно была затоплена; духовное училище тоже. Вода была въ нѣсколькихъ саженяхъ, 4-хъ, 5-ти не болѣе, и отъ нашей квартиры (около Борисоглѣбской церкви); уже была впереди тротуаровъ насыпь изъ навоза; еще бы продлилось наводненіе день, другой, и мы тоже не избѣгли бы участи разоренія и бѣдствія. Наводненіе началось съ первыхъ дней Св. Пасхи. Пока вода не выходила изъ береговъ, я выходилъ смотрѣть на разъяренную рѣку, казавшуюся уже не рѣкою, а большимъ озеромъ до самаго горизонта; свирѣпыя волны, приходилось видѣть, несли бурливо не одну избу, не одинъ непрочно поставленный городской домъ; только крыша колыхалась подъ ударами бушующихъ волнъ. Когда наводненіе кончилось, по распоряженію власти, во всѣхъ частяхъ города, на всѣхъ домахъ, церквахъ, зданіяхъ, охваченныхъ водою, проведены были масляною черною краскою линіи съ надписью «1845 годъ». (Стр. 422—23).

Въ сороковыхъ годахъ надъ Печерскомъ разразился страшный пожаръ (авторъ не помнитъ, въ какомъ именно году). «Пожаръ этотъ точно нарочно пришелся къ тому времени, какъ Печерскъ весь почти предназначенъ былъ къ сломкѣ подъ крѣпость, и почти одновременно съ пожаромъ шла страшная ломка, преобразившая значительную часть верхняго города. Тамъ, впереди зданія минераль-

ныхъ водъ (теперь императорскій дворецъ) расположенъ былъ обширный плацъ, со всѣхъ сторонъ обсаженный тополями, но не огороженный; за нимъ немедленно возвышалось большое 3-хъ этажное зданіе «присутственныхъ мѣстъ», и тутъ же начиналась Житная, съ 2-мя рядами домовъ, улица, ведшая къ Лаврѣ. Между тѣмъ по плану крѣпости здѣсь должны были быть воздвигнуты крѣпостныя укрѣпленія съ воротами, и все это черезъ годъ исчезло: присутственныя мѣста разобраны, дома снесены, и тутъ-то и случился страшный пожаръ, облегчившій очищеніе мѣста». (Стр. 423).

...«На моихъ же глазахъ пробивалась улица Владимірская, черезъ холмы, окружавшіе городъ и, быть можетъ, исполнявшіе въ то время назначеніе крѣпостныхъ валовъ, черезъ развалины храма св. Ирины, которыя я видалъ еще во всей ихъ обширности: черезъ нихъ приходилось пробираться, когда мы, ученики Дворянскаго училища, ходили 22-го іюня на торжественный актъ въ университетъ, общій для всѣхъ учебныхъ заведеній и гимназій Кіева. Шли мы туда въ строгомъ порядкѣ отъ самаго училища, въ парахъ, и мимо «Золотыхъ воротъ»; другой дороги не было. Тотчасъ за Золотыми воротами дорога спускалась среди валовъ на поляну, совершенно свободную, на поле настоящее, и такъ полемъ доходили мы до университета, проходя мимо подлѣ какихъ-то военныхъ или интендантскихъ сараевъ-магазиновъ. Ничего на этомъ просторѣ еще не было: ни гимназіи, ни Левашовскаго института. Особнякомъ среди раздолья величаво высился и раскидывался во всѣ стороны университетъ, а впереди него взрытое буграми и ложбинами поле, гдѣ, кажется, саперы тоже не мало поработали, производя свои упражненія «за городомъ». (Стр. 424).

...«Еще не забыть, что около этого же самаго времени шло сооруженіе Цѣпного моста черезъ Днѣпръ; что центръ торговли переносился съ Печерска, разрушеннаго и опустошеннаго, гдѣ Московская улица въ свое время была главною улицею въ городѣ, сосредоточивавшею всю лучшую торговлю вмѣстѣ съ лавками Восточной Сибири, гдѣ тоже были въ то время лучшія лавки въ городѣ, братьевъ Литовыхъ, а все это городское движеніе и торговля тогда-же уже направлялись къ новому торговому руслу—Крещатицкой долинѣ, которая съ того времени и стала обстраиваться, скоро мѣняла свою первобытную простоту, свою тихую жизнь». (Стр. 424—25).

Авторъ вспоминаетъ объ учителяхъ Кіево-Подольскаго дворянскаго училища.

...«Учителемъ исторіи и географіи былъ Кулишъ, знаменитый впослѣдствіи малорусскій писатель. О немъ помню только, что въ комнатѣ, гдѣ онъ жилъ, на стѣнѣ нарисованы были тушевальнымъ карандашемъ большія человѣческія фигуры. Помню и потому, что лучшимъ ученикамъ онъ дарилъ картинки, и я очень добивался чести получить тоже картинку, но получить, кажется, не удалось. Вскорѣ онъ оставилъ училище». (Стр. 429).

Одинъ знакомый студентъ академіи, нѣкто Ковалевскій, пригласилъ автора къ себѣ въ нумеръ, на 3-мъ этажѣ. «Тогда студенты жили человѣкъ по шести въ нумерѣ, гдѣ между ними жилъ и «старшій», студентъ перваго курса. Старшимъ въ томъ нумерѣ былъ первый студентъ *Рудневъ,* нынѣ митрополитъ кіевскій Іоаннцкій. Тутъ студенты и спали, и жили, и занимались». (Стр. 661).

...«Нынѣшній митрополитъ кіевскій *Іоанникій* тоже въ эту пору былъ постриженъ непосредственно по окончаніи курса академіи и оставленъ при ней же, какъ первый студентъ, баккалавромъ; но постриженіе его происходило въ пещерахъ, въ Лаврѣ, какъ и постриженіе еще двухъ хорошихъ моихъ знакомыхъ студентовъ *Петрова* съ именемъ Владиміра и серба, кажется, *Милоя* съ именемъ Михаила, по назначенію отъ митрополита Филарета, въ память первыхъ дѣятелей христіанскаго просвѣщенія въ Россіи: равноапостольнаго Владиміра и перваго митрополита кіевскаго Михаила... Второй — знаменитый митрополитъ сербскій Михаилъ»... (Стр. 668—69).

Два письма А. В. Марковича: къ Т. Г. Шевченку и П. А. Кулишу. (*Къ литературной исторіи «Народныхъ Оповиданъ» Марка Вовчка*) [1].

1. Велыкоповажный и дуже добрый пане батьку нашъ, Тарасъ Грыгоровычъ. Закохалысь вы въ простому та щырому пысанню дружыны моеи, та еже таку ій ласку показуете, що не треба й батька

---

[1]) Съ подлинниковъ, сохранившихся въ бумагахъ Д. С. Каменецкаго. См. Кіев. Ст., апрѣль с. г., стр. 14.

ридного. Да хто его й знае—якый лучче цикавишь подарокъ—дару: чы золотый *наручныкъ*—громадську за прыводомъ вашымъ даровызну [1]),—велыка чисть, немае бильшои!—чы вашъ власный *сонъ*, що й громади не треба кращого,—колы бъ, Богъ давъ, справдывся! А що вже я, то луччого не бачывъ, не чувъ—и не хочу!

Мы будемо слаты Вовчкови (свого йменя вона не хоче) повисткы пану Данылу Каменецькому, яко вже й почалы *Лыхомъ*, а на тымъ тыжневи, якъ Богъ благословыть, пошлемо *Панночку*, або й дви *Паночкы*. Думка, черезъ увесь октябръ и ноябръ, колы будемъ жыви, пересылать вамъ Вовчковы *оповидання*; а въ декабри самы прыихать до васъ, щобъ розгледить васъ вичь на вичь, подяковать за зрбблене и порадыться за себе надали.

За гроши вы радыте вирямъ, якъ ридный батько. Нехай васъ Богъ на довгый викъ поздоровыть и пощастыть! Мы вамъ полыцяемо нами побидкаться на столыци: кому хотя и за що хотя спродовать и выдавать новеньке й старе. А Каменецького, сёго щирого чоловика и нашого давнёго прыятеля, покладаемо вамъ певнымъ у всему пидпомошныкомъ. Черезъ нёго вже я прохавъ васъ переглядить роботы Вовчкови и до кращчого путтяя доводыть. Прошу оце й самихъ васъ объ тому жъ; одынъ розумъ, каже, добре, а два лучче.

Козачкы, *Панськои Воли* и *Одарки* Р. В. (Русск. Вѣстн.) не надрюковавъ переводу; такая прытыка одбыва Вовчка зовсимъ одъ переводивъ: шкода праци кривавои и часу дорогого. Хиба вже тоди, якъ побачымось, усовитуете, що певне по часть переводивъ. А тымъ часомъ, чи не пропустывъ бы Фонъ-Крузе Кулишеве выдание (грихъ сказаты дуже—добрее) *Оповиданій* другымъ выданнемъ и руський ихъ переводъ—изъ тымы трома, що не пустывъ у *Руськый Висныкъ*. Може бъ таки дви кныжечкы хутче збылы копийку для насъ—щобъ намъ *змогтысь* зъ Немирова поволоктысь на Риздвяни святкы,--хто жывъ дожде. Для Вовчка бъ добре свита и людей побачыть, дуже бъ добре! Прекладаю тутъ же на ваши очи, що *Рус. Вис.* вынемъ намъ за 4 лысты печатныхъ: объ цини винъ пытався, а мы ддалы на его долю,—да й замовкъ Да Оболонськый [2]) вынемъ за *Надежу*, одисланую ему вже тыжнивъ колы бъ не три буде, тожъ зъ покла-

---

[1]) Автору „Оповиданъ“ былъ поднесенъ отъ тогдашней петербургской громады золотой браслетъ. *Ред.*

[2]) Издатель народнаго чтенія.

даннемъ платы на его волю. Да Каменецькый хвалывсь, що крימъ 100 экз. и 100 карб. перше намъ засланыхъ, ще зибъется карб. зъ «100» на нашу долю (65 карб. даны Кулишемъ ище до друку).

Щырозычлывый вамъ Опанасъ Марковычъ.

Колы вдастця выданне уповни переводныхъ повистокъ, та й настоящихъ—малороссійскихъ,—друге выданне, то чы не назвать бы *Паньскои воли—Горпыною*, а *Знай Ляше—Отцемъ Андріемъ*, зъ справненнемъ останнихъ строчокъ двохъ. Будьте ласкавы, *одпысуйте* коженъ разъ, якъ одберете кожну повистку, або намовляйте Каменецького одпысувать.

2. Найлюбишій зъ людей Пантелій Олександровычъ! Дай Боже вамъ здоровья, що коло «Панночкы» потрудылыся. Не дывуйтеся, що я попропускавъ сомивъ: мыни, зблызька, дуже трудно розглядить ихъ; а ще якъ бы не я, то, може бъ ихъ и въ заводи не було..... Я все правлю сили й розвыванни! А за те, щобъ авторъ не запнувся объ велыки хвалы, не турбуйтеся! Чы вы поймете виры, що нема чоловика меншъ довольного *Панночкою* якъ самъ М. В. Винъ іи не хотивъ и посылать; [1]) а якъ вичній Тарасъ захвалывъ іи красы, то пытавсь у мене: що имъ такъ до души прыпали тая *Панночка?* Про эпизоды наважывъ я, щобъ ихъ зоставаты, не выкыдать. Мыни жалко було жывои, хоть и душнои картыны литнеи спекы, сильского нашого побыту; не разъ я бачывъ самъ, якъ пидъ кирмигою паньскою та спека варыла людей похылыхъ, замученыхъ,—на гиршее свое лышенько перезимовалыхъ; оттакъ, я думавъ, благодати-тепла дожыдалысь неборакы! И нихто, якъ диты!... Показувалося мени, що така картына лучче всвитыть панночине господарство хвалене...

Про похвалкы Назара у мандривку та й сыдиння про те при панахъ, черезъ що й повисть выходыла на описанне—я прокыдався своимъ словомъ; та мене подолала думка на се Назарова, що: «куды мандровать? усюды ривно, всюды добре!» Про: «тило мое хыре и души Богъ зміцняе» говоривъ мыни Дорошенко [2]), да мы побоялыся

---

[1]) Да я намигся и остався при своій думци, що кращого ще не выходыло зъ сего пера ничого.

[2]) Илья Петровичъ Дорошенко тогдашній учитель (математики) немировской гимназіи, а позже, въ 60-хъ годахъ, инспекторъ черниговской гимназіи—считался знатокомъ малорусскаго языка и быта и тоже былъ, говорятъ, однимъ изъ совѣтниковъ Марка Вовчка при оцѣнкѣ и поправкахъ его малорусскихъ разсказовъ. *Ред.*

сказать авторови, бачучы, якъ винъ и безъ того не ввиря на свою сылу. Отъ тилько до туживня Ганнынного, мовлялы, безъ прычыны, мыни здается вы не прыдывылысь. Се ей душа чула—матерына, удовына—що на ей дытынци лыхо окошится. И «недавно вырвалася я одъ такои» не можна сказать, бо имъ пры паныческы дуже добре було: «и на паныча не походывъ!» тогди той ликаръ и «персни блыскотилы тогди въ Ганны на руци ще незамученній». Одъиздъ Усти зъ чоловикомъ, правда не, такый бувъ, якъ треба и панови ликы тежъ... про се а такожъ про «ризкы» и слабшый стрій на кинци проти початку—я що мавъ казать, хоть и добре бачывъ? Додавать, я додамъ скилько снаги моеи, абы прыймавъ авторъ, а справныть не сыла моя й не смилысть моя! особлыво въ повисти, которою дуже вередовавъ и поневирявъ самъ авторъ. Ище слово про Назара: до жарты жъ—здавленая сыла—хиба на ёму не слидъ паньскои кормыгы? Ище разъ—дякую вамъ зъ усіи душы и зо всёго серця за прогладъ щырый *Панночкы*. Щобъ не було мыни стыдно я вамъ правда (правду?) скажу, що знавъ, що вона не мыне вашыхъ золотыхъ рукъ. Якъ бы жъ не такъ выйшло, то дуже бъ и довго жалковавъ на себе що пильнише не походывъ самъ коло ей. Мала сыла моя, а щырости до чыстоты нашого дила, буде зъ мене понесты хоть и на той свитъ. Отъ тымъ то я бъ хотивъ пожыть коло боку вашого: багацько бъ де чого пизнавъ невидомого мени, а колы й самъ бы до ладу що зробывъ, або хочъ сказавъ—не по сыли моей, а по щырости. Чы вывелы що своеи *Хаты*?... [1]) Якъ вы уподобалы *Мотрю* и *Ворошка козака*? Ще можна (до 15 дек.) буде одибрать одъ васъ озовъ; а 15-го, якъ жыви будемо, рушымъ. Вашъ душею Опанасъ Марковичъ. Чы не моглы бы вы зробыть велыку ласку: *переглядить* выпысуемый одъ Руського Висныка Курочкинымъ для «Искры» переводъ *Козачкы*, *Одаркы* и *Горпыны*? *у Ковачици* въ середыни строчкы зъ дви промахнулыся—пропустылы зовсимъ.—Отъ, колы бъ вамъ Господь помигъ прыбрать до рукъ стихи вичнего Тараса—булы-бъ и воны вични. Якъ бы я нахопывсь подъихаты передъ ихъ друкомъ, абъ вамъ бувъ для сего у велыкий помочи! Вашъ зъ шкурой й нигтями Опанасъ.

Не подумайте чого про те, що М. А. не пыше вамъ зъ сію поштою: не здужа! Тымъ часомъ щыро васъ дякуе за поправку.

Р. Б. 1858. Листопаду 13 дня. М. Немиривъ.

---

[1]) Сборникъ изданный Кулишемъ. *Ред.*

Памяти П. И. Калнышевскаго. По уничтоженіи Запорожской Сѣчи, послѣдній кошевой атаманъ Петръ Ивановичъ Калнышевскій въ 1776 г, былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь. 25 лѣтъ онъ провелъ въ тяжеломъ тюремномъ заточеніи и въ 1801 г., по высочайшему повелѣнію, освобожденъ, но, по глубокой старости, онъ уже не могъ воспользоваться своей свободой, остался въ монастырѣ, доживать послѣдніе свои дни и скончался въ 1803 г. 112 лѣтъ отъ роду. Калнышевскій былъ похороненъ съ правой стороны собора у самой стѣны рядомъ съ могилой знаменитаго дѣятеля смутнаго времени Авраміа Палицына. Въ 1856 г. на могилѣ Калнышевскаго поставлена была надгробная плита съ соотвѣтствующей надписью, по усердію архимандрита Солов. монастыря Александра по фамиліи Павло́вича, по происхожденію малороссіянина, впослѣдствіи полтавскаго владыки. Это была дань украинца, проникшаго въ далекую сѣверную обитель по волѣ, несчастному земляку, попавшему въ ту же обитель по тяжкой неволѣ.

Въ 1887 г. извѣстный изслѣдователь запорожской старины Д. И. Эварницкій посѣтилъ Соловки съ спеціальной цѣлью собрать мѣстные архивные матеріалы о Калнышевскомъ и свои интересныя наблюденія изложилъ въ статьѣ «Въ поискахъ за архивными документами», вошедшей въ составъ послѣдняго прекраснаго его полубеллетристическаго труда.—«По слѣдамъ запорожцевъ». Недавно въ «Новомъ Времени» г. Навроцкій съ грустью разсказалъ, въ какомъ жалкомъ видѣ находятся могилы Палицына и Калнышевскаго. Съ наибольшой подробностью онъ останавливается на историческихъ воспоминаніяхъ о Палицынѣ, могила котораго находится въ страшно запущенномъ состояніи: «невысокая, растрескавшаяся, вросшая въ землю плита, на которой уже съ трудомъ разбирается надпись. Ни рѣшетки, ни ограды. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, разсыпется плита, заростетъ могила и тогда ее легко будетъ смѣшать съ другою, находящеюся рядомъ и тоже заброшенною могилою послѣдняго кошевого атамана Запорожской Сѣчи Калнышевскаго, сосланнаго на смиреніе въ 1776».

Справедливыя сѣтованія г. Навроцкаго, по всей вѣроятности, обратятъ на себя вниманіе обществъ историческихъ и археологическихъ и приведутъ къ исправленію этихъ заброшенныхъ историческихъ памятниковъ, причемъ, можно думать, южнорусскія историческія общества пріймутъ на себя хлопоты и труды по части исправленія памятника Калнышевскаго.

Проф. Н. Ф. Сумцовъ.

Могила П. А. Кулиша. Въ газетѣ «Южный Край» (наст. г., 25 марта, № 6261) [1]) г. М. Лободовскій разсказывая о своемъ посѣщеніи, лѣтомъ 1898 г., могилы П. А. Кулиша, описываетъ сначала хуторъ подъ с. Оленовкою, въ которомъ жилъ и умеръ К—шъ, а далѣе говоритъ: «Я попросилъ указать мнѣ мѣсто вѣчнаго покоя хозяина хутора. Домъ выходитъ одной стѣной въ садъ, а въ ней дверь, черезъ которую я вышелъ на рундукъ, родъ балкона, передъ которымъ небольшой цвѣтникъ, а отъ него вьется дорожка вглубь сада; пройдя по ней саженъ пятьдесятъ, я увидѣлъ стройную круглую колоннаду высокихъ деревьевъ вокругъ небольшой поляны и направо сбоку громадный деревянный коричневый крестъ, поставленный вскорѣ послѣ погребенія; на полянѣ высокая могила, усаженная цвѣтами, окружена желѣзной рѣшеткой, о-бокъ могилы—чугунный коричневый довольно большой крестъ съ мѣдной доской на немъ, на которой вырѣзано имя и фамилія покойника, годъ рожденія и смерти. Заканчивается надпись текстами изъ Библіи: *«Послеши Духа Твоего и созиждутся, и обновиши лице земли»* (Псал. 103). *«Блаженъ мужъ, иже въ премудрости умретъ и иже въ разумѣ поучается святыни. Не отыдетъ память его и имя его поживетъ въ роды-родовъ»* (кн. Спраха 14, 21—39, 12»).

Къ исторіи „Основы." При посѣщеніи хутора Кулиша въ 1898 г. (см. выше), г. М. Лободовскій встрѣтилъ тамъ недавно умершаго В. М. Бѣлозерскаго и, разсказывая о своемъ съ нимъ знакомствѣ, говоритъ: «Между прочимъ, я спросилъ В. М., почему прекратилъ свое существованіе, просуществовавъ такъ не долго, журналъ «Основа». На мой вопросъ В. М. отвѣтилъ, что програмна журнала не соотвѣтствовала уже времени,—что онъ подалъ тогдашнему министру Валуеву для утвержденія новую программу, но г. Валуевъ не утвердилъ ея, а *я*, сказалъ В—ій М—чъ,— не хотѣлъ издавать по прежней програмѣ... Министру Валуеву я очень не нравился почему-то...»—Приведенное указаніе В. М. Бѣлозерскаго на причину недолгаго существованія журнала «Основы» требуетъ значительныхъ поправокъ; они когда-то и явятся, когда будетъ написана исторія «Основы»,

---

[1]) „На могилѣ П. А. Кулиша".

судьба которой, какъ сказали мы недавно, «тѣсно была связана съ личнымъ характеромъ ея редактора» [1]). Теперь можемъ сказать, что послѣднія двѣ книжки «Основы» за 1862 г. не были выпущены только по причинѣ плохого хозяйства въ журналѣ...

Украинскіе козаки при осадѣ Дюнкирхена, въ 1646 году

Въ засѣданіи И. общества любителей древней письменности, бывшемъ 26 марта, А. В. Половцевъ сдѣлалъ сообщеніе о «Пребываніи козаковъ во Франціи въ 1646 году». У Костомарова («Богданъ Хмѣльницкій») говорится, безъ указанія источниковъ, что во Францію было отправлено 2,400 казаковъ; съ цѣлью провѣрки этого извѣстія, референтъ произвелъ розысканія въ архивахъ Дюнкирхена, Парижа, Брюсселя и Шантильи. Въ послѣднемъ мѣстѣ, въ бумагахъ маршала Кондэ, референту удалось найти большую переписку Мазарини съ Кондэ, касающуюся осады Дюнкирхена, и здѣсь, между прочимъ, много говорится объ участіи въ этой осадѣ козаковъ, невѣрно называемыхъ всюду поляками. Козаки эти были присланы польскимъ королемъ Владиславомъ по просьбѣ герцога Мазарини, и путь свой во Францію они совершили моремъ, спустившись изъ Варшавы по Вислѣ до Данцига. Изъ найденной переписки ясно видно, что козаки были приглашены за деньги и принимали весьма дѣятельное участіе въ осадѣ, хотя Мазарини первоначально и опасался, что они, привыкшіе дѣйствовать въ открытомъ полѣ, будутъ непригодны при осадѣ крѣпости. Сколько было козаковъ ни изъ писемъ, ни изъ современныхъ осадѣ сочиненій не видно, но можно предполагать, что ихъ было до 2,000; не видно также, какъ и когда вернулись они на родину; но въ письмѣ Мазарини къ Кондэ отъ 1 ноября 1646 года говорится, что козаки бросаютъ французскую армію, что часть ихъ даже перешла къ непріятелю и что отъ нихъ необходимо избавиться. Можно сдѣлать лишь предположеніе, что на сторону испанцевъ козаки перешли потому, что французское правительство неисправно платило имъ жалованье; такъ, напр. сейчасъ же послѣ пріѣзда своего во Францію, козаки, остановившіеся въ Килѣ, отказались идти далѣе,

---

[1]) Кіевск. Стар. наст. г., мартъ, II, 143.

требуя денегъ, которыя имъ были обѣщаны по договору. Требованіе козаковъ было, правда, удовлетворено, но если французское правительство было не совсѣмъ исправно тогда, когда оно нуждалось въ помощи козаковъ, то, само собой разумѣется, оно задерживало уплату денегъ послѣ паденія Дюнкирхена, когда миновала надобность въ козакахъ. (Спб. Вѣд. 1899 г., № 84).

Сотничій произволъ. (*Документъ 1751 г.*) Печатаемое здѣсь письмо лубенскаго полковника къ его подначальному городисскому сотнику Филиппу Петровскому представляетъ одинъ изъ множества примѣровъ того безправія, которое царило въ это время среди старшины, какъ высшей, такъ и низшей. Лубенскій полковникъ Павелъ Апостолъ представлялъ между нею рѣдкое исключеніе. [1])

А. Л.

«Мой велце зичливій приятелю, мосцѣ пане сотникъ городисскій. Племенникъ вашъ Григорій Петровскій подалъ мнѣ прошеніе, въ которомъ между протчіимъ представилъ, что вы россердясь за подачу нимъ з другимъ братомъ его, въ полковую лубенскую канцелярию, на васъ, за неравномѣрное дѣдовского ихъ движимого и недвижимого імущества распредѣленіе, челобитя, и мстясь на немъ за то, въ повелѣнный нынѣшній походъ сами собою оного наряжаете, то яко показанный племенникъ вашъ в козачую службу не опредѣленъ и в компутѣ козачомъ не состоитъ написанъ, такъ вамъ оного и в походъ наражать весма не надлежиъ и неприлично, для того, что онъ подъ вѣдомствомъ полковой лубенской канцеляріи находится и въ числѣ значковыхъ товарищей, а не рядовыхъ козаковъ войсковую отправлять службу долженъ. Въ протчемъ остаюсь вашмости зичливый пріятель *и слуга П. Апостолъ*» [2]).

1751 году, генвара 13 д. Зъ Хомутца.

Надпись. Моему велце зичливому приятелевѣ его милости пану Филипу Петровскому, сотниковѣ городискому. *Съ подлинника.*

---

[1]) См. Чтенія въ ист. общ. Нестора лѣтописца, кн. XI, отд. I, стр. 65.

[2]) Напечатанныя курсивомъ слова писаны собственноручно.

Денежныя и натуральныя повинности въ пользу гетмана, въ к. XVII в. Въ библіотекѣ *Коллегіи Павла Галагана* хранится чрезвычайно интересная рукопись, подъ именемъ *Книги протоколовъ Пирятинской сотни*. Рукопись заключаетъ въ себѣ различнаго рода записи к. XVII и нач. XVIII в., но преимущественно ратушныя судебныя постановленія. Тутъ-же находятся замѣтки сотнянъ о своемъ общественномъ хозяйствѣ, при чемъ по историческому интересу особое обращаютъ на себя вниманіе записи к. XVII в. о тѣхъ денежныхъ и натуральныхъ со всего населенія повинностяхъ, которыя, какъ видно, издавна были установлены въ пользу гетмана и отчасти приближенной его старшины. Этого рода *повинности* совсѣмъ еще не обслѣдованы и мы приводимъ здѣсь три ихъ записи въ видѣ сырого матеріала, желая вызвать обнародованіе другихъ подобныхъ свѣдѣній, съ помощью которыхъ можно будетъ хотя нѣсколько познакомиться съ исторіей этихъ повинностей.

1. Року 1691. На потомніе часи записано. Ралцевыхъ [1]) грошей з города Пиратина и всего повѣта виетачаютъ ясневелможному пану гетману отъ сотника: талярей 10 битыхъ и монетъ золотыхъ 20. Отъ войта: талярей 2 битыхъ и монетъ золотихъ 4. Всѣхъ грошей ралцевыхъ з сотнѣ Пиратинской мѣетъ виетачатися талярей 20.

—

2. Року 1691. Реестръ много з якого города полку нашего Лубенского яловицъ и барановъ в стацѣю пана гетмана маетъ давати. З Лубенъ, яловицъ 13, а барановъ 41.—З Лукомя, яловицъ 4, а барановъ 13.—З Пирятина, яловицъ 5, а барановъ 13.—З Чорнухъ, яловицъ 11, а барановъ 31.—З Сенчи, яловицъ 3, а барановъ 8.—З Лохвицѣ, яловицъ 11, а барановъ 36.—З Глинска, яловицъ 5, а барановъ 18.—З Ромна, яловицъ 13, а барановъ 41.

—

3. Реестръ мнѣ для памяти Тимофѣю Куриленку, атаману городовому Перятинскому, ижъ будучи мнѣ въ Батуринѣ з полчанами своими, з усѣхъ городовъ, кромѣ Смѣловцовъ, Городищанъ и Чигриндубровцовъ, отдаючи поруковичное, много, много зложили суми червоними и битими талярами, въ року 1694, мця іюнія дня 12. А од сотця зол. по два червонихъ раховано [2]).

---

[1]) О „ральцѣ“ см. Кіевск. Стар. 1885 г., № 10, стр. 361.

[2]) „Золотой“ въ XVIII в. считался въ 20 коп. ас., слѣдовательно, если такъ било и раньше, то два червонца заключали въ себѣ 20 рубл. асс., а слѣд. червонецъ равнялся 10 рублямъ.

Напродъ Лубенцѣ дали чирвоныхъ 40, а таляровъ битихъ 30.— Лукомцѣ од тисячи—дали чирвоныхъ 20, талярей битихъ 20.—Чернушане дали чирвоныхъ 22 и таляровъ битихъ $17^1/_2$. — Пирятинцѣ дали чирвоныхъ 18 а таляровъ битихъ $13^1/_2$.—Сенчане дали чирвоныхъ 8, а таляровъ битихъ 6.—Лохвичане дали чирвоныхъ 36 и таляровъ битихъ 26.—Глинчане дали чирвоныхъ 20, а таляровъ 15. —Роменцѣ дали чирвоныхъ 52, а таляровъ 40 отъѣздного битихъ.—

Ясневелможному его м. пану гетману при писмахъ дали поклону чирвоних 5. Его жъ велможности дали поруковичного чирвоныхъ 200 сполна.—Его мил. п. Гамалѣи, есауловѣ енералному, дали поклону таляровъ 2, а порукавичного дали таляровъ 30, и его панюи таляровъ 2 дали.—Его мил. пану Ломакувскому, асауловѣ генералному, дали порукавичного таляровъ 30 и панюй его 2 таляри. Дѣтемъ ихъ дали три полторнихъ (?) з. (олотихъ?).—Его мил. пану писаревѣ енералному дали таляровъ 30. Челяди его дали зол. 5. Его мил. пану судѣ енералному дали таляровъ 10. На канцелярію войсковую дали 100 золотихъ и 2 таляри.

По поводу столѣтія со времени смерти князя А. А. Безбородка. Шестого апрѣля с. г. истекло сто лѣтъ со времени смерти знаменитаго князя Безбородка, достигшаго въ пятидесятилѣтнемъ возрастѣ почти всѣхъ чиновныхъ почестей: и свѣтлѣйшаго княжества, и канцлерскаго достоинства. Прилично помянуть этого богатоодареннаго человѣка и на страницахъ нашего журнала, такъ какъ Безбородко горячо помогалъ изданію первой печатной «Исторіи Малороссійской» Прибывъ въ Петербургъ въ к. 1775 г., Б—ко въ августѣ 1776 г. просилъ отца прислать ему книгъ (т. е. рукописей) по исторіи Малороссіи, говоря, что «сіи всѣ книги здѣсь тѣмъ нужнѣе что, *находятся люди кои вознамѣрились издать исторію малороссійскую*». Просимыя «книги» старымъ Безбородкомъ, какъ видно, были присланы и съ помощью ихъ Вас. Рубанъ издалъ въ 1777 г. «Краткую Лѣтопись Малыя Россіи», которую Безбородко не замедлилъ послать своему отцу при слѣдующемъ интересномъ письмѣ.

«Имѣя честь представить вамъ при семъ *Краткую Лѣтопись Малыя Россіи по 1776 годъ*, съ описаніемъ географическимъ, изъ-

явленіемъ ея правленія и другими нужными свѣдѣніями, изданную г. надв. сов. Рубаномъ, приношу я дань справедливо принадлежащую вамъ, яко во многихъ случаяхъ прямую любовь къ тому краю, любезной отчинѣ нашей, доказавшему и котораго всегда усердныя простиралися старанія, чтобъ дѣла и обстоятельства, славу и честь предковъ нашихъ ознаменяющія, извлечены были изъ забвенія. Изъ предисловія вы, милостивый государь батюшка, усмотрѣть изволите, что къ изданію сія книги *поострилъ я г. Рубана не одними совѣтами но и въ разсужденіи послѣднихъ временъ и самыми достовѣрными извѣстіями, отъ меня ему сообщенными.* Сожалѣть только надобно что онъ поспѣшилъ нѣсколько печатаніемъ предъидущихъ листковъ въ которыхъ многія противу подлинности ошибки изъять да и въ разсужденіи различныхъ нужныхъ умолчанныхъ обстоятельствъ, распространиться я не приминулъ бы. Малое сіе сочиненіе служитъ теперь *къ намѣреваемому намъ изданію полной малороссійской исторіи* въ которой, конечно, всѣ погрѣшности лѣтописи исправлены будутъ, коль только успѣемъ собрать всѣ потребныя намъ извѣстія. *Упражняяся въ свободное отъ другихъ дѣлъ время симъ пріятнымъ для меня трудомъ*, я благославляю ваши милостивыя родительскія въ юности моей попеченія *о приведеніи меня въ точное и подробное познаніе состоянія земли, гдѣ я родился*, и всѣхъ въ оной случившихся событій. Велико и совершенно будетъ мое удовольствіе, когда я преуспѣю въ семъ предлежащемъ трудѣ, и особливо когда исполненіе онаго будетъ послѣдуемо многими другими случаями, кои мнѣ предстали бы на изъявленіе моего велицемѣрнаго къ согражданамъ моимъ усердія» [1]). Но Безбородку скоро стало некогда «упражняться симъ пріятнымъ дѣломъ» и намѣченный имъ «трудъ» былъ забытъ...

Конечно, еще бо́льшей памяти заслуживаетъ Безбородко за его *Нѣжинскій Лицей*, который несомнѣнно помогалъ распространенію просвѣщенія въ Малороссіи, хотя едва-ли съ достаточнымъ правомъ именовался „высшимъ учебнымъ заведеніемъ"...

Къ исторіи крестьянъ. *(Частное письмо 1780 г.)* Печатаемое здѣсь письмо вдовы бунчуковаго товарища къ своему сотнику съ

---

[1]) Канцлеръ кн. А. А. Безбородко, Н. Григоровича. I, 46.

просьбою возвратить бѣжавшаго изъ ея владѣнія «подданнаго» (т. е. крестьянина), какъ видно, писано до изданія извѣстнаго указа 3 мая 1783 г., а между тѣмъ заключаетъ въ себѣ то самое требованіе, право на которое узаконялось только этимъ указомъ, значитъ, и отсюда видно, что указъ 1783 г. явился уже на готовой почвѣ.

«Милостивій государь мой Павелъ Григоріевичъ. Природній подданій владѣнія моего деревни Черноводки Степанъ Мамикинъ, не хотя мнѣ подданнической повинности отбувать и квартилнихъ денегъ платить, зъ оного владѣнія мого со всѣмъ семействомъ и съ пожитками бежалъ въ футоръ козаковъ сотнѣ Мглинской Филипа и Лаврентія Шунковыхъ и нинѣ въ ономъ футорѣ и въ другихъ местахъ сотни мглинской въ побеге скривается. А какъ оній подданій мой Степанъ Мамикинъ и по ревизіи 764 году написанъ въ подданности за умершимъ мужемъ моимъ бунчуковымъ товарищемъ Антономъ Жоравкою, распубликованными жъ высочайшими указами накрипко запрещено таковыхъ беглихъ людей безъ писменного вида отнюдь никому не принимать и буде где каковіи бегліе явятся таковыхъ отсилать подъ крипкимъ карауломъ на прежнее ихъ жителство, для того вашего благородія покорнѣйше прошу здѣлать мнѣ одолженіе, приказать, безъ далнихъ мнѣ затрудненій, показанного поданного моего беглого Степана Мамикина зъ его семействомъ и пожитками, въ моемъ владѣніи нажитими, взять подъ караулъ (и) ко мнѣ представить на прежнее его жилье въ деревню Черноводку, въ чемъ я имѣя на васъ надежду, мою за то благодарность принесть не промину и зъ надлежащимъ моимъ къ вамъ почтеніемъ честь имѣю навсегда пребить. Вашего благородія покорнѣйшая слуга *Улияна Жоравкина* [1]).

Гудовъ. 1780 году, генваря « » д.

Адресъ. Его благородію господину Покорскому, милостивому государю моему Павлу Григоріевичу, господину сотнику мглинскому.

Каневская соборная церковь. Въ недавно вышедшихъ «Церковно-археологическихъ очеркахъ, изслѣдованіяхъ и рефератахъ» П.

---

[1]) Имя и фамилія написаны собственноручно неумѣлымъ почеркомъ.

Лашкарева [1]), представляющихъ сборникъ статей, уже раньше напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ, помѣщена небольшая статья еще не бывшая въ печати, посвященная соборной Успенской церкви въ г. Каневѣ.

Статья эта даетъ нѣкоторыя новыя данныя, поэтому мы и сочли умѣстнымъ удѣлить имъ нѣсколько строкъ. Каневская церковь, по лѣтописнымъ свѣдѣніямъ, заложена в. к. Всеволодомъ Ольговичемъ въ 1144 г. во имя св. Георгія; во время нашествія Батыя она не особенно пострадала и лишь въ 1630 г. была разрушена татарами; въ разоренномъ видѣ церковь оставалась до 1805—1810 гг., когда была возстановлена въ ея современномъ видѣ. По даннымъ, имѣющимся объ этой церкви въ историко-статистической литературѣ, теперешняя церковь признается произведеніемъ позднѣйшимъ, на томъ основаніи, что будто-бы древнія стѣны сохранились лишь до оконъ Мнѣніе это оказывается невѣрнымъ. Въ 1891 г. предполагались передѣлки въ церкви; проектъ передѣлокъ былъ представленъ на заключеніе кіевскаго церковно-археологическаго общества; на основаніи приложенныхъ къ проекту плановъ, разрѣзовъ и фотографій церкви, проф. Лашкаревъ пришелъ къ заключенію, что древнія части церкви сохранились гораздо лучше, чѣмъ это предполагалось; осмотръ на мѣстѣ подтвердилъ справедливость этого заключенія. Что касается общаго плана церкви, какой она удержала до настоящаго времени, то проф. Лашкаревъ говоритъ, что «планъ этотъ представляетъ всѣ особенности сооруженія древняго великокняжскаго періода. Между прочимъ онъ имѣетъ замѣчательное сходство (почти тождество) съ планомъ Кіево-Кирилловской церкви, заложеніе которой приписывается тому-же в. к. Всеволоду Ольговичу, хотя размѣрами церковь Каневская значительно уступаетъ Кирилловской». Соотвѣтственно плану и внутренняя конструкція церкви сходна съ конструкціей Кирилловской, нѣкоторая разница замѣчается лишь въ расположеніи хоръ, алтарный-же абсидъ и очертанія главнаго фонаря и купола представляютъ всѣ характерныя черты древне-кіевской (византійской) конструкціи. «Наружный видъ (по фотогр. снимку) даетъ основаніе заключать, что древнія стѣны ея сохранились не до оконъ только, а вплоть до подкровельнаго горизонтальнаго карниза, какъ сохранился и древній средній фонарь съ куполомъ; это предположе-

---

[1]) См. Кіев. Ст., январь, 1899 г., въ археол. лѣт.

ніе проф. Лашкарева вполнѣ подтвердилось осмотромъ церкви, древняя кладка обнаружена, какъ въ стѣнахъ, пилястрахъ и полуколоннахъ по всему пространству церкви, такъ и въ фонарѣ ея купола; новой кладки оказались башни надъ юго-западнымъ и сѣверо-западнымъ углами ея.

Такимъ образомъ, благодаря изслѣдованіямъ проф. Лашкарева, открытъ еще одинъ памятникъ древне-русскаго водчества, простоявшій семь съ половиною вѣковъ и сравнительно хорошо еще сохранившійся.

N.

Текущія извѣстія.

Чествованіе Т. Г. Шевченка въ Томскѣ. (*Корреспонденція «К. Старины»*). Наконецъ таки пѣвецъ Украины дождался чествованія его «роковинъ» и въ этой далекой и холодной окраинѣ Россіи. 26-го февраля въ зданіи Безплатной Библіотеки устроенъ былъ «Шевченковскій» (какъ гласила афиша) спектакль-концертъ. Чествовала Шевченка немногочисленная группа мѣстныхъ малороссовъ, но въ исполненіи программы вечера преимущественное участіе приняли великороссы, обнаружившіе достаточное знаніе украинскаго языка. Вечеръ открылся рѣчью присяжнаго повѣреннаго г. Вейсмана, сообщившаго въ ней краткій біографическій очеркъ жизни Шевченка. Затѣмъ на сценѣ поставлены были два послѣднихъ акта изъ драмы Кропивницкаго «Невольныкъ». Лучше другихъ исполнилъ свою роль (Опары) г. Петренко, а г-жа Славская доставила истинное наслажденіе спѣтой ею пѣснью, хотя и грѣшила въ акцентѣ. Болѣе удовлетворительно сошло концертное отдѣленіе—хоръ пѣлъ звучно и стройно. Лучше другихъ ему удалась народная пѣсня «Ой не знавъ козакъ, ой не знавъ Сопронъ». Слабѣе сошла чудная кантата Лисенка: «Бьють пороги» и его же «Ой нема, нема»... (изъ «Гамаліи»). Далѣе шли сольные номера: «Ой, Днипре, мій Днипре» и др. Въ заключеніе на сценѣ поставлена была живая картина—апоѳеозъ поэта.

Пренія въ Полтавской думѣ о мѣстѣ для памятника И. П. Котляревскому. Полтавцы все еще не могутъ прійти къ соглашенію въ выборѣ мѣста для памятника. Хотя въ думскомъ засѣданіи 2-го марта путемъ баллотировки вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ пользу Протопоповскаго бульвара [1]), но такъ какъ къ тому времени выдвинутъ былъ на сцену новый проектъ—поставить памятникъ Котляревскому на площадкѣ за соборомъ, близъ его бывшаго домика, и за этотъ проектъ энергично стояли многіе изъ гласныхъ, то дума поступилась своимъ рѣшеніемъ и согласилась подвергнуть вопросъ новому обсужденію. 28 марта, наканунѣ очередного думскаго засѣданія, площадка за соборомъ была осмотрѣна гласными, но этотъ осмотръ мало содѣйствовалъ ихъ единомыслію. Когда на другой день открылось засѣданіе думы, раздались прежнія разногласія. Сторонники проекта постановки памятника на площадкѣ за соборомъ приводили соображенія, что здѣсь памятникъ будетъ находиться въ обстановкѣ, наиболѣе соотвѣтствующей его идеѣ: предъ этой площадкой разстилается та Украина, которую зналъ и любилъ Котляревскій, что въ городѣ нѣтъ другого мѣста, настолько характернаго и красиваго. Противъ этого возражали, что вся Полтава—Украина; что за соборомъ хороша только даль, между тѣмъ какъ близкое сосѣдство, состоящее изъ задворковъ и выгребовъ расположенныхъ здѣсь хатъ, далеко неблагопріятно постановкѣ памятника; что эта площадка настолько невелика, что, по постановкѣ памятника и устройствѣ небольшого цвѣтника, она вмѣститъ небольше 20 человѣкъ, и слѣдовательно городу необходимо предварительно пріобрѣсти сосѣднюю усадьбу, спланировать мѣсто и тогда лишь эта площадка сдѣлается мѣстомъ, приличнымъ для памятника; что если хотятъ «дать родному поэту родную обстановку», тогда памятникъ слѣдуетъ поставить на соборной площади, которая составляетъ «такое-же родное для Котляревскаго мѣсто, какъ и площадка за соборомъ», съ тою только разницею, что послѣднюю рѣдко кто посѣщаетъ, между тѣмъ какъ соборная площадь привлекаетъ (особенно въ праздничные дни, когда въ соборѣ совершаются торжественныя службы) массы народа; наконецъ, одинъ изъ гласныхъ указалъ на ползучесть площадки за соборомъ и предлагалъ не разрѣшать въ настоящемъ собраніи вопроса о мѣстѣ для памятника, а сперва всесторонне обслѣдовать его. Тогда выдвинуты

[1]) См. апрѣльскій номеръ „К. Старины".

были на сцену другія, довольно странныя соображенія: лица, стоящія за площадку за соборомъ, являются-де болѣе компетентными выразителями общественнаго мнѣнія, чѣмъ ихъ противники; они лучше знаютъ старину и малороссійскую литературу, принимали болѣе дѣятельное участіе въ сборѣ пожертвованій на памятникъ, сносились съ жертвователями и потому знаютъ мнѣніе послѣднихъ. На это другіе возражали, что дума не можетъ считаться съ неизвѣстными ей мнѣніями неизвѣстныхъ лицъ и что въ такомъ случаѣ проще было бы обратиться къ болѣе крупнымъ жертвователямъ въ Кіевъ и Черниговъ съ просьбою прислать своихъ делегатовъ для выбора мѣста. Послѣ оживленныхъ преній, длившихся $2^1/_2$ часа, вопросъ о постановкѣ памятника на площадкѣ за соборомъ поставленъ былъ на закрытую баллотировку и большинствомъ 14 голосовъ противъ 10 отвергнутъ; окончательный же выборъ мѣста для памятника отложенъ вновь до слѣдующаго очередного собранія думы.

Малорусскій любительскій спектакль въ Петербургѣ. (*Корреспонденція „Кіев. Стар.“*). Своевременно [1]) отмѣченный нами крупный успѣхъ, выпавшій на долю двухъ послѣднихъ малорусскихъ вечеровъ, побудилъ нашу молодежь, преимущественно причастную къ музыкальному и художественному міру, устроить 5 апрѣля въ залѣ Павловой свой любительскій малорусскій спектакль съ концертнымъ отдѣленіемъ. Въ этотъ вечеръ были поставлены два водевиля: «Якъ ковбаса та чарка, то минется й сварка», Старицкаго, и «По ревызіи», Кропивницкаго. Одобрить такой выборъ пьесъ, конечно, трудно; хотя каждая изъ нихъ, особенно же вторая, имѣетъ свои достоинства, тѣмъ не менѣе причислить ихъ къ серьезному репертуару нельзя, а поставленныя вмѣстѣ, онѣ придаютъ спектаклю нѣкоторое однообразіе, т. е. весь интересъ въ нихъ держится на „горилкѣ“. Впрочемъ мы не ставимъ этого въ особую вину усттроителямъ, не имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи времени для подготовки болѣе серьезной пьесы.—Не вдаваясь въ подробности, считаемъ необходимымъ отмѣтить, прежде всего, тотъ ансамбль, которымъ сопровождалось исполненіе обѣихъ пьесъ. Въ этомъ отношеніи особенно удачно прошла

---

[1]) Кіев. Ст. 1899, №№ 3, 4—отдѣлъ „летучихъ замѣтокъ“.

комедія Кропивницкаго: въ ней всѣ участники обнаружили извѣстную сценическую опытность и присутствіе таланта. Что касается фарса Старицкаго, то онъ былъ разыгранъ менѣе интересно, такъ какъ самая пьеса не вполнѣ опытнымъ артистамъ даетъ много поводовъ впадать въ шаржъ. Впрочемъ, нѣкоторые участники, напр. исполнители ролей Шпоньки и Степана (литній чоловпкъ), проявили несомнѣнный комическій талантъ, а исполнительница роли шинкарки, помимо умѣнья держаться на сценѣ, оказалась обладательницей весьма недурного голоса. Собравшаяся публика осталась, повидимому, очень довольна спектаклемъ: по крайней мѣрѣ неумолкавшій въ залѣ хохотъ часто заглушалъ голоса артистовъ.

Въ концертномъ отдѣленіи, поставленномъ между двумя водевилями, шумный и вполнѣ заслуженный успѣхъ выпалъ на долю г. *Вильконскаго* (віолончель) и г-жъ *Хмары*, *Барвинокъ* и *Закопайко* (пѣніе). Понравился публикѣ также и скрипачъ г. *Фельдъ*. Три выше отмѣченныя нами пѣвицы выступили съ малорусскимъ репертуаромъ, инструменталисты же ограничились исполненіемъ общеизвѣстныхъ пьесъ Шопена, Рубинштейна, Вьетана и Давыдова и, такимъ образомъ, съ своей стороны, не внесли въ программу концерта ничего національнаго. А между тѣмъ, напр., скрипачъ г. Фельдъ съ успѣхомъ могъ бы замѣнить одинъ изъ своихъ номеровъ хотя бы варіаціями на украинскія темы г. Сикарда или одной изъ шумокъ г. Завадскаго.

Въ заключеніе можемъ только пожелать, чтобы выступившая съ такимъ успѣхомъ группа любителей не ограничилась этимъ спектаклемъ и въ будущемъ показала свои силы въ болѣе серьезномъ малорусскомъ репертуарѣ, въ которомъ въ настоящее время найдется не мало пьесъ, достойныхъ вниманія: достаточно указать на произведенія гг. Кропивницкаго и Карпенка-Карого. При такой постановкѣ дѣла молодые артисты съ успѣхомъ смогутъ пополнить тотъ существенный недостатокъ, который заключается въ отсутствіи въ С.-Петербургѣ малорусскаго театра. Точно также музыкантамъ и пѣвицамъ, выступившимъ въ этотъ вечеръ, мы желаемъ расширить репертуаръ и знакомить публику, какъ съ новинками въ области малорусской музыки, такъ и съ вещами, сравнительно рѣдко исполняемыми. Талантами участниковъ вечера Богъ не обидѣлъ, и при дружномъ и серьезномъ отношеніи къ дѣлу они сослужатъ великую службу родному искусству. Въ добрый часъ!

С. Н.

Заботы буковинцевъ о сохраненіи своей народности. Русскіе депутаты Буковины, Пигулякъ и Василько, подали въ православный митропол. синодъ, въ Черновцахъ, заявленіе о положеніи православія въ русской Буковинѣ. Въ этомъ заявленіи они хлопочутъ согласно постановленію народнаго собранія русскихъ буковинцевъ въ 1898 г. о мѣрахъ, которыя могли бы остановить румынизацію русской православной церкви, неизбѣжно ведущую и къ румынизаціи самого русскаго населенія Буковины. Въ этой области по переписи 1890 г.— всѣхъ православныхъ обывателей числится 450773, изъ коихъ 250 т. принадлежатъ къ русской народности. Русскихъ приходовъ считается 134, румынскихъ—93 и смѣшанныхъ—35, а между тѣмъ въ консисторіи засѣдаютъ только румыны. Богословіе преподается только по-румынски, почему русскіе и избѣгаютъ священнической карьеры, такъ что напр. въ 1898 г. никто изъ нихъ не поступилъ въ духовную семинарію. Въ русскіе приходы назначаются румынскіе священники, не знающіе языка населенія, которое поэтому переходитъ даже въ унію, разсчитывая хотя такимъ путемъ получить русскихъ священниковъ. Въ заявленіи Пигуляка и Василька предлагается раздѣленіе митрополичьей консисторіи въ Буковинѣ на русскую и румынскую, а также очередной выборъ митрополита и радовицкаго епископа то изъ русскихъ, то изъ румынъ. (*Slovanský Přehled*, *1899*, *кн. 7*).

Этнографическая экскурсія на Волынь и Подолье. Д. чл. импер. географич. общества М. Ѳ. Кривошапкинъ въ настоящее время объѣзжаетъ *Волынскую*, *Подольскую* и Минскую губерніи съ цѣлью всесторонняго изслѣдованія этого края, преимущественно-же его этнографическихъ особенностей. Г. Кривошапкинъ, по словамъ «Нов.», прислалъ уже въ общество коллекцію сохранившихся отъ старины и понынѣ употребляемыхъ въ означенныхъ мѣстностяхъ нарядовъ и свадебныхъ уборовъ. Присылаемыя имъ коллекціи обществомъ препровождены на храненіе въ академію наукъ, откуда поступятъ въ музей Императора Александра III.

Общество «Защита земли» въ Галиціи. Извѣстно, что русскій народъ въ Галиціи представляетъ почти исключительно крестьянство: духовенство и мірская интеллигенція—то и другая немногочисленныя—выходятъ изъ народа, крестьянства. Понятно отсюда, что русскіе патріоты въ Галиціи видятъ залогъ своего существованія и преуспѣянія въ благосостояніи крестьянства. Между тѣмъ крестьянство испытываетъ рядъ вѣковыхъ недуговъ, изъ которыхъ едва-ли не самый тяжкій—бѣдность, въ частности—безземелье. Безземелье обусловливается разрастаніемъ народонаселенія, идущимъ за нимъ дробленіемъ земли, отсутствіемъ дешеваго кредита и лихвой многочисленныхъ ростовщиковъ. Крестьянскіе участки продаются съ аукціоновъ, забираются польскими банками и передаются переселенцамъ-мазурамъ; крестьянинъ-русинъ уходитъ за океанъ, въ Америку.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нашелся добрый человѣкъ, который энергично сталъ проповѣдывать мысль объ избавленіи русинской земли отъ гнетущихъ ее золъ, и въ теченіе недолгаго періода собралъ маленькій капиталъ, послужившій основаніемъ для учрежденія общества «Защиты земли»; это былъ г. Ружицкій, нынѣ уже покойный. Въ 1896 году состоялось учредительное собраніе членовъ новаго общества, выработавшее и статутъ его.

Были взяты изъ банка оставленныя Ружицкимъ деньги, сдѣланы публикаціи въ газетахъ, и въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ разосланъ уставъ общества съ приглашеніемъ вступить въ его члены. Русское населеніе живо отозвалось на призывъ: нѣсколько сотъ лицъ, разныхъ состояній, вступили въ общество. Чтобы быть членомъ-пайщикомъ общества, нужно внести 25 гульд. въ пай и 1 гульд.—вступительный. Для облегченія желающимъ вступить въ общество разрѣшено взносъ паевыхъ денегъ распредѣлять на 5 лѣтъ. 15-го марта состоялось первое общее собраніе общества для того, чтобы приступить къ дѣятельности; уже поступило много заявленій отъ бѣдныхъ крестьянъ о выдачѣ ссудъ подъ землю. Такъ какъ большинство членовъ общества — люди несостоятельные, то капиталъ его равенъ всего 6,000 гульд. съ небольшимъ. (*Сынъ Отеч.*, *№ 96*)

Малороссы-переселенцы въ Сибири. Въ послѣднее время сибирская печать нерѣдко знакомитъ читателей съ бытовой стороной жизни переселенцевъ. Заимствуемъ изъ газеты «Енисей» нѣкоторыя данныя, имѣющія непосредственное отношеніе къ переселенцамъ-малороссамъ Ачинскаго округа.

«Зажиточнѣй другихъ высматриваютъ деревни, населенныя переселенцами-малороссами. Какъ видно, у нихъ больше любви къ труду и, къ чести ихъ, нужно сказать, что малороссы люди трезвые. Почти ни въ одной деревнѣ у нихъ нѣтъ кабаковъ, тогда какъ у переселенцевъ великоруссовъ таковые есть. Переселенцы, нѣсколько окрѣпшіе въ хозяйственномъ отношеніи, въ лѣтнее время занимаются работой въ своихъ деревняхъ: по окончаніи-же работъ свободные работники уходятъ на отхожіе заработки,—зачастую на желѣзную дорогу, высылая оттуда заработокъ домой. А семья на эти деньги обстраивается, заводится лишнимъ хозяйствомъ.

Нерѣдки случаи обратнаго переселенія на родину. Переселенія эти, какъ слышно отъ самихъ переселяющихся, вызываются, тоскою по родинѣ, суровостью здѣшняго климата, другими условіями жизни и отчасти развитою здѣсь преступностью.

По словамъ переселенцевъ, земля здѣсь хлѣбороднѣй земли ихъ родины, а главное, она не требуетъ удобренія, о климатѣ, или вѣрнѣе, о землѣ, переселенцы вообще отзываются, какъ объ одномъ изъ тяжелыхъ условій здѣшняго края. На первыхъ порахъ поселенія, многіе переселенцы, подъ вліяніемъ климатическихъ условій, болѣли, а другіе и умирали.

Въ общемъ «окрѣпшіе» переселенцы сравнительно благоденствуютъ.

Хотя окончательнаго размежеванія земель еще не было, но—по приблизительному разсчету, земельный надѣлъ опредѣляется въ 15 десятинъ на душу. Главное занятіе всѣхъ переселенческихъ деревень—земледѣліе, а въ единичныхъ случаяхъ работа изъ дерева предметовъ сельскаго хозяйства и кое какія ремесла».

Чествованіе памяти кн. А. А. Безбородка въ Нѣжинѣ. 6 апрѣля Историко-Филологическій Институтъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ чествовали память своего основателя кн. А. А. Безбородка по случаю

столѣтія со дня его смерти. Послѣ заупокойной литургіи проф. М. Н. Бережковъ въ залѣ торжественныхъ собраній Института, въ присутствіи многочисленной публики, произнесъ рѣчь, въ которой очертилъ жизнь и дѣятельность кн. А. А. Безбородка и сдѣлалъ характеристику его личности. Затѣмъ директоръ Института Ф. Ф. Гельбке прочелъ рядъ привѣтственныхъ телеграммъ, полученныхъ отъ почетнаго попечителя Института гр. А. А. Мусина-Пушкина и другихъ потомковъ Безбородокъ, а также отъ бывшихъ воспитанниковъ и служащихъ Нѣжинскаго лицея и Института. По окончаніи торжества представители мѣстнаго общества вмѣстѣ съ настоящими и бывшими служащими Института и Лицея и бывшими питомцами этихъ заведеній, совѣщались по вопросу о постановкѣ въ Нѣжинѣ памятника кн. А. А. Безбородку. Для дальнѣйшей разработки этого вопроса избрана коммиссія [1]).

И. Ф. Головацкій. (*Некрологъ*). Въ мартѣ с. г. умеръ въ Вѣнѣ Иванъ Федоровичъ Головацкій, (братъ Якова Ф—ча), одинъ изъ замѣтныхъ русско-галицкихъ дѣятелей сороковыхъ годовъ. Ив. Г—ій родился въ 1814 г., въ с. Чепеляхъ, Золочевскаго, у., въ семьѣ священника. Въ 1846—47 гг. Г—ій издалъ двѣ книжки сборника руско-малорускихъ статей подъ названіемъ *Вѣнокъ Русинамъ на Обжинки* [2]). Въ 1859—51 гг., Г—ій издавалъ въ Вѣнѣ «Вѣстникъ, повременное письмо, посвященное политическому и правительственному образованію русиновъ Австрійской державы». Въ 70—хъ годахъ Г—ій былъ назначенъ переводчикомъ австрійскихъ законовъ на малорусскій языкъ и оставался въ этой должности до 1895 г. Въ то же время онъ состоялъ при Вѣнскомъ у—тѣ лекторомъ русскаго языка. Послѣдніе тридцать лѣтъ своей жизни Г—ій тщательно устранялся отъ всякой общественной дѣятельности и воспитывалъ дѣтей своихъ, какъ нѣмцевъ. (*Slovanský Prěhled*, *1899 г.*, *№ 7*).

---

[1]) Написанная по поводу празднованія біографія кн. А. А. Безбородка напеч. въ Кіевлян., №№ 113 и слѣд.

[2]) Это былъ сборникъ, служившій какъ бы продолженіемъ напечатанной за 20 лѣтъ передъ тѣмъ „Русалки Днѣстровой“, изданной въ 1837 г., Шашкевичемъ, Вагилевичемъ и Як. Головацкимъ. *Ред.*

Г. В. Есиповъ. *(Некрологъ).* 11-го апрѣля умеръ Григорій Васильевичъ Есиповъ, извѣстный въ русской литературѣ, какъ авторъ многихъ историческихъ очерковъ, написанныхъ по архивнымъ источникамъ. Къ числу этихъ очерковъ принадлежитъ и напечатанное въ Кіевской Стар. за 1890—91 гг. Описаніе путешествія императрицы Екатерины II въ Крымъ. Есиповъ умеръ 87-ми лѣтъ отъ роду. Въ послѣднее тридцатипятилѣтіе своей жизни онъ завѣдывалъ архивами министерства императорскаго двора, при чемъ привелъ ихъ въ полный порядокъ.

Библіографія.

Biblioteka Warszawska за 1898 годъ.

№ 2. *А. Рембовскій. Историкъ польскаго войска.* Статья посвящена обзору научной дѣятельности умершаго 1 января нов. ст. 1898 г. полковника русской службы Константина Гурскаго, который, не будучи ученымъ по профессіи, воспользовался свободнымъ временемъ, которымъ онъ могъ располагать по выходѣ въ отставку, чтобы заняться изученіемъ польской военной исторіи. Занятія эти оказались очень плодотворными, и въ продолженіи 11 лѣтъ (съ 1886 по 1897 г.) покойный написалъ рядъ работъ, которыя надолго останутся выдающимися и почти единственными въ избранной имъ области. Мы не будемъ здѣсь вслѣдъ за г. Рембовскимъ перечислять всѣхъ трудовъ Гурскаго, а укажемъ только на тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ отношеніе къ малороссійской исторіи. Таковы: 1) *Кончившійся пораженіемъ походъ подъ Цецору* (съ 1 сентября по 6 октября 1620 г.), Варшав. Библ. 1886, сентябрь.—2) *О мѣстѣ битвы у Желтыхъ Водъ* (въ маѣ 1648 г.). Варшав. Библ. 1886, декабрь. —3) *О дѣйствіяхъ короннаго войска польской Рѣчи-Посполитой въ войнѣ съ козаками.* Время съ 19 февраля по 10 іюля 1651 г. *Битва подъ Берестечкомъ.* Варшав. Библ. 1887, май и іюль.—4) *Оборона границъ Рѣчи-Посполитой отъ Татаръ.* Варш. Библ. 1891.—5) *Исторія польской пѣхоты.* Отд. книга 1893.—6) *Исторія польской конницы.* Отд. кн. 1894. Въ послѣднихъ двухъ книгахъ, основанныхъ преимущественно на архивныхъ матеріалахъ, для малороссійскаго историка особенно важны: въ первой—§ 12 (стр. 35—36) и примѣчанія 36, 37,

38, 39 и 40 (стр. 242—244), во второй §§ 15, 16, (стр. 25) и § 34 (стр. 67—69); въ нихъ авторъ сообщаетъ рядъ интересныхъ свѣдѣній о запорожскихъ козакахъ, какъ о составной части польскихъ войскъ, особенно въ эпоху войнъ 1600, 1601, 1609—11, 1620—21, 1632—34 годовъ.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ № 2-го упоминается о выходѣ въ свѣтъ XVI-го тома той серіи публикацій исторической Коммиссіи при Краковской Академіи Наукъ, которая носитъ заглавіе *Scriptores rerum polonicarum* (*польскіе историческіе писатели*). Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ: *Stanislai Temberski annales* (лѣтописи Станислава Темберскаго). Темберскій—профессоръ Краковскаго у-та и каноникъ Краковскій—былъ одно время оффиціальн. исторіографомъ при Краковскомъ университетѣ. По обязанности исторіографа онъ написалъ на латинскомъ языкѣ лѣтописи за 1647—1656 гг., которыя теперь и напечатаны по рукописи Курницкой библіотеки. Въ нихъ очень подробно изложены войны съ Хмельницкимъ и критическая оцѣнка этого новаго источника для эпохи Хмельницкаго лежитъ на обязанности малороссійскихъ историковъ [1]).

№ 4. Въ библіографическомъ отдѣлѣ упомянуто о выходѣ въ свѣтъ II-го тома *Антропологическо-археологическихъ матеріаловъ*, издаваемыхъ антропологической Коммиссіей при Краковской Академіи Наукъ. Въ немъ находимъ статью Л. Гриневича: *Украинская шляхта*.

№ 6 и № 9. Здѣсь помѣщена замѣчательно интересная статья профессора Берлинскаго университета А. Брюкнера: *Цивилизація и языкъ. Очерки изъ исторіи польской культуры.* Главная мысль статьи та, что если народъ, вступая въ соприкосновеніе съ другимъ народомъ, заимствуетъ у него какія-либо особенности нравственнаго или матеріальнаго быта, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ переноситъ въ свой словарь и запасъ словъ, необходимыхъ для обозначенія новыхъ пріобрѣтеній. Поэтому словарь каждаго языка, въ томъ числѣ и польскаго, является какъ-бы архивомъ, въ которомъ сложены документы для возстановленія всей культурной исторіи народа, который говоритъ на этомъ языкѣ. Мысль эта была разработана впервые Як. Гриммомъ въ его «Исторіи нѣмецкаго языка». Она была примѣнена въ одной изъ раннихъ работъ Ѳ. И. Буслаева—«О вліяніи христіанства на славян-

1) Обширная рецензія анналовъ Темберскаго, *Т. Корзона*, помѣщена въ Kwart. Histor. 1898 г., кн. 4, стр. 937—946.

скій языкъ». Брюкнеръ въ рядѣ красивыхъ по изложенію очерковъ знакомитъ читателей съ вліяніемъ, какое оказали на польскій словарь: готы въ доисторическое время, христіанство, принятое черезъ чеховъ, нѣмцы, поселявшіеся въ польскихъ городахъ съ XIII ст., чехи, давшіе первые образцы религіозной литературы, Русь галицкая и литовская послѣ соединенія ихъ съ Польшею, реформація, школьная латынь, итальянскій гуманизмъ, венгры, румыны, татары и турки, западноруссы, писавшіе по польски въ эпоху религіозной борьбы, и, наконецъ, французы—въ эпоху увлеченія модами версальскаго двора. Такъ какъ многія слова заимствованнаго происхожденія перешли потомъ изъ польскаго языка въ нарѣчія бѣлорусское и малорусское и въ русскій литературный языкъ (№ 9, стр. 450), то изслѣдованія проф. Брюкнера очень поучительны также для русскихъ лингвистовъ и историковъ культуры.

№ 7. *Фр. Равита-Гавронскій. Страничка изъ жизни пограничнаго общества.* Разсказывается жизнь мелкаго шляхтича XVIII-го вѣка Игнатія Фельштынскаго (1718—1795), отецъ котораго былъ выкрестомъ изъ евреевъ. Игнатій Фельштынскій держалъ въ арендѣ имѣніе гр. Ледоховскихъ Жашковъ (нынѣ Таращанскаго уѣзда), торговалъ быками, но главнымъ занятіемъ его были тяжбы, которыхъ онъ велъ непомѣрное количество—со всѣми лицами, съ которыми только ему приходилось вступать въ соотношенія. Авторъ видитъ въ Игнатіи Фельштынскомъ типическаго представителя мелкой шляхты на югѣ нынѣшней Кіевской губерніи въ послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой.

№ 8. Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщено извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ двухъ новыхъ томовъ публикацій филологическаго отдѣла Краковской академіи наукъ (Сер. II, томы XI и XII), въ которыхъ находимъ двѣ статьи г. Кирилла Студзинскаго: «*Характеристика и генезисъ поэтическихъ произведеній Амвросія Метлинскаго*» и «*Генезисъ поэтическихъ произведеній Маркіана Шашкевича*» [1].

№ 12. *Станиславъ Добржицкій. Криштофъ Опалинскій, какъ критикъ государственно-общественнаго быта.* Опалинскій—авторъ XVII-го вѣка (1609—1655). Онъ написалъ: Satyry albo przestrogi do poprawy rządu i obyczajów w Polszcze należące, na pięć ksiąg rozdzielone, wierszem nierymowym (Kraków, 1652). Г. Добржицкій дѣлаетъ

---

[1]) См. К. Ст. наст. г., апрѣль, отд. II, стр. 42-44.

обзоръ содержанія тѣхъ сатиръ, которыя относятся не къ обычаямъ частной жизни, а къ государственнымъ и общественнымъ порядкамъ. Онъ приходитъ къ заключенію, что Опалинскій лучше всѣхъ своихъ современниковъ видитъ недостатки тогдашняго польскаго государственнаго и общественнаго строя и предлагаетъ наиболѣе разумныя мѣры къ ихъ устраненію. Поэтому г. Добржицкій считаетъ его мудрѣйшимъ изъ всѣхъ политическихъ писателей XVII-го вѣка.

Отмѣтимъ между прочимъ, что сатира 8-ая книги V-й имѣетъ отношеніе къ Малороссіи. Заглавіе ея: *Zdanie i rozsądek o nowych osadach i słobodach ukrainnych.* Вотъ ея содержаніе въ изложеніи г. Добржицкаго: «Новыя поселенія и слободы—это расширеніе Рѣчи-Посполитой безъ пролитія крови, безъ обнаженія оружія. Полезную колонизаціонную дѣятельность портили доселѣ: неумѣлость, корыстолюбіе и угнетеніе, Для устройства новыхъ поселеній долженъ быть установленъ и строго соблюдаемъ извѣстный порядокъ.

Первое условіе: не должно быть дозволено частнымъ лицамъ устраивать поселенія въ дикихъ поляхъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ. Причины такого воспрещенія слѣдующія:

1-ая. Тамошнія земли или никому не принадлежатъ, или составляютъ собственность Рѣчи-Посполитой. Въ первомъ случаѣ не годится одному лицу безъ согласія соотечественниковъ захватывать новыя пространства, тѣмъ болѣе, что такой захватъ взваливаетъ на Рѣчь-Посполитую бремя обороны вновь пріобрѣтенныхъ мѣстностей и вызываетъ столкновенія съ сосѣдями. Во второмъ случаѣ такой захватъ являлся-бы нарушеніемъ правъ собственности Рѣчи-Посполитой.

2-ая. Частный человѣкъ не имѣетъ достаточнаго авторитета, чтобы собрать дѣльныхъ и честныхъ колонистовъ, и долженъ довольствоваться сбродомъ.

3-ья. Плохо устроенныя колоніи не могутъ составить для Рѣчи-Посполитой ни защиты, ни украшенія.

Но все будетъ иначе, если колонизація будетъ находиться въ распоряженіи у короля.

Для основанія новыхъ поселеній и слободъ должны быть на лицо три условія: удобныя мѣстности для заселенія, согласные на переселеніе люди и благопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія поселеній. Самыя удобныя мѣста для колоній—это берега судоходныхъ рѣкъ: Днѣпра, Буга и Днѣстра.

Переселенцевъ нужно брать не изъ Украины, гдѣ и безъ того мало жителей, а изъ жолнеровъ, выслужившихъ срокъ, и изъ мелкой бѣдной шляхты, которой такъ много въ Мазовіи и Подляхіи.

Благопріятными условіями для развитія колоній являются: безопасность отъ враговъ, льготы и обезпеченное пропитаніе.

Для безопасности въ колоніяхъ должны быть достаточные запасы оружія, пороха и пуль. О наступленіи опасности колоніи должны оповѣщать одна другую посредствомъ зажиганія смоляныхъ бочекъ.

Льготы должны заключаться въ освобожденіи колонистовъ отъ податей—на время, а отъ натуральныхъ повинностей—навсегда.

Пропитаніе должно обезпечиваться хорошею постановкою въ колоніяхъ земледѣлія, ремеслъ и торговли.

Для процвѣтанія колоній нужна еще: свобода колонистамъ, если они православные, исповѣдывать свою православную греческую вѣру. Католичество можно распространять, но только мирнымъ путемъ, безъ споровъ и насилій. Кромѣ того необходимо учредить въ колоніяхъ школы при костёлахъ, или церквахъ для обученія чтенію, письму и катехизису, такъ какъ только образованіе смягчаетъ нравы людей.

Если голландцы и португальцы съумѣли колонизовать свои отдаленныя заморскія владѣнія, то тѣмъ легче полякамъ колонизовать Украину, до которой отъ центра Польши всего двѣ недѣли пути».

Проэкты Опалинскаго являются отзвукомъ колонизаціонныхъ плановъ Іосифа Верещинскаго, Петра Грабовскаго и др., но для его времени они уже запоздали, такъ какъ въ годъ выхода въ свѣтъ сатиръ Опалинскаго (1652 г.) большая часть Украины фактически не принадлежала уже Польшѣ.

А. С.

Къ исторіи Кіевской Трехсвятительской церкви за вторую половину XVII столѣтія. С. Голубева. *Кіевъ, 1899. 8 д. л. 38 стр., съ рисункомъ. (Отдѣльный оттискъ изъ № 1 „Трудовъ Кіев. Дух. Академіи“, за 1899 г.).*

Авторъ, на основаніи документальныхъ данныхъ, извлеченныхъ имъ изъ Московскаго Архива минист. иностр. дѣлъ, существенно дополняетъ и разъясняетъ исторію Трехсвят. церкви во 2-й половинѣ

XVII ст. Церковь эта, построенная не св. Владиміромъ, какъ многіе думаютъ, а всего вѣроятнѣе княземъ Рюрикомъ Ростиславичемъ въ 1197 году, ко временамъ П. Могилы наиболѣе сохранилась изъ числа кіевскихъ храмовъ домонгольскаго періода и, отобранная имъ отъ уніатовъ, была передана Братскому монастырю. Но въ 1658—1660 гг. она была повреждена пожаромъ (вѣроятно, благодаря сосѣдству солдатскихъ хлѣбныхъ магазиновъ, которыми она была кругомъ стѣснена) и, оставаясь безъ кровли болѣе 30 лѣтъ, начала разрушаться. Въ 1688 г. митрополитъ Гедеонъ Четвертинскій добивался царскаго разрѣшенія разобрать ее (равно какъ и развалины сосѣдней, столь же древней церкви, св. Екатерины) и кирпичъ употребить на починку Софійскаго каѳедральнаго храма. Въ то же время игуменья Кіево-Михайловскаго женскаго монастыря отправилась съ сестрами въ Москву просить, чтобы царское правительство на свой счетъ починило Трехсв. церковь, такъ какъ „у ней порушились однѣ главы, а строеніе—великаго князя Владиміра",—и уступило ее для инокинь управляемаго ею монастыря, которыя, по неимѣнію своего храма, вынуждены посѣщать, вмѣстѣ съ братіею, Михайловскую монастырскую церковь. Прежде удовлетворенія этихъ просьбъ, изъ Москвы былъ присланъ приказъ кіевскому воеводѣ Бутурлину подробно осмотрѣть Трехсвят. церковь и дать заключеніе, возможно ли ее обновить. Воевода отвѣчалъ, что стѣны церкви разсѣлись, главы и своды обвалились, а можно ли ее реставрировать и сколько на то потребуется матеріаловъ,—«того осмотрѣть и смѣтить некому, ибо каменныхъ дѣлъ подмастерья нѣтъ» Въ виду этого Гедеону не дано было рѣшенія на ею просьбу, а монахинямъ велѣно построить особую деревянную церковь, отдѣливъ для того часть усадьбы Михайловскаго монастыря (гдѣ нынѣ строятся новыя братскія кельи).

Преемникъ Гедеона, митрополитъ Варлаамъ Ясинскій болѣе цѣнилъ древніе памятники. Онъ выпросилъ въ 1690 г. Трехсвят. церковь (и развалины церкви св. Екатерины) въ митрополичье завѣдываніе и, въ виду ея важнаго историческаго значенія и нареканія кіевлянъ, что «при владѣніи православномъ таковое есть нерадѣніе о той церкви, нестроеніе же и запустѣніе, каково не бѣ и при державѣ лядской»,—просилъ убрать воеводскіе амбары, совсѣмъ заслонившіе и стѣснившіе церковь, и дать средства для ея реставраціи. Амбары приказано было снести, а о реставраціи обѣщано дать

указъ по окончаніи войны съ Крымомъ. Въ 1693 г. м. Варлаамъ своими средствами началъ обновлять Трехсвят. церковь, но за скудостью этихъ средствъ дѣло подвигалось медлено, пока не удалось привлечь къ участію въ немъ щедраго «благотворителя»: то былъ извѣстный своею любовью къ храмосозданію, генеральный войсковый судья Василій Кочубей, впослѣдствіи казненный за доносъ на гетмана Мазепу. На его средства и была возстановлена Трехсвят. церковь и освящена около 1706 года, а въ благодарность за то Кочубею былъ поднесенъ въ день его ангела, 1 января 1707 г. панетирикъ въ видѣ затѣйливой гравюры, скомпонованной митрополичьимъ архидіакономъ Иларіономъ Мигкурой. Гравюра эта хранится въ церковно-археологич. музеѣ при Кіевск. Дух. Академіи.

Изъ разысканыхъ авторомъ новыхъ документовъ разъясняется одно историческое недоумѣніе, издавна служившее предметомъ спора между историками г. Кіева, именно—относительно тождества Воздвиженской и Андреевской церквей на Старомъ городѣ. Изъ доклада царямъ митр. Варлаама Ясинскаго (1693 г.) оказывается, что въ то время Воздвиженская нагорная церковь имѣла придѣлъ во имя св. Апостола Андрея, и потому современники титуловали ее то тѣмъ, то другимъ именемъ.

Тѣ же документы даютъ возможность точнѣе опредѣлитѣ положеніе древней церкви св. великомученицы Екатерины. Митрополитъ Евгеній полагалъ, что она состояла близъ Трехсвят. церкви; другіе историки, довѣряя свидѣтельству Эриха Лясоты, посѣтившаго Кіевъ въ 1594 году, искали ея слѣдовъ близъ храма св. Софіи. Въ упомянутомъ докладѣ м. Варлаама Ясинскаго прямо сказано, что церковь св. Екатерины была «недалече» отъ Трехсвят. церкви, что въ то время «отъ нея токмо нѣкія столпы и часть стѣнъ на основаніи стояла», и митрополитъ опасался, какъ бы она «до конца не была разорена отъ безчиннаго народа, взимающаго оттуда камени на мирскія ихъ потребы».

Къ брошюрѣ приложенъ рисунокъ, изображающій Кіево-Михайловскую монастырскую церковь въ томъ видѣ, какой она имѣла въ 1688 году, когда еще не подвергалась существеннымъ внѣшнимъ передѣлкамъ, во многомъ измѣнившимъ ея древній стиль. Рисунокъ этотъ заимствованъ изъ плана части верхняго Кіева, доставленнаго по царскому требованію кіевскимъ воеводою въ 1688 г. для сообра-

женія, гдѣ построить церковь для Михайловскаго женскаго монастыря. Планъ этотъ, въ остальномъ мало интересный, хранится въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ, въ Москвѣ.

О. Л.

Archiw für Slawishe Philologie. Ред. В. Ягичъ. Берлинъ—*Weidmannsche Buchhandlu'ng.* Спб. у Девріена, ц. годов. изд. 20 марокъ.

Изданіе это ведется съ большимъ знаніемъ дѣла и необычайною настойчивостью уже 20 лѣтъ и является необходимымъ пособіемъ для всякаго, кто интересуется тѣми или другими вопросами славяновѣдѣнія. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ, такъ какъ во главѣ изданія въ теченіе всѣхъ 20 лѣтъ стоитъ знаменитый ученый В. Ягичъ, глава вѣнскихъ славяновѣдовъ.

Отмѣтимъ наиболѣе любопытныя для читателей «Кіевской Старины» статьи «Архива» за послѣднія пять лѣтъ. Въ томѣ 16 (1894 г.) помѣщена работа I. Верхратскаго (1—42 стр.) о нарѣчіи галицкихъ лемковъ (Ueber die Mundart der galicischen Lemken), отзывъ Фр. Пастрнка (497—502 стр.) о книгѣ Е. Сабова «Христоматія церковно-славянскихъ и угрорусскихъ литературныхъ памятниковъ съ прибавленіемъ угрорусскихъ народныхъ сказокъ на подлинныхъ нарѣчіяхъ.» Изд. книгопечатный фондъ епархіи Мукачевской. Унгваръ 1893-ій 8°, VIII+232 стр., и любопытная замѣтка того же Верхратскаго о происхожденіи имени «Бойки» (591—594 стр. Woher stammt der Name Бойки?) Авторъ начинаетъ съ того, что, тогда какъ гуцулы не стыдятся своего имени и съ гордостью даже заявляютъ «Я гуцулъ»,—лемки (отъ слова: лемъ=лишь, только) и бойки обижаются, когда ихъ такъ называютъ, и даже стараются обратить свое непріятное прозвище на другихъ. Если бойковъ спросить: «Вы—бойки?», получите отвѣтъ: «Мы—русины; бойки коло Львова». Изъ этого авторъ дѣлаетъ заключеніе, что въ этомъ названіи кроется что то обидное, какая-то насмѣшка, издѣвательство: Der Name «Бойки» so wie «Лемки» einer Neckerei seinen Ursprung verdankt, т. е. имя *Бойки*, какъ и *Лемки*, обязаны своимъ происхожденіемъ насмѣшкѣ.

Но отъ какого слова произошло это названіе, какова его семазіологія? По словамъ автора, въ нарѣчіи Бойковъ имѣется слово *бойе*—да, такъ, именно такъ; эта утвердительная частица не суще-

ствуетъ въ другихъ червонорусскихъ говорахъ и, можетъ быть, стоитъ въ связи съ частицами: *або*, *ба*, *ба—ба*. Предположеніе это тѣмъ вѣроятнѣе, что бойки очень чувствительны къ этимъ своимъ словечкамъ и не употребляютъ ихъ при сношеніяхъ съ лицами другихъ народностей, даже галицко-русской, но другой разновидности, очевидно, изъ опасенія насмѣшекъ... Нѣчто подобное наблюдалось, какъ извѣстно, и въ древней Греціи, гдѣ къ беотянамъ относились такъ-же насмѣшливо и употребляли разныя смѣшныя прозвища.

Въ томѣ 17 (1895 г.) находимъ обширную статью О. Броха объ угрорусскомъ нарѣчіи «Zum klenrussischen in Ungarn (320—416 стр.)» и отзывъ г. Мурка (270—278 стр.) о книжкахъ А. Колессы «Украинскі народни пісні въ поэзіяхъ Богдана Залеского» и «Шевченко и Мицкевичъ», а въ томѣ 18 (1896 г.)—статью А. Колессы о діалектологическихъ признакахъ въ южно-русскомъ литературномъ памятникѣ «Житіе св. Саввы» (203—228 и 473—523 стр.).

Въ 19 томѣ (1897 г.) имѣются, въ дополненіе къ вышеупомянутой статьѣ, новыя замѣтки О. Броха объ угрорусскомъ нарѣчіи (1—22 стр.), затѣмъ интересная критическая статейка А. Брюкнера (188—202 стр.) о литературныхъ памятникахъ, относящихся къ литовско-русскому церковному соединенію (Die russich—litauische Kirchenunion ûnd idd ihre literarischen Denkmäler); изъ русскихъ книгъ между прочимъ разсмотрѣны работы Марковскаго «Антоній Радивиловскій 1894 г. Кіевъ», Недѣльскаго «Уніатскій митрополитъ Левъ Кишка». Вильно 1894 г.

Архангельскаго: Борьба съ католичествомъ и западнорусская литература конца 16—перв. полов. 17 в. М. 1888 г., Голубева: «Памятники литературной полемики православныхъ съ латино-уніатами, Студинскаго: Перестерога, памятникъ 17 в. истор. литерат. студія. Львовъ 1895 г. и нѣк. друг.

Наконецъ назовемъ статью Е. Щепкина о Несторѣ лѣтописцѣ (498—554 стр. Zur Nestorfrage) и Ягичеву оцѣнку (230—240 стр.) книги Филевича «Исторія древней Руси» Варшава, 1896 г.

Въ томѣ 20 (1898 г.) укажемъ обширную статью Е. Щепкина о Лжедимитріи (224—325 стр. Wer war Pseudodemetrius?) и критическія статьи Ягича (151—152 стр.) о великорусскихъ пѣсняхъ, изд. А. Соболевскимъ, 343—367 стр., его же, совмѣстно съ Вондракомъ, о книгѣ Т. Флоринскаго: «Лекціи по славянскому языкозна-

нію»), Нахтигаля (124—151), о книгѣ Геца «Geschichte der slawenapostel»)—Исторія славянскихъ апостоловъ.

Библіографическая часть въ журналѣ поставлена образцово; если не всегда достаетъ полноты обзоровъ, зато это обстоятельство съ успѣхомъ вознаграждается замѣчательною обстоятельностію ихъ и дѣльностью. Редакція статей безупречна и вызываетъ невольно глубокое уваженіе къ трудолюбію и даровитости ученаго руководителя журнала

А. С—чъ.

Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи *Т. I. М. 1897. Стр. XXIII+570. Ц. 3 р.*

Настоящимъ томомъ администрація моск. архива м-ва юстиціи начинаетъ новое архивное изданіе, въ которомъ предполагается «печатать по мѣрѣ открытія архивный матеріалъ научнаго значенія и особенно документы, представляющіе собою типичные формы древнихъ актовъ, еще не опубликованныхъ». Для даннаго тома документы выбраны изъ литовской метрики и редактированы г. Довнаромъ-Запольскимъ. Документы эти относятся къ XVI вѣку (до 1569 г.) и касаются частью исторіи сеймовъ, частью экономическаго быта различныхъ мѣстностей, а частью землевладѣнія служивыхъ людей. Многіе изъ документовъ относятся и къ южной Руси, какъ напримѣръ нѣкоторые изъ сеймовыхъ документовъ, а также записи земельныхъ дачъ в. кн. Казимира и описаніе границы Литовскаго государства съ вел. княжествомъ Московскимъ. Послѣднее является драгоцѣннымъ матеріаломъ для топографіи и исторіи поселеній Сѣверщины въ одинъ изъ самыхъ темныхъ періодовъ ея исторіи. Изданіе снабжено указателями географическимъ, личныхъ именъ и предметнымъ. Нельзя не пожелать, чтобы Литовская Метрика, заключающая въ себѣ столь цѣнные матеріалы для исторіи западной и южной Руси, стала наконецъ путемъ изданій, подобныхъ изданію Архива М-ва Юстиціи, доступной большему числу изслѣдователей.

Т. Н.

Русскія лѣтописи. I—III. 1) Лѣтописецъ патр. Никифора. 2) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго. 3) Хроника Русская (лѣтописецъ вкратцѣ) проф. И. Даниловича. *По рукописи, принадлежащей Н. П. Никифорову. Съ пред. Сергѣя Бѣлокурова. (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. Рос. 1898, IV).*

Три помянутыя въ заглавіи лѣтописи найдены въ рукописномъ сборникѣ конца XV в. изъ собранія Н. П. Никифорова (въ г. Горбатовѣ, Нижегород. губ.).

Лѣтописецъ патр. Никифора по рукописи г. Никифорова отличается отъ изданнаго ранѣе текста вставками изъ Амартола. *Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго,* изданный въ 1851 г. кн. М. А. Оболенскимъ по рукописи моск. главн. архива м. и. д., до сихъ поръ былъ извѣстенъ только въ одномъ этомъ спискѣ. Списокъ г. Никифорова не полонъ и обрывается на 6415 г. Оба списка очень близки другъ къ другу.

Списокъ третьей лѣтописи, изданной проф. Даниловичемъ, польскимъ шрифтомъ, съ ошибками и пропусками, по рукописи, нынѣ исчезнувшей, является въ настоящее время единственнымъ и даетъ возможность возстановить чтеніе мѣстъ, искаженныхъ въ изданіи Даниловича. Нѣкоторыхъ листовъ въ рукописи г. Никифорова не достаетъ, и эти мѣста въ настоящемъ изданіи перепечатаны съ изданія Даниловича.

Изданіе снабжено обширнымъ предисловіемъ (стр. 1—52), примѣчаніями и фототипнымъ снимкомъ съ двухъ листовъ рукописи г. Никифорова.

Н. Т.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

— *Списокъ населенныхъ мѣстъ Херсонской губерніи и статистическія данныя о каждомъ поселеніи.* Секретаря херс. губ. стат. комит. В. Гошкевича. Херсонъ 1896. 406 стр. (См. «Югъ», № 305).

— *П. А. Кулишъ. Біографическій очеркъ. Б. Гринченко.* Черниговъ 1899. 8 д. л. 43 стр. (Прилож. къ вып. 1-му „Земск. Сборн." Черниг. губ. за 1899 г.). Кромѣ біографическихъ свѣдѣній, статья представляетъ попытку оцѣнки Кулиша, какъ литератора и обществен-

наго дѣятеля. Статья требуетъ фактическихъ поправокъ. Напр., извѣстный польскій *литераторъ* Мих. Грабовскій почему-то названъ—историкомъ, а *коллекціонеръ* Конст. Свидзинскій—этнографомъ... Псевдонимъ «Марко Вовчокъ» приписанъ Аф. Вас. Марковичу, тогда какъ этотъ псевдонимъ принадлежитъ женѣ послѣдняго. Хуторъ, о которомъ говорится на стр. 11-й, находился въ Лубенскомъ уѣздѣ и «живя въ этомъ хуторѣ», К—шъ едва ли могъ тамъ познакомиться съ С. Т. Аксаковымъ... Брошюры—„метелики" издавалъ не К—шъ, а Д. С. Каменецкій. Не справедливо заключеніе, что будто бы „Основа„ не могла существовать съ тѣми ограниченными силами, какія имѣлись на лицо..." и что будто бы безъ Кулиша „Основа" „врядъ ли пошла бы дальше 3—4 книжекъ перваго года...". Силы были и не малыя, какъ можно видѣть изъ перечня статей „Основы", *но не было порядка въ администраціи журнала....* К—шъ не всецѣло сотрудничалъ въ Основѣ, такъ какъ уже съ лѣта 1863 г. онъ началъ, напр., печатать большую свою историческую статью въ «Вѣстникѣ» Говорскаго. Хотя можетъ быть К—шъ «исторію Малороссіи зналъ не хуже Костомарова», но книги К—ша по «исторіи Малороссіи» лишены научнаго значенія... К—шъ служилъ въ не «Западномъ краѣ», а въ Царствѣ Польскомъ, въ тамошнемъ «учредительномъ комитетѣ».

— *Въ Дебряхъ Полѣсья. (Очерки и наблюденія) А. Липранди.* Наблюдатель, янв., стр. III—137, и февр., стр. 96—79. Здѣсь между прочимъ читаемъ: «Нигдѣ, вѣроятно, народъ не хранитъ такъ упорно своихъ преданій, суевѣрій, сказаній и обрядовъ, какъ въ глухихъ дебряхъ Полѣсья, гдѣ весь складъ жизни особенно благопріятельствуетъ живучести вѣковыхъ традицій. Вся жизнь полѣсскаго крестьянина обставлена особыми традиціонными вѣрованіями; не только важныя событія, но и самыя незначительныя перемѣны въ жизни имѣютъ здѣсь свою особую суѣверную обрядность, неизмѣнно охраняемую вѣками и переходящую отъ поколѣнія къ поколѣнію... Въ Полѣсьи и теперь еще встрѣчаются такія патріархальныя, деревни и села, какихъ нигдѣ уже, вѣроятно, нельзя встрѣтить. Расположенныя среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ, и недоступныя внѣшнему вліянію, они представляютъ собою медвѣжьи углы, гдѣ все находится въ первобытномъ, полудикомъ состояніи. Здѣсь вы можете видѣть вѣками сложившіеся традиціонные обычаи и порядки бытовой жизни полѣсскаго крестьянина..." Засимъ авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ полѣсскихъ пережитковъ. Вотъ одинъ изъ нихъ. «Проѣзжая

по глухой части Овручскаго уѣзда, въ одномъ изъ селъ, я былъ остановленъ стеченіемъ разряженнаго народа, запрудившаго всю улицу. Проѣздъ былъ загороженъ, и я невольно сдѣлался свидѣтелемъ одного изъ наиболѣе своеобразныхъ полѣсскихъ обычаевъ. Я увидѣлъ посерединѣ улицы ярко пылающій костеръ, окруженный нарядными дѣвушками; среди общаго хохота и отчаяннаго визжанія разбитой скрипки и брянчанья бубна,—изъ толпы дѣвушекъ выдѣлилась одна, съ вѣнкомъ цвѣтовъ на головѣ и низко спускающимся бѣлымъ платкомъ. Устремивъ стыдливо глаза въ землю, она быстро начала перебѣгать взадъ и впередъ чрезъ пылающій костеръ.

— Что это значитъ?—началъ разспрашивать я, удивленный этимъ зрѣлищемъ.

— А то молоду везуть до церкви вѣнчаться,—отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ крестьянинъ.

— Такъ зачѣмъ же вся эта исторія, если ее везутъ въ церковь вѣнчаться?

— А то такъ ще съ дидовъ у насъ робыться,—отвѣтило мнѣ уже нѣсколько голосовъ.

Изъ дальнѣйшихъ объясненій я узналъ, что это одинъ изъ свадебныхъ обычаевъ Полѣсья. Чтобы узнать, сохранила ли невѣста дѣвственность до замужества, ее передъ тѣмъ, какъ вести въ церковь, заставляютъ пройти нѣсколько разъ черезъ огонь, который, по понятіямъ полѣщуковъ, непремѣнно долженъ обжечь дѣвушку, рѣшившуюся на такое испытаніе, не будучи цѣломудренной. Въ недавнее еще время, обряду этому придавалось большое значеніе и, по разсказамъ стариковъ, дѣвушка, которой до свадьбы не удалось сохранить невинность, ни за что не рѣшалась на огненное испытаніе". Не менѣе интересенъ тутъ же разсказанный пережитокъ о „перепеченіи" новорожденныхъ дѣтей.

— *Неизвѣстное полемическое сочиненіе противъ папскихъ притязаній въ юго-западной Россіи (1633 г.) С. Т. Голубева.* Труды Кіевск. Дух. Акад., февраль, 300—342. Свѣдѣніе о содержаніи рѣдкой брошюры—«Rzym albo stolica Rzymska i eśli co ma do praw Korony Polskiey y W. X. Litewskiego politickich, krotkie uważenia, roku 1633 stanom koronnym na seym koronaticy podane».

— *Дача Кіево-Братскаго монастыря, Церковщина. П. А. Лашкарева.* Тамъ-же, мартъ, 473—481. Здѣсь находился, по мнѣнію автора, Гнилецкій монастырь.

— *Сонъ Богородицы.* (*Изъ народной литературы*). «Живое Слово», (Львовъ), февраль, 111—114. Молитва, распространенная въ апокрифической литературѣ подъ именемъ *Сонъ Богородицы* въ южно-русскихъ ея текстахъ была предметомъ подробнаго историко-литературнаго обозрѣнія, принадлежащаго покойному Ф. Г. Лебединцеву (Руков. для Сельскихъ Пастырей, 1860 г., № 5, 103—119), пришедшему къ заключенію, что этотъ памятникъ «по всей вѣроятности перешелъ къ намъ изъ запада». Въ журналѣ г. Яворскаго напечатано, въ малорусскомъ текстѣ, пять варіантовъ *сна*, записанныхъ въ Галиціи.

— *Очеркъ народныхъ говоровъ Воронежской губерніи, К. Филатова.* Русск. Филолог. Вѣстн. 1898 г., Здѣсь послѣ обозрѣнія великорусскихъ говоровъ, помѣщена «характеристика малорусскихъ говоровъ» (№ 1—2, стр. 207—230) и приведены образцы малорусскихъ пѣсенъ (№ 3—4, стр. 37—52), записанныхъ въ Богучарскомъ и Острожскомъ уу.

— *Черты изъ жизни И. С. Тургенева. Б. Батуринскаго.* Ист. Вѣстн., мартъ, 887). Здѣсь читаемъ слѣдующее. «Въ воспоминаніяхъ М. П. Д—ва, напечатанныхъ въ 1885 г. въ итальянск. журн. Rivista Politica e Litteraria», между прочимъ, говорится, что когда Тургеневъ завелъ съ Д—мъ разговоръ объ Украинѣ, то выражалъ сожалѣніе, что ему не удалось ближе познакомиться съ этою страною и населеніемъ ея, рѣдкія встрѣчи съ которымъ возбудили въ немъ горячія симпатіи; памятникомъ этихъ симпатій являются въ его романахъ: Маша въ повѣсти «Затишье» и Михалевичъ въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ».—«У малороссовъ, говорилъ Тургеневъ, есть особый видъ идеализма и твердости, крайне симпатичный по сравненію съ великорусскими утилитаризмомъ и распущенностью....»

— *Изъ воспоминаній М. М. Лазаревскаго о Т. Г. Шевченкѣ.* Русск. Арх., апрѣль, 643—647. Извлеченіе изъ этой статьи будетъ помѣщено въ слѣдующей книжкѣ К. Ст—ны.

— Въ этой же книжкѣ Русск. Арх., стр. 674, напечатанъ *универсалъ кн. Меншикова 1720 г.*, почепскому священнику Григорію Шеленговскому [1]) на земли около м. Почепа.—Универсалъ этотъ былъ уже раньше напечатанъ въ *Обозр. Румянц. Описи*, стр. 605.

---

[1]) А не Шелендовскому, какъ напечатано въ Р. Арх., гдѣ, какъ видно, при чтеніи документа—лат. g принято за русское д. Извѣстно, что при написаніи словъ, гдѣ буква г должна была произноситься какъ лат. g, а не какъ h, въ Малороссіи встарину употребляли лат. g. *Ред.*

— *Городъ Новгородъ-Сѣверскій, его прошлое и настоящее. М. Ркмицкаго.* Земск. Сборн. Черниг. губ. 1899 г., № 1, стр. 39—69. Кромѣ компилятивнаго историческаго очерка, приведены интересныя цифровыя свѣдѣнія «о распредѣленіи населенія г. Н.—С—ка по занятіямъ его жителей».

— *Письма Т. Г. Шевченка къ Я. Г. Кухаренку.* Кубанск. Вѣд., №№ 74 и 82. Здѣсь помѣщено семь (непечатанныхъ) писемъ Т. Г. Ш—ка, 1842—1857 г.г. Подробно объ этихъ письмахъ будетъ сказано по окончаніи ихъ печатанія.

— Въ «Journal des Debats» этого года (16-го апр.) напечатана статейка «Taras Chevtshenko», съ псевдонимной подписью «Ivan Strannik», въ которой послѣ вступленія, описывающаго въ самыхъ нѣжныхъ краскахъ природу Малороссіи, авторъ пересказываетъ общеизвѣстные у насъ факты ихъ жизни Т. Г. Шевченка и затѣмъ передаетъ содержаніе его поэмы «Наймычка», которую онъ считаетъ безъ сомнѣнія однимъ изъ найболѣе характерныхъ произведеній поэта. Упомянувъ, далѣе, о «Гайдамакахъ», «Русалкѣ» и сдѣлалъ краткую, но очень симпатичную, характеристику всѣхъ произведеній Шевченка, авторъ даетъ прозаическій переводъ второй половины стихотворенія поэта «Хатына», начиная со словъ:

А я такъ мало, небагато
Благавъ у Бога—тилько хату.

Переводъ сдѣланъ, хотя и не вездѣ близко къ подлиннику, но вполнѣ удачно. Въ иныхъ мѣстахъ, конечно, автору не возможно было на французскій языкъ точно перевести такія слова и выраженія, какъ «безталанную мою, мою Оксаночку» (ma pauvrette cherie, ma petite Oksana), «ланы золотополи» (les vallèes); строчка-же «туманъ на ланъ не прожене» совсѣмъ осталась непереведенной. Единственный упрекъ можно сдѣлать автору за то, что онъ не понялъ выраженія «думу сумную, *днедавну*» (старинную, давнюю днями) и передалъ его словами «la légende tèrrible et rècente», т. е. *свѣжую, недавнюю.*

— Въ «Сынѣ Отеч.» (№ 104) помѣщено извѣстіе г. С. Е—мова о томъ, что изъ Кіева поданъ на дняхъ въ главн. управленіе по дѣламъ печати сборникъ произведеній Пушкина въ переводѣ на украинскій языкъ. Въ сборникѣ этомъ кромѣ старыхъ переводовъ («Полтава», «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ» и мелк. стихотв.) вошло много новыхъ, какъ-то: «Борисъ Годуновъ», «Скупой рыцарь», «Моцартъ

и Сальери» и около 30-ти лирическихъ стихотвореній. Въ этомъ же извѣстіи приведены нѣкоторыя поправки къ замѣткѣ г. Драганова о малорусскихъ переводахъ произведеній Пушкина, при чемъ указывается, что переводовъ на малорусскій языкъ «Цыганъ», «Поэта» и «Пророка» вовсе не существуетъ. Согласно замѣчаніямъ г. Е—мова должна быть исправлена и пополнена и наша замѣтка, помѣщенная въ этой книжкѣ на стр. 65-й II-го отдѣла.

Въ редакцію поступили для отзыва.

— *П. С. Смирновъ. Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ.* Изслѣдованіе изъ начальной исторіи раскола по вновь открытымъ памятникамъ, изданнымъ и рукописнымъ. С.-Петербургъ 1898. 8 д. л. CXXXIV+237+121 стр. Ц. 3 рубля.

— *Herbarz Polski. Wiadomosci historycsno-genealogiczne o rodach szlacheckich. Ułożył i wydał A. Boniecki. Warszawa 1899.* Первые два выпуска, 70 стр. *Aron—Badeniowie.* Ц. вып. 75 коп.

Археологическая лѣтопись.

Ученыя общества.

Въ засѣданіи Историческаго Общества Нестора Лѣтописца, происходившемъ 11-го апрѣля, предсѣдателемъ общества *проф. В. Б. Антоновичемъ* было сдѣлано сообщеніе *«О мѣстоположеніи лѣтописнаго г. Шумска»*. Г. Шумскъ (теперь мѣстечко Кременецкого у. Волынской губ.) въ княжескій періодъ нашей исторіи являлся однимъ изъ видныхъ городовъ Волынскаго княжества; лѣтописныя извѣстія о немъ тянутся на протяженіи 150-ти лѣтъ, отъ половины XII до конца XIII в.; одно время Шумскъ съ прилежащей къ нему областью былъ удѣльнымъ княжествомъ—въ числѣ князей, погибшихъ въ битвѣ при Калкѣ упоминается и шумскій князь Святославъ. Описавъ топографическое положеніе г. Шумска, лежавшаго въ области, de jure принадлежавшей Луцкому княжеству, но de facto служившей предметомъ притязаній и со стороны другихъ княжествъ, какъ напр. Кіевскаго и Галицкаго, изложивъ затѣмъ вкратцѣ исторію какъ этой области, такъ и г. Шумска, въ княжескій, литовскій и позднѣйшій періоды, проф. Антоновичъ перешелъ къ описанію тѣхъ остатковъ старины, которые имѣются въ современномъ Шумскѣ. Всѣ три періода, на которые раздѣляется исторія Шумска, оставили послѣ себя слѣды; но главный интересъ представляетъ вопросъ: гдѣ именно находился лѣтописный г. Шумскъ? Теперешній Шумскъ расположенъ въ котловинѣ, на берегу рѣки Виліи, притокѣ Горыни; въ самомъ мѣстечкѣ есть два городища: одно на полуостровѣ, другое на берегу пруда; первое относится къ позднѣйшему времени—здѣсь находился дворецъ однихъ

изъ позднѣйшихъ владѣльцевъ Шумска—кн. Радзивилловъ, второе, судя по формѣ сохранившихся укрѣпленій, принадлежитъ литовскому періоду; да и мѣстоположеніе означенныхъ городищъ указываетъ на ихъ болѣе позднее происхожденіе—оба они лежатъ на низменной мѣстности, городища-же княжескаго періода обыкновенно занимаютъ возвышенное положеніе; противъ принадлежности ихъ къ княжескому времени говорятъ и малые размѣры городищъ, лѣтописный-же Шумскъ былъ повидимому довольно большимъ городомъ. Мѣсто послѣдняго обнаружено немного всторонѣ отъ теперешняго Шумска: на разстояніи $^3/_4$ версты отъ мѣстечка, на возвышенномъ берегу Кумы, притока Виліи, между сс. Онышковцы и Брыковъ, лежитъ обширное городище, носящее всѣ признаки княжескаго времени. Городище довольно обширное, одну сторону его составляетъ высокій берегъ р. Кумы, двѣ другія—впадающіе въ долину рѣки овраги, со стороны-же поля, а также по краямъ естественныхъ укрѣпленій насыпанъ цѣлый рядъ учащенныхъ параллельныхъ валовъ, высота которыхъ и въ настоящее время достигаетъ двухъ метровъ,—это и есть лѣтописный г. Шумскъ. Возлѣ городища имѣются курганы, на самомъ-же городищѣ обнаружена также и стоянка каменнаго вѣка.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки кургановъ въ окрестностяхъ г. Тирасполя, Херсонской губ. Въ теченіи февраля мѣсяца нынѣшняго года г. Стемпковскимъ продолжались начатыя раньше раскопки возлѣ г. Тирасполя. На терновской землѣ, въ 5 верстахъ отъ города, вскрытъ былъ небольшой курганъ; въ курганѣ оказались двѣ могилы, расположенныя рядомъ, вырытыя въ направленіи с.-з.—ю.-в. Въ одной могилѣ былъ погребенъ человѣкъ, а въ другой—его вѣрный другъ—конь. При скелетѣ лошади найдены и принадлежности сбруи: желѣзныя стремена, удила и украшенія отъ сѣдла. Могила человѣка оказалась глубиной болѣе сажени. Человѣкъ погребенъ былъ безъ гроба, но обложенъ бревнами. Онъ былъ положенъ на спинѣ, головой на сѣверо-западъ съ правильно протянутыми ногами. На лѣвой сторонѣ груди покойника лежала орнаментированная серебряная мисочка. На лѣвомъ колѣнѣ найдены остатки колчана изъ березовой коры и въ нихъ нѣсколько желѣзныхъ стрѣлъ ромбоидальной формы. Одежда

на покойникѣ совершенно истлѣла и сохранились только кусочки ея—на груди, подъ серебряной мисочкой; судя по этимъ кусочкамъ, одежда была шелковая.

Болѣе древнее погребеніе встрѣтилось въ другомъ курганѣ. Центральная могила въ немъ оказалась разграбленной кладоискателями. Ускользнула отъ вниманія грабителей другая могила подъ той-же насыпью: въ ней лежалъ скелетъ человѣка. Положенъ былъ въ могилу покойникъ на спинѣ съ протянутыми руками и ногами. Вблизи него найдены три бронзовыя пирамидальныя стрѣлки скифскаго типа, а у головы кучка бараньихъ костей и между ними желѣзный ножъ съ костяной рукояткой.

Остальныя насыпи въ той же мѣстности, вскрытыя въ послѣднее время г. Стемпковскимъ, заключали въ себѣ могилы древнѣйшаго населенія нашего края: покойники въ нихъ лежали согнутыми, вещей при нихъ, кромѣ грубой выдѣлки горшковъ, никакихъ не найдено. Нѣкоторые скелеты покрыты краснымъ налетомъ, причемъ красящее вещество проникло и въ самыя кости.

Всѣ вещи, добытыя этими раскопками, вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ устройства насыпей и могилъ, доставлены въ херсонскій археологическій музей. („Югъ").

—

Изслѣдованія стоянки палеолитической эпохи, обнаруженной въ усадьбѣ Зайцева, по Кирилловской ул. въ г. Кіевѣ, продолжались въ теченіе всей истекшей зимы и начала весны. За послѣднее время обнаружена масса костей, главнымъ образомъ мамонта, слѣды кострищъ и отбивныя кремневыя орудія. При съемкѣ верхней части горы, у подошвы которой лежитъ палеолитическая стоянка, открыта пещера, вырытая въ лёсѣ, имѣвшая 75 стм. въ вышину. На стѣнѣ этой пещеры обнаружены какіе-то знаки, имѣющіе видъ письменъ. Пока трудно еще рѣшить къ какому времени относятся эти знаки; пещеры въ лёсѣ, каковыми изобилуетъ нагорный берегъ днѣпровской долины, служили жилищемъ первобытному человѣку неолитической эпохи каменнаго вѣка,—немножко смѣло будетъ относить къ этой эпохѣ и новооткрытыя „письмена"; нужно имѣть въ виду, что пещерами этими, особенно въ раіонѣ г. Кіева, зачастую пользовались и въ позднѣйшее время, такъ напр. ихъ приспособляли для цѣлей пустынножительства, предварительно конечно расширивъ, давали онѣ пріютъ и разному бездомному люду и въ самое послѣднее время; нѣсколько

лѣтъ тому назадъ, при осмотрѣ такого рода пещеръ, лежащихъ по-сосѣдству съ вышеописанной, въ одной изъ нихъ мы набрели на остатки, имѣющіе очень мало общаго съ археологіей; тутъ валялись бутылка отъ водки, объѣдки, какія-то тряпки и т. п.—повидимому слѣды недавняго пиршества послѣ дѣлежки...

—

Раскопки на городищѣ «Княжа Гора». Въ среднихъ числахъ апрѣля составителемъ настоящей лѣтописи были произведены раскопки на сѣверномъ склонѣ городища. Прежними раскопками этотъ склонъ не былъ затронутъ, интересъ-же онъ представляетъ большой. На всемъ пространствѣ поверхности его, имѣющей видъ то крутыхъ обрывовъ, то покатостей, то небольшихъ площадокъ, лѣтъ 6 тому назадъ были замѣтны цѣлые ряды воронкообразныхъ и продолговатыхъ углубленій; судя по аналогіи съ раньше раскопанными такими углубленіями, они представляютъ изъ себя остатки жилищъ княжескаго періода. Въ настоящее время, съ переходомъ Княжей Горы въ собственность крестьянъ, весь этотъ склонъ гдѣ можно распаханъ, въ другихъ-же мѣстахъ раскопанъ, какъ съ сельско-хозяйственными цѣлями, такъ и съ цѣлью добычи древностей. Благодаря всему этому, поверхность этого склона сильно измѣнила свой видъ, слѣды жилищъ частью совсѣмъ уничтожены, частью едва замѣтны.

Раскопки произведены въ средней части склона; были намѣчены три пункта, гдѣ можно было предполагать, что встрѣтятся слѣды жилищъ; изъ нихъ, только въ двухъ послѣднихъ дѣйствительно оказались таковые. Первая „палатка"—такъ окрестные крестьяне называютъ эти остатки жилищъ, оказалась совершенно разрушенной и испорченной безпорядочнымъ рытьемъ кладоискателей, но что здѣсь было жилище, на это указывали встрѣчавшіеся въ землѣ куски пережженной глины—отъ печи и нѣкоторые бытовые предметы, какъ напр. черепки посуды и хорошо сохранившееся желѣзное долото. Ниже этой, на уступѣ, открыта другая „палатка", сохранившаяся почти въ цѣломъ видѣ; немного разрушена лишь передняя часть этого жилища, выходившая къ обрыву, гдѣ повидимому былъ и входъ въ жилище. Послѣ очистки отъ навалившейся сверху и съ боковъ земли, раскопанное мѣсто имѣло слѣдующій видъ: въ склонѣ горы находилось четыреугольное углубленіе, задняя стѣнка котораго имѣла вышины 1,3 метра, боковыя-же сходили къ передней на нѣтъ; длина четыреугольника 3,3 м., ширина 2,9 м., но, повидимому, ширина была больше,

такъ какъ передняя часть жилища частью уничтожена или сползла внизъ. Низъ этой площадки въ древности былъ смазанъ глиной—части этой смазки—„доливки“ сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Съ правой стороны, ближе къ передней части, на этомъ земляномъ полу возвышалось на 0,5 м. основаніе разрушившейся глинобитной печи; основаніе это неправильной круглой формы, состоитъ изъ пережженной глины; хорошо сохранился сподъ печи,—онъ гладко смазанъ, на немъ лежали черепки посуды, зола и угли. Въ лѣвомъ заднемъ углу землянки стоялъ прислоненный къ стѣнѣ жерновъ изъ кирпичной массы и возлѣ него желѣзный ножикъ, тесло, въ видѣ желѣзной лопатки, родъ желѣзнаго сверла, брусокъ, гвозди, глиняная небольшая мисочка и кусочекъ стеклянаго браслета. Въ правомъ заднемъ углу стоялъ у стѣны камень, поставленный торчкомъ, и возлѣ него другой небольшой камень. Вдоль задней стѣны обнаружены куски сосновой обугленной балки, б. м. поддерживавшей крышу. Если возстановить разрушенныя части этого жилища, то оно будетъ имѣть видъ полуземлянки, довольно большихъ размѣровъ, сравнительно съ тѣми землянками, остатки которыхъ обнаружены на хребтѣ горы во время прежнихъ раскопокъ; помѣщеніе было несомнѣнно тѣснымъ и неудобнымъ, но съ этимъ приходилось мириться русскимъ поселенцамъ половины XIII вѣка, жившимъ на окраинѣ Кіевскаго княжества въ близкомъ сосѣдствѣ съ дикими степняками.

Раскопки на Княжей Горѣ будутъ продолжаться въ теченіе всего лѣта.

—

Завѣдующій Артиллерійскимъ Музеемъ въ С.-Петербургѣ *Н. Е. Бранденбургъ*, производящій ежегодно раскопки на югѣ Россіи, находится въ настоящее время въ *с. Пастерскомъ*, *Чигиринскаго у.* и приступаетъ къ раскопкамъ находящагося здѣсь городища, частью уже раскопаннаго прошлымъ лѣтомъ (см. Арх. лѣт. за январь).

Случайныя находки.

Молотовскій кладъ. Въ Восточной Галиціи, у с. Демидова, составляющаго часть с. Молотова (возлѣ Мыколаева надъ Днѣстромъ), года три тому назадъ былъ найденъ очень интересный кладъ, поступившій въ настоящее время въ музей Львовской Ставропигіи. Въ XXV

томѣ «Записокъ Наукового Товариства Імени Шевченка» помѣщена статья М. Грушевскаго, посвященная подробному описанію клада, и приложена таблица, изображающая нѣкоторые предметы его. Считаемъ умѣстнымъ, на основаніи этой статьи, дать краткія свѣдѣнія о Молотовскомъ кладѣ. Кладъ состоялъ изъ 15-ти серебряныхъ украшеній и 65-ти монетъ; монеты—большіе и малые чешскіе гроши Вячеслава II (1278—1305) и Іоанна I Люксембургскаго (1311—1346). Такимъ образомъ кладъ оказался датированнымъ. Среди украшеній находились слѣдующіе предметы. Широкій браслетъ, состоящій изъ двухъ половинокъ, соединенныхъ шарниромъ; поля каждой половины раздѣлены арками на три части; въ средней аркѣ одной половины помѣщено схематическое гравированное изображеніе цвѣтка, въ такой-же аркѣ другой половины—стоящая фигура человѣка, повидимому охотника; въ боковыхъ аркахъ обѣихъ половинокъ выгравированы схематическія изображенія птицъ. Типъ такого рода браслетовъ давно извѣстенъ по находкамъ княжескаго времени; совершенно подобные браслеты были найдены напр. въ кладахъ Кіева и Чернигова. Кромѣ этого браслета въ кладѣ имѣются двѣ пары браслетовъ изъ спирально согнутой узкой серебряной полосы—типъ, извѣстный по находкамъ болѣе древнихъ періодовъ, среди-же предметовъ княжескаго періода встрѣчающійся въ первый разъ. Далѣе, въ кладѣ находились двѣ пары серегъ т. н. кіевскаго типа, съ тремя шариками на кольцахъ, причемъ особенность одной пары состоитъ во томъ, что шарики имѣютъ не круглую, а продолговатую, боченкообразную форму; три перстня со щитками, на которыхъ вырѣзаны печати; на каждой изъ нихъ въ срединѣ помѣщено схематическое изображеніе птицы и круговыя надписи: печат+канска и печат+скочкова, на третьемъ перстнѣ надпись не разобрана, буквы ея напоминаютъ глаголицу; кольцо изъ скрученной проволоки; перстень съ геометрическимъ орнаментомъ и наконецъ, перстень съ гнѣздомъ для камня (самого камня не сохранилось). Въ концѣ своей статьи г. Грушевскій даетъ слѣдующую характеристику этой находки: «молотовская коллекція имѣетъ очень типичный характеръ; мы въ ней имѣемъ цѣлый рядъ предметовъ, характерныхъ для старо-русскаго, развившагося подъ византійскимъ и сосѣдними вліяніями, искусства т. н. княжеской эпохи. Молотовская находка показываетъ, съ одной стороны, еще разъ, что и западная окраина украинско-русской земли входила въ кругъ этого искусства, съ другой стороны—что это искусство

было еще въ силѣ у насъ въ XIV в. и заглохло, вѣроятно, благодаря новымъ вліяніямъ, какія принесли съ собой XIII—XV вв.: это были западныя вліянія, но отличныя отъ прежнихъ, и еще больше—перевѣсъ западной культуры».

—

Съ городища «Княжа Гора» за истекшій мѣсяцъ получено много новыхъ интересныхъ находокъ. Изъ числа ихъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить средней величины ($5^1/_4$—4 стм.) четыреугольную съ полукруглымъ верхомъ иконку изъ темно-сѣраго, почти чернаго, сланца, очень хорошей сохранности и тончайшей работы. На ней изображено «Распятіе съ предстоящими» и съ двумя полуфигурами скорбящихъ архангиловъ; общая композиція всей сцены и рисунокъ отдѣльныхъ фигуръ не оставляютъ желать ничего лучшаго по своей правильности и изяществу; платье на всѣхъ фигурахъ, нимбы и всѣ контуры креста покрыты тончайшимъ орнаментомъ. Съ лѣвой стороны распятія помѣщена фигура Богородицы, держащей въ лѣвой рукѣ, приложенной къ лицу, убрусъ; съ правой стороны—св. Іоаннъ, приложившій, въ знакъ скорби, правую руку къ лицу, а въ лѣвой держащій евангеліе; подъ крестомъ, на выпукломъ полукругѣ, видно изображеніе человѣческаго лица (глава Адамова или олицетвореніе горы Голгоѳы). Помимо художественнаго, иконка эта представляетъ большой интересъ и въ палеографическомъ отношеніи по находящимся на ней надписямъ. У головы Спасителя и Божіей Матери помѣщены обычныя монограммы Іс—Хс, Nи—Кa и Мр—Ѳv, передъ фигурами архангеловъ находятся вертикальныя надписи: мхаилъ и гврилъ, по сторонамъ св. Іоанна Богослова: о агіос—іωконо. Надписи эти, особенно имена архангеловъ, оканчивающіяся на ъ, положительно указываютъ *на русское* происхожденіе этой замѣчательной иконки, а ея поразительная тонкость и изящество даютъ право на причисленіе ея къ числу chef d'oeuvre'овъ русскаго искусства XII—XIII в. Въ одномъ изъ ближайшихъ номеромъ «Лѣтописи» мы дадимъ изображеніе этой иконки.

Среди другихъ предметовъ религіознаго характера заслуживаютъ вниманія: бронзовая складная панагія, на обѣихъ сторонахъ которой помѣщено грубое изображеніе человѣческой фигуры съ копьемъ (?) въ правой рукѣ; нѣсколько такъ называемыхъ «корсунскихъ» крестиковъ, между которыми есть напр. крестикъ изъ

зеленаго мрамора съ серебряной оковкой, покрытой орнаментомъ чернью, крестикъ изъ сѣраго мрамора съ оковками изъ гладкаго серебра со сканью и большимъ характернымъ ушкомъ, крестикъ изъ lapis—lazuli и агатовый; затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ очень рѣдкихъ крестиковъ—тѣльниковъ, а именно нѣсколько серебряныхъ съ гравированными орнаментами и съ буквами и одинъ изъ блѣднаго золота (электрона) съ гравированными въ срединѣ и на концахъ византійскими крестиками.

Изъ предметовъ бытового характера есть очень много разнаго рода бусъ, перстней и привѣсокъ. Изъ послѣднихъ одна представляетъ особенный интересъ. Общеизвѣстенъ фактъ суевѣрнаго отношенія нашего простонародья къ нѣкоторымъ издѣліямъ каменнаго вѣка и м. п. къ кремневымъ наконечникамъ стрѣлъ; ихъ называютъ «молніиными стрѣлами», «громными стрѣлками», приписываютъ имъ небесное происхожденіе и употребляютъ какъ средство противъ всякихъ недуговъ. Что это суевѣріе существовало на Руси и въ прежнее время, объ этомъ свидѣтельствуютъ различныя поученія, въ которыхъ отводится мѣсто и «громнымъ стрѣлкамъ». Послѣдняя находка на Княжей Горѣ даетъ намъ фактическое доказательство того, что почитаніе такихъ стрѣлъ имѣло мѣсто у насъ въ княжескій періодъ. На Княжей Горѣ найденъ небольшой наконечникъ стрѣлы или остріе изъ чернаго кремня, широкій конецъ котораго оправленъ въ серебро съ очень изящною зернью и ушкомъ для привѣшиванія; характеръ оправы указываетъ на XII—XIII в. Это первая, встрѣтившаяся въ Россіи, находка такого рода. Нѣсколько подобныхъ амулетовъ, относящихся еще къ большей древности, найдено въ другихъ частяхъ Европы, что указываетъ на повсемѣстное распространеніе этого суевѣрія; такъ напр. совершенно подобная нашей кремневая стрѣла, оправленная въ золото и служившая привѣской къ золотому ожерелью, найдена въ Этруріи (хранится въ Британскомъ музеѣ). Нужно при этомъ замѣтить, что на самой Княжей Горѣ открыта стоянка и мастерская каменного вѣка, такъ что очень возможно, что вышеописанная кремневая стрѣлка найдена тамъ-же, на мѣстѣ, позднѣйшими обитателями горы.

Въ заключеніе слѣдуетъ еще упомянуть о находкахъ нѣсколькихъ монетныхъ гривнъ; большинство ихъ—изъ хорошаго серебра, одна-же изъ низкопробнаго; эта послѣдняя обычнаго кіевскаго типа, хотя съ нѣкоторымъ уклоненіемъ отъ общаго образца, отличается она и вѣсомъ—42 зол., слѣдовательно больше обычнаго вѣса на

3—4 зол.; имѣемъ-ли мы въ данномъ случаѣ дѣло со «злою» (поддѣльною) гривною того времени, или съ какимъ-то новымъ монетнымъ знакомъ—сказать пока трудно. (Всѣ перечисленные предметы поступили въ собраніе Н. П. Чернева).

—

По поводу лаврской находки. Находка эта предназначена къ продажѣ. Съ этой цѣлью изданъ «Списокъ старинныхъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ и медалей, принадлежащихъ Кіево-Печерской лаврѣ», на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, гдѣ перечислены монеты и медали находки, причемъ, при обозначеніи монетъ, не обошлось дѣло безъ довольно частыхъ курьезовъ, такъ что этотъ «Списокъ» былъ переизданъ наново и снова не вполнѣ удачно. Но все это мелочи. Ничего не имѣя противъ продажи большинства монетъ этой находки, мы не можемъ вполнѣ уяснить себѣ слѣдующаго обстоятельства: въ списокъ попали и такія рѣдчайшія и единственныя вещи, какъ медаль кн. Константина Острожскаго, нѣкоторыя русскія монеты и т. п. Печатая «Списокъ» и на нѣмецкомъ языкѣ, очевидно имѣлось въ виду распространить свѣдѣнія о находкѣ среди иностранныхъ торговыхъ фирмъ, и дѣйствительно, по газетнымъ извѣстіямъ, въ канцелярію собора лавры уже поступило нѣсколько предложеній отъ заграничныхъ фирмъ, желающихъ пріобрѣсти находку. Не разъ за послѣднее время поднимался вопросъ о томъ, что памятники нашей старины массами вывозятся за границу, на этотъ грустный фактъ было обращено вниманіе и правительствомъ, сдѣланы нѣкоторые шаги по пути ограниченія этого нежелательнаго явленія, свидѣтельствующаго о нашей малокультурности. Поэтому, намъ кажется очень страннымъ, что учрежденіе, которое по характеру своему обязано блюсти старину, употребило всѣ мѣры къ тому, чтобы именно не сохранить эту старину, и поступило такъ, руководствуясь чисто матеріальными разсчетами.

На дняхъ мы узнали, что Министерствомъ Императорскаго Двора командированъ въ Кіевъ для осмотра и оцѣнки лаврской находки извѣстный нумизматъ, хранитель Эрмитажа А. К. Марковъ. Будемъ надѣяться, что благодаря такому обороту дѣла, хотя болѣе рѣдкіе и цѣнные въ научномъ отношеніи предметы находки, если и не останутся въ Кіевѣ, гдѣ бы имъ было самое надлежащее мѣсто, то во всякомъ случаѣ не будутъ вывезены за предѣлы Россіи.

—

Находка клада въ г. Кіевѣ. Въ «Археологической Лѣтописи» за прошлый мѣсяцъ мы указывали на то, что при земляныхъ работахъ могутъ встрѣтиться цѣнныя находки и что на этотъ вопросъ слѣдовало бы обратить вниманіе. Въ настоящее время мы уже имѣемъ свѣдѣнія объ одной такой находкѣ, получившей, какъ и слѣдовало ожидать, не надлежащее назначеніе. У одного изъ мѣстныхъ торговцевъ древностями находится небольшой кладъ, относящійся къ великокняжеской эпохѣ. Кладъ состоитъ изъ трехъ серебряныхъ монетныхъ гривенъ кіевскаго типа, помѣщавшихся въ небольшомъ цилиндрическомъ сосудѣ изъ листовой мѣди—типичномъ для княжескаго времени. Къ сожалѣнію, намъ не удалось добыть болѣе подробныя свѣдѣнія о мѣстѣ и обстоятельствахъ находки; говорятъ, что кладъ найденъ гдѣ-то на Подолѣ, при копаніи ямы.

Музеи и собранія древностей.

Волынское Епархіальное Древлехранилище. О. А. Фотинскій завѣдующій Древлехранилищемъ, любезно сообщилъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о поступленіяхъ въ него за прошлый годъ. Изъ нихъ наибольшій интересъ представляютъ рукописи, переданныя изъ Дерманскаго монастыря. По монастырскому каталогу всѣ почти онѣ значатся дарованными кн. Острожскими и относительно большинства ихъ это очень вѣроятно. Рукописи главнымъ образомъ содержанія богослужебнаго; наиболѣе древней является рукопись, содержащая творенія Діонисія Ареопагита, переводъ аѳонскаго инока серба Исаіи 1370 г. Крайне интересна скорописная приписка на послѣднемъ листѣ этой рукописи, содержащая перечень «епискупій» того времени. Затѣмъ интересно толковое евангеліе, значащееся какъ даръ кн. К. К. Острожскаго и снабженное на поляхъ многочисленными поправками евангельскаго текста. По мнѣнію И. М. Каманина, почеркъ этихъ поправокъ и дописокъ чисто московскій, вслѣдствіе этого можетъ быть поставленъ вопросъ: не служила-ли эта рукопись источникомъ для острожскаго изданія библіи? Далѣе заслуживаетъ вниманія связка актовъ, относящихся къ исторіи Луцкаго Крестовоздвиженскаго братства и во многомъ поправляющихъ и дополняющихъ свѣдѣнія, существующія о Братствѣ въ литературѣ вопроса. Изъ поступленій предметами особенно интересныхъ и оригинальныхъ въ истекшемъ году не было,

можно указать лишь на пріобрѣтенную въ г. Владимірѣ-Волынскѣ свинцовую торговую пломбу княжеской эпохи и на оригинальной, художественной работы старинный рѣзной деревянный крестъ; вообще же нужно замѣтить, что доброхотныя поступленія, прежде довольно обильныя, теперь почти прекратились.

Въ виду этого и полагая, что только путемъ личныхъ объѣздовъ можно пополнять тѣ или другіе отдѣлы собранія и спасти отъ гибели многіе памятники старины, О. А. Фотинскимъ была совершена прошлымъ лѣтомъ поѣздка въ западные уѣзды Волынской губерніи. Хотя поѣздка продолжалась сравнительно короткое время—всего 2 недѣли, но ее нужно считать вполнѣ удавшейся. Цѣлью поѣздки было: 1) обозрѣніе братскихъ древлехранилищъ—Луцкаго и Владиміръ-Волынскаго, 2) изученіе храмовой архитектуры, преимущественно деревянныхъ сельскихъ храмовъ и иконописи и 3) осмотръ церковныхъ библіотекъ и архивовъ. Во время поѣздки были посѣщены гг. Луцкъ, Владиміръ-Волынскъ, Ковель и нѣкоторыя промежуточныя села, а также и м. Полонное. Вотъ краткія свѣдѣнія о положеніи братскихъ музеевъ. Луцкій содержится отвратительно: помѣщается *въ полутемной палатѣ для глазныхъ больныхъ*, предметы размѣщены какъ попало, безжалостно испорчены гвоздями, помѣщеніе сырое. Владимірскій содержится лучше, да и богаче самъ по себѣ; здѣсь масса интересныхъ предметовъ изъ раскопокъ въ Мстиславовомъ храмѣ, «старой каѳедрѣ», нѣкоторыхъ окрестныхъ могильниковъ; есть иконы глубокой древности изъ сельскихъ храмовъ Владимірскаго у., прекрасные образцы древней каменной кладки, памятники быта домашняго, военнаго, хорошая нумизматическая коллекція; все это помѣщено въ витринахъ съ извѣстною системою и вкусомъ; но помѣщается музей въ монастырѣ, въ комнаткѣ, длиной и шириной аршинъ 7—8, въ которой буквально повернуться негдѣ. Довольно затруднителенъ также и доступъ для публики въ оба музея.

Въ осмотрѣнныхъ бѣгло уѣздахъ сохранилось не мало храмовъ, не подвергавшихся значительнымъ передѣлкамъ съ XVI и даже XV вв. Обзоръ ихъ привелъ г. Фотинскаго къ заключенію о господствѣ въ храмовой сельской архитектурѣ двухъ типовъ: храмъ круглый (банное строеніе) и храмъ продолговато-прямоугольный (базилическій). О. А. Фотинскій не считаетъ послѣдняго типа отраженіемъ латинскаго вліянія потому что, во первыхъ, это конструкція самая простая, какая была болѣе всего по плечу нашимъ малоискуснымъ

сельскимъ мастерамъ,—въ сущности это большая хата; во вторыхъ, за древность этой формы говорятъ нѣкоторые сохранившіеся храмы, какъ напр. церковь м. Локачей (Луцк. у.), существующая съ 1509 г. и лишь «подважившаяся на подвалы». Типъ круглаго храма (по мнѣнію г. Фитинскаяго—заимствованный) встрѣчается рѣже, главнымъ образомъ въ городахъ, причемъ формы каменныхъ храмовъ этого типа по конструкціи болѣе просты (г. Луцкъ, с. Озденижъ) и нѣсколько разнообразятся въ храмахъ деревянныхъ (г. Ковель, с. Губинъ, Луцк. у.).

Во время поѣздки г. Фотинскимъ было отмѣчено также нѣсколько древнихъ иконъ, напр. икона собора арх. Михаила въ с. Губинѣ, изображеніе Христа въ чашѣ съ кровью въ м. Локачахъ, мученія св. апостола Іоанна Богослова въ г. Ковлѣ, Страшный судъ и изображеніе Спасителя, раздирающаго Свою рану въ боку въ м. Полонномъ. Всѣ эти иконы уже поступили или поступятъ въ Волынское Епарх. Древлехранилище.

Нѣсколько дней г. Фотинскій провелъ вмѣстѣ съ И. М. Каманинымъ въ Загоровскомъ монастырѣ (Владимірск. у.). Здѣсь оказалась очень богатая и любопытная библіотека: много старопечатныхъ книгъ волынскихъ, галицкихъ, кіевскихъ и московскихъ типографій, 50 рукописныхъ книгъ, начиная съ начала XV в. и до 3000 разныхъ актовъ {XVI—XVIII вв. Въ настоящее время возбуждено ходатайство предъ св. Синодомъ о передачѣ этой библіотеки въ полномъ почти составѣ въ то-же Древлехранилище.

О. А. Фотинскій предполагаетъ совершить и въ этомъ году поѣздку по Волыни для тѣхъ-же цѣлей.

—

Собраніе І. А. Хойновскаго въ Кіевѣ пополнилось въ теченіе конца прошлаго и начала настоящаго года многими интересными предметами. Изъ эпохи каменнаго вѣка поступило нѣсколько превосходныхъ экземпляровъ отбивныхъ орудій, какъ напр. наконечникъ копья очень тщательной отбивки и выдающійся по своимъ размѣрамъ; наконечникъ этотъ, также какъ кремневый клинъ, топоръ—молотъ, глиняный сосудъ и 2 клыка дикаго кабана найдены, по словамъ владѣльца собранія, при устройствѣ крѣпости въ г. Дубно, Волынской губ. и происходятъ повидимому изъ доисторическаго могильника, случайно открытаго при съемкѣ земли; очень и очень жаль, что эта находка не обслѣдована въ научномъ отношеніи. Къ

той-же эпохѣ относится большой топоръ изъ рога лося съ продѣланнымъ круглымъ отверстіемъ для ручки—такого рода топоры представляютъ большую рѣдкость, найденъ онъ у с. Хмельной, Черкас. у. Поступило затѣмъ нѣсколько очень хорошихъ образчиковъ предметовъ бронзоваго вѣка, часть ихъ пріобрѣтена изъ коллекціи покойнаго Н. Я. Тарновскаго, какъ напр. длинный наконечникъ копья, прекрасной сохранности и патины, другіе-же поступили изъ отдѣльныхъ находокъ; укажемъ здѣсь на кельтъ, ручка котораго не вставлялась въ втулку кельта, а прикрѣплялась по обѣимъ сторонамъ стержня, спеціально приспособленнаго для ручки—типъ очень рѣдко встрѣчающійся въ нашей мѣстности, кельтъ найденъ въ Каневскомъ у. Изъ того-же Каневскаго у., по словамъ владѣльца, происходитъ и довольно большая бронзовая статуэтка египетскаго божества (Озариса?); замѣтимъ, что это уже не первый случай нахожденія въ нашемъ краѣ предметовъ египетскаго культа—найти подходящее объясненіе этому факту, не вдаваясь въ область догадокъ, пока еще трудно.

Собраніе I. А. Хойновскаго обладаетъ въ настоящее время массой предметовъ древности, собираніе ведется, если не ошибаемся уже болѣе десяти лѣтъ, матеріала собрано достаточно, но разобраться въ немъ не легко:—въ коллекціи мало системы, мало и порядка; мѣшаетъ этому, помимо нѣкоторой произвольности въ объясненіи назначенія тѣхъ или другихъ предметовъ, ихъ принадлежности и времени, опасныхъ лишь для не спеціалистовъ, также и то обстоятельство, что очень многіе предметы оказываются безпаспортными—неизвѣстно ихъ точное мѣстонахожденіе; это наполовину уменьшаетъ ихъ научное значеніе, а по отношенію напр. къ предметамъ первобытной эпохи, при поразительномъ сходствѣ культуры въ то время, таковое и совсѣмъ теряется.

Упомянемъ въ заключеніе объ одномъ пріобрѣтеніи художественнаго отдѣла собранія: это миніатюра на слоновой кости—портретъ Т. Г. Шевченка, хорошей, тонкой работы; портретъ заслуживаетъ того, что бы спеціалисты рѣшили вопросъ о времени и авторѣ его.

—

— *Въ музей древностей университета св. Владиміра* подарена на дняхъ коллекція предметовъ изъ стоянки и мастерской каменнаго вѣка на городищѣ «Княжа Гора». Особенно богатъ здѣсь

подборъ издѣлій изъ кости—болѣе 120-ти штукъ: разнаго рода острія, шила, долотца, топорики, примитивные крючки для рыбной ловли и т. п. Кромѣ того, въ музей поступили предметы изъ раскопокъ пр. Оболонскаго въ Херсон. губ. (о нихъ см. «Лѣт.», апрѣль).

—

Въ церковно-Археологическій музей при Кіевской Духовной Академіи передано изъ Михайловскаго монастыря нѣсколько образцовъ древней мозаики, какъ отпавшей, такъ и прикрѣпленной еще къ кускамъ штукатурки, нѣсколько фрагментовъ повидимому отъ бронзоваго паникадила княжескаго времени, двѣ старинныя парчевыя митрополичьи шапки XVII—XVIII в. и нѣкоторые другіе предметы, не имѣющіе особеннаго значенія.

—

Въ Городецкомъ музеѣ Волынской губ. барона Ф. Р. Штейнгеля за послѣднее время, по отдѣлу древностей, есть нѣсколько новыхъ поступленій: римскія монеты II—III в. по Р. Х. изъ клада, найденнаго возлѣ м. Костополя, Ровенск. у., мѣдный круглый образокъ съ погрудными изображеніями св. Георгія и Николая XI—XII в. изъ г. Овруча, бронзовый крестъ, типа крестовъ княжескаго времени, (т. н. «Купятицкая Божія Матерь»), но не складной, а сплошной, и нѣкоторые предметы болѣе поздняго времени, м. п. икона на холстѣ, изображающая Почаевскую Божію Матерь съ видомъ Почаевскаго монастыря,—какъ кажется первой половины XVIII в.

—

Въ Херсонскій Археологическій музей, хотя медленно, но все таки идутъ пожертвованія разнаго рода предметами древности; за послѣднее время поступило нѣсколько десятковъ старинныхъ монетъ, складни-тѣльники, старопечатныя книги и т. п. Интересуется музеемъ и мѣстная публика, о чемъ свидѣтельствуетъ число посѣщеній музея—по воскресеньямъ оно достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ и зачастую переваливаетъ за полъ сотни.

Разныя извѣстія.

Графиня П. С. Уварова, въ письмѣ своемъ къ предсѣдателю Общества любителей изученія Кубанской области, обращается къ обществу съ просьбою доставить ей для XI археолог. съѣзда свѣ-

дѣнія *о церковныхъ вещахъ* (крестахъ, евангеліяхъ, чашахъ и т. д.), *сохраняемыхъ въ Кубанскомъ Лебяжъемъ монастырѣ, основанномъ выходцами изъ Сѣчи.* Къ этому мы можемъ прибавить, что церковныя запорожскія древности можно найти въ войсковомъ соборѣ, въ таманской церкви и въ станичной церкви станицы Анапской. Вышеозначенное общество предполагаетъ снять со всѣхъ этихъ предметовъ фотографіи или срисовать ихъ акварелью. («Куб. Обл. Вѣд.» № 78).

—

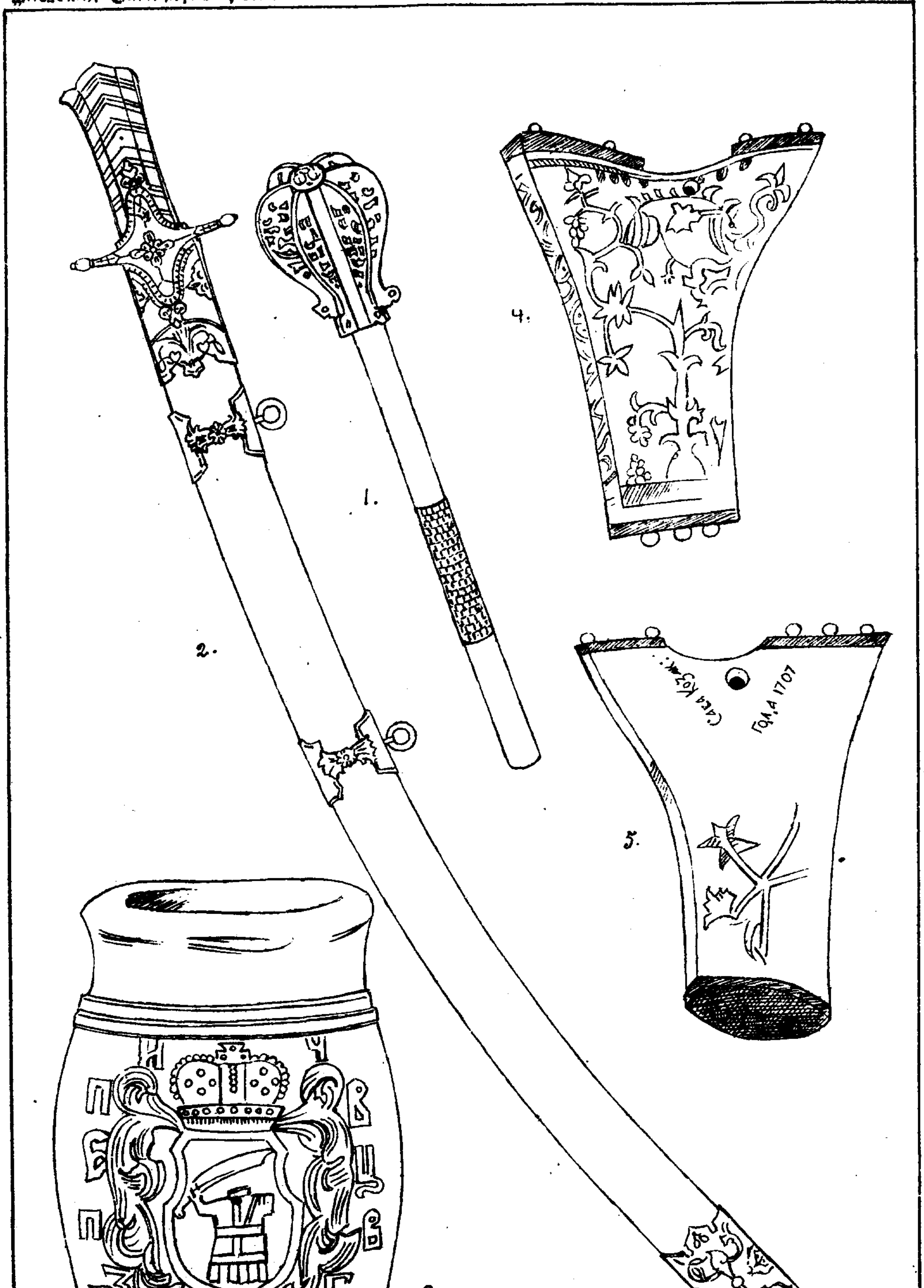
На открывшейся недавно въ Кіевѣ *выставкѣ рисунковъ русскихъ художниковъ* есть м. п. превосходный рисунокъ перомъ академика Шильдера—«Виды Волыни». Всѣхъ видовъ 8 (на одномъ листѣ); изъ нихъ особенно интересны: Мстиславовъ храмъ во Владимірѣ-Волынскомъ, Луцкій замокъ и Почаевская лавра.

—

К. В. Болсуновскій готовитъ къ печати *изданіе сфрагистическихъ памятниковъ Юго-западной Россіи.* Въ изданіе войдутъ печати монастырей, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, магистратовъ и т. п. Трудъ этотъ предполагается издавать выпусками, по мѣрѣ накопленія матеріала. При изданіи памятниковъ главное вниманіе будетъ обращенн на ихъ художественную сторону; памятники эти почти совершенно не изслѣдованы напр. со стороны иконографической, а между тѣмъ они представляютъ большой интересъ для исторіи южно-русскаго искусства XVI, XVII и XVIII вв. Въ 1-ый выпускъ войдутъ м. п. слѣдующія печати, интересныя по художественности исполненія: Іосифа, епископа луцкаго и острожскаго (1559 г.), св. Ѳеодосія Углицкаго (1694 г.), Кіево-Печерской лавры (1627 г.), Софійскаго монастыря (1695 г.), Кирилловскаго мон. (1697 г.), Трахтеміровскаго мон. (1714 г.) и др.

—

Въ брюссельской «La Gazette Numismatique» (мартъ, 1899 г.) помѣщена замѣтка редактора этой газеты г. Charles Dupriez *о лаврской находкѣ*; къ тексту приложены снимки съ медали кн. Острожскаго, медали имп. Констанція и Константа, донативы Сигизмунда III и нѣкоторыхъ другихъ неизданныхъ и рѣдкихъ монетъ.

Изъ коллекціи В. В. Тарновскаго

1) Перначъ Павла Полуботка. 2) Козацкая сабля. 3) Мортирка Ивана

Къ рисунку.

На приложенной таблицѣ помѣщены нѣкоторые предметы изъ поступившихъ за послѣднее время въ собраніе украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго.

1) Перначъ Павла Полуботка, полковника черниговскаго и наказного гетмана (1705—1724 г.). Перначъ этотъ, служившій символомъ полковничьяго званія, серебряный, гладкій; головка литая вызолоченная, о шести ажурныхъ «перьяхъ» (откуда и само названіе); посрединѣ ручки чеканка въ видѣ чешуи; длина всего пернача $48^1/_2$ стм. Хранился онъ раньше въ Полтавѣ, въ семьѣ Милорадовичей, родственниковъ и наслѣдниковъ Полуботка.

2) Козацкая сабля. Судя по отдѣлкѣ, сабля эта принадлежала кому ниб. изъ козацкой старшины; ея ручка (черенъ) и оковки на ножнахъ—серебряныя, вызолоченныя; длина сабли 91 стм.

3) Мортирка Ивана Чарныша, полковника гадяцкаго (1709—1715), а потомъ генеральнаго судьи (1715—1725). Такого рода мѣдныя мортирки или «мущири» были довольно распространены въ Малороссіи; нужно думать, что онѣ скорѣе служили для салютовъ, чѣмъ для военныхъ цѣлей, т. к. размѣры ихъ очень незначительны—настоящая имѣетъ всего $17^1/_2$ стм. вышины, да и стрѣлять изъ нихъ можно было только вверхъ. На принадлежность даннаго мущира Ивану Чарнышу указываютъ начальныя буквы, размѣщенныя кругомъ герба: И. Ч. П. В. Е. Ц. П. В. З. Г., что означаетъ: Иванъ Чарнышъ полковникъ войска его царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго гадяцкій.

4 и 5) Пороховница изъ рога лося, 17 стм. вышиной, украшенная на одной сторонѣ гравированнымъ растительнымъ орнаментомъ, а на другой снабженная надписью, указывающею на владѣльца пороховницы—«Саву козака» и на время—1707 г. Видно Сава козакъ не жалѣлъ пороха для своей рушныци—пороховница отъ частаго употребленія сильно потерта, такъ что отчасти стерлись и покрывающіе ее узоры.

Е—а. Сватъ-вечиръ. Оповид. Харьк. 1888. Ц. 15 к.

Записки Юго-Западнаго Отдѣла Императорскаго Россійскаго Географическаго Общества. Т. I. К. 1874. Ц. 2 р. (Безъ нотъ).

Катрановъ. О малорусской драмѣ. О. 1899. Ц. 30 к.

Карпенко-Карый. По-надъ Днипромъ. Др. К. 1899. Ц. 30 к.

Котляревскій. Вергиліева Энеида. Подъ редакц. Ив. Стешенка. К. 1899. Ц. 40 к.

Кострыцькый. Нова громада. Поэма. К. 1885. Ц. 65 к.

Котляревскій Иванъ. Описаніе его жизни. Полт. 1898. Ц. 5 к.

Квитка. Малороссійскія повѣсти. К. 1898. Ц. 75 к.

— Драматическія сочиненія. К. 1892. Ц. 35 к.

Кулишъ. Граматка. СПБ. 1861. Ц. 75 к.

Кернеренко. Щетынныкъ. Харьк. 1891. Ц. 10 к.

Кендзерскій. Слово о полкови Игоревому. Кременч. 1874. Ц. 1 р.

— Малорусскій театръ М. П. Старицкаго въ Воронежѣ. Ворон. 1885. Ц. 50 к.

Лисовскій. Хто батька покыдае, того Богъ карае. Драмат. сцены Екатер. 1892. Ц. 40 коп.

Левицкій, Ор. Опытъ изслѣдованія о лѣтописи Самовидца. К. 1878. Ц. 50 к.

— Социніанство въ Польшѣ и Юго-Зап. Руси въ XVI и XVII вв. К. 1882. Ц. 75 к.

М. Л. Лыстъ до хлиборобивъ про жучка-хлибойда. Харьк. 1880. Ц. 15 к.

М—ычъ. Про обкладкы (дафтерить). К. 1881. Ц. 15 к.

Малороссійскій сборникъ сценъ, разсказовъ, поэзій и т. п. М. 1899. Ц. 1 р. 75 к.

Марковычъ. По степамъ та хуторамъ. М. 1899. Ц. 30 к.

Морозовъ. Мыхайло-чоботарь. Од. 1897. Ц. 15 к.

— Щира любовъ. Поэма. Од. 1897. Ц. 10 к.

— Мачуха. Байкы. Од. 1897. Ц. 10 к.

Мордовецъ. Салдатка. Оповид. Спб. 1861. Ц. 15 к.

Никифоровъ. Кураковскій договоръ козаковъ съ поляками въ 1625 г. Ц. 10 к.

Новицкій. Адамъ Кисель, воевода Кіевскій. К. 1885. Ц. 75 к.

На Шпаковомъ шляху. Разсказъ изъ быта Подоліи начала XVIII в. Ц. 25 к.

Оноприенко-Шелковый. Стихотворенія на малороссійскомъ языкѣ. Харьк., 1886. Ц. 15 к.

Пивоваровъ. Ранни писни. Од. 1897. Ц. 10 к.

Пискуновъ. Чайка (Альманахъ). К. 1876. Ц. 50 к.

— Малороссійско-червонорусскій словарь. К. 1882. Цѣна 1 р. 50 коп.

Подушка, Ив. Почынокъ. Поэзіи Спб. 1871. Ц. 1 р. 50 к.

Полещукъ. Сто карбованцивъ грошей. Др. Херс. 1899. Ц. 40 к.

Рыльскій. Про херсоньски заробиткы. К. 1899. Ц. 7 к.

С—ко. Очеркъ литературной дѣятельности А. Я. Стороженка. Ц. 1 р.

Слово дидыча до земляківъ. Жит. 1862. Ц. 30 к.

Сватово-Луцкій. За дурною головою та й бокамъ лыхо. Купянскъ. 1892. Ц. 10 к.

Спилка. Переселенци. Оповид. Харьк. 1895. Ц. 10 к.

Старицкіе. Передъ бурей. Ром. К. 1899. Ц. 2 р.

Тарасенко. Ганнуся. Поэма. Золотон. 1891. Ц. 1 р.

Хуторнычка. Украинськи казкы. 1884. Ц. 50 к.

Хмара. Мудрый цыганъ, або жъ чортъ на муштри Жартъ. Харьк. 1894. Ц. 25 к.

Чайченко. Дума про княгыню—кобзаря та инши вирши. Харьк. 1893. Ц. 10 к.

— Безъ хлиба. Оповид. К. 1890. Ц. 10 к.

Чикаленко. Розмова про сельске хозяйство. К. II. Худоба. Од. 1899. Ц. 10 к.

А. А. Санинъ, В. Л. Сѣрошевскій, П. Б. Струве, П. Ф. Тепловъ, В. Ѳ. Тотоміанцъ, М. И. Туганъ-Барановскій, С. Л. Франкъ, В. Я. Яковлевъ (В. Богучарскій), А. И. Яроцкій, и др.

Условія подписки:

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ. . .	10 р.	— к.
» » » » » » » полгода	5 »	— »
» » » » » » » три мѣсяца	2 »	50 к.
» » безъ доставки и пересылки	9 »	— »
» » съ пересылкой за границу на годъ . . .	12 »	— »

Принимается подписка въ главной конторѣ журнала: Малая Итальянская д. 5, кв. 25 и въ отдѣленіяхъ конторы: въ библіотекѣ Черкесовой (О. Н. Поповой), Невскій, 54, и въ книжномъ складѣ А. М. Калмыковой, Литейный, 60.

Редакторъ-издательница **А. А. Воейкова**.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

„ХУТОРЯНИНЪ"

Еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, промышленности и торговли.

Органъ Полтавскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

На 1899 годъ.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія и извѣстія. 2) Дѣятельность мѣстныхъ сельско-хозяйств. обществъ, ихъ отдѣловъ и отдѣленій. 3) Статьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ, экономическія и техническія. 4) Хроника, сельско-хозяйственное обозрѣніе и корреспонденція. 5) Сельско-хозяйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учрежденій. 6) Библіографія и обзоръ сельско-хозяйствен. и экономической литературы. 7) С.-х. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговыя извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія.

носцы. Ист. ром. Генрика Сенкевича. Пер. съ польск. В. М. Л. Продолженіе. IX) Мужикъ въ русской беллетристикѣ. (1847—1897 г.) Собраніе сочиненій Каронина (Н. Е. Петропавловскаго) Москва 1899 г. А. М. Скабичевскаго. X) Положеніе русской женщины въ семьѣ и обществѣ по произведеніямъ А. Н. Островскаго. А. А. Ѳомина. Окончаніе. XI) Воспитаніе общественности.—В. П. Вахтерова. XII) Борьба между личностью и общественностью. Л. Е. Оболенскаго. XIII) На сходахъ волости особаго устройства. Н. П. Дружинина. XIV) Къ психіатрическому вопросу.—А. М. съ письмомъ гр. Л. Н. Толстого. XV) Возмущеніе въ Византіи VI вѣка. (Голубые и зеленые византійскаго ипподрома) М. Н. Ремезова XVI) Ближайшія задачи Московск. Обществ. Управленія по благоустройству города и средства къ ихъ осуществленію.—М. Щ. XVII) Письмо въ редакцію. Проф. Кулагина. XVIII) Современное искусство. Ан. XIX) Иностранное обозрѣніе.—В. А. Г. XX) Внутреннее обозрѣніе. XXI) Библіографическій отдѣлъ. XXII) Объявленія.

Подписная цѣна на 1899 годъ (двадцатый годъ изданія)

Цѣна съ достав. и перес. на годъ	12 м.	9. м.	6 м.	3. м.	1 м.
Во всѣ города Россіи	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
Заграницу	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	—

Для годов. подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апр., къ 1 Іюля и 1 окт. по 3 рубля. Подписка принимается: въ Москвѣ, Шереметевскій пер., д. Шереметева, кв. 28, въ к—рѣ редакціи; въ СПБ, въ кн. магаз. Н. П. Карбасникова, Литейный, 46; въ Кіевѣ, въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова. Новый Свѣтъ, 69; въ Вильнѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова.—Новые подписчики, желающіе пріобрѣсть начало романа г. Сенкевича „Крестоносцы“ благоволятъ уплачивать 1 рубль безъ пересылки.—При редакціи открытъ магазинъ русск. и и иностр. книгъ. (Б. Никитская, д. Вельтищевой), съ пріемомъ подписки на всѣ журналы, газеты и словари Брокгауза и Граната. кн. магаз. принимаетъ на коммиссію постороннія изданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, принимаетъ на себя составленіе народныхъ и другихъ библіотекъ на какія угодно суммы, даетъ справки по открытію народныхъ и школьныхъ библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

Редакторъ-Издатель *В. М. Лавровъ.*

„Слушаю-съ!“ и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился съ отвѣтомъ, что де „его благородіе приказали благодарить, поужинаютъ, только немножко позже, а сейчасъ приказали, то есь чайничокъ, то есь чай кушать“.

Снова взглядъ отца, снова предложеніе матери—самоваръ, дескать есть. „Да ужъ ты, Иванъ, будь ласкавъ, говоритъ, не хлопочи, отдохни—послѣ дороги вѣрно усталъ; и повечерять потомъ съ кучеромъ дивчата вамъ дадутъ.... Орышко, Васько!“ и т. д.

— Покорнѣйше благодаримъ-съ! вы, то есь, матушка, знаете нужду нашу!

Поужинали; насъ, дѣтей, тотчасъ уложили въ свѣтлицѣ, на *доливци*, *покотомъ*, и отецъ наказалъ намъ не *пустувать* (не шалить), а спать, не шумѣть. Какъ офицера поили чаемъ, какъ подавали ему ужинать—мы уже не слышали....

На другой день я всталъ, по обыкновенію, рано и умывшись и одѣвшись, тотчасъ, и тоже по обыкновенію, пустился въ огородъ, къ разнымъ хозяйственнымъ заведеніямъ: надо же посуетиться, сюда-туда пометаться, покувыркаться, разбросать избытокъ жизни и благосостоянія дѣтской души, вѣчно льющейся черезъ края, а особенно при хорошемъ состояніи здоровья, послѣ сладкаго сна, нѣжной ласки матери, при очаровательной обстановкѣ весенняго украинскаго утра; надо и щенковъ посмотрѣть, и съ Барбосомъ поваляться на травѣ, избѣгать *стинку*[1]), гоняясь за соловьями, заглянуть въ леваду, много ли за ночь подросли *полуныци*.

Отецъ ходилъ уже по огороду.... Какъ теперь вижу его: высокій, полный, въ бѣлой, какъ снѣгъ, рубахѣ, въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, штанахъ съ *очкуромъ* и въ сапоги, въ картузѣ, съ *ципкомъ* въ рукѣ: туда посмотритъ, туда заглянетъ.... Тутъ помолчитъ—хорошо, значитъ, все, а тутъ поворчитъ. „Дурень Остапъ, и воритъ не причинывъ, телята повилазять“. Но, видимо,

---

[1]) *Стинка*—роща, расположенная по отлогостямъ горы надъ рѣкой.

старикъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа: даже погладилъ меня по головѣ, когда я очутился какъ-то возлѣ. Прекрасное весеннее утро, въ праздничный день, на украинскомъ хуторѣ, хоть кого разшевелитъ, хоть что̀ заставитъ забыть!....

Какъ вотъ денщикъ изъ конюшни:—Здравія желаю, Петръ Васильевичъ!

Какъ, скажу мимоходомъ, мы скоро узнаемъ, хорошо помнимъ имя и отчество человѣка намъ нужнаго или полезнаго!

— Здоро̀въ, здоро̀въ!

Сё, то, съ праздникомъ поздравили другъ друга... даже взаимно освѣдомились, какъ спалось, не кусали ли блохи, которыхъ, снова скажу мимоходомъ, у насъ въ Украинѣ чуть ли не столько, сколько въ Петербургѣ клоповъ и тараканов. Все бы кажется хорошо; но у отца уже исчезло прежнее открытое выраженіе, сдѣлался какъ-то серьезнѣе, сосредоточеннѣе: какъ будто ему припомнился цѣлый рядъ нашихъ *ридныхъ* пословицъ и поговорокъ: „Не вирь, бо воно̀ звирь, хоть не вку̀сыть, то зляка́“; „Одъ москаля́ полы́ врижъ, та тика̀й“ и т. д.

„Гдѣ бы, Петръ Васильевичъ, овса у васъ купить?

— Гм!... Оцёго̀ вже не скажу̀ тоби, до ново̀го ще далѐко,— а прошлогодній выкормленъ, распроданъ.... А если и есть у кого, поѣхали въ церковь, или собираются, не продадутъ!

„Экая бѣда! Баринъ встанетъ—отчего, молъ, то есь?“.....

Молчаніе....

„Нѣтъ-ли, то есь, у васъ, Петръ Васильевичъ?“

— Чомъ нема̀?....

„Нельзя ли, то есь... баринъ, то есь, встанетъ...

— Возьмы, Оксе́нтію, ключъ одъ инбарця́, да наберы имъ ла̀нтухъ [1])!

Офицеръ спалъ, когда мы уѣхали въ церковь.

Когда воротились, тотчасъ явился, въ свѣтлицу, но уже не нахальнымъ квартирантомъ, а гостемъ, прилично одѣтый, говорящій отцу, матери и сестрамъ *вы* и, въ добавокъ, порядочно

[1]) *Ла́нтухъ*—большой мѣшокъ, въ которомъ можетъ помѣститься русская четверть.

сконфуженный. Разговоръ, впрочемъ, какъ-то не клеился: между гостемъ и хозяевами было непріятное воспоминаніе, мѣшавшее сближенію. Наконецъ офицеръ всталъ итти къ себѣ.

— Вы рано, или поздно обѣдаете?

„Вы очень добры... я, право, не заслужилъ... Ахъ, чуть не забылъ поблагодарить васъ за овесъ. Сколько я долженъ“?

Вышла сцена, надъ которою можно и не смѣяться.

— Ничôго! говоритъ старикъ.

„Какъ, ничего“?

— Такъ, ничôго, та й годи!

Словомъ, отецъ не хотѣлъ взять за овесъ по той простой причинѣ, что у насъ, въ Украинѣ, и теперь рѣдко съ васъ возьмутъ за то, что васъ, вашу прислугу и вашихъ лошадей напоили и накормили, да и то развѣ въ деревняхъ, лежащихъ по большимъ дорогамъ; а въ тѣ времена—вы могли изъѣздить Украину, „вдовшъ и впôперекъ“, не истративъ на кормá ни копѣйки, Офицеръ съ своой стороны не хотѣлъ взять даромъ овесъ:—Это, говоритъ, рѣшительно было бы ни на чтô не похоже!

— Ну,—сказалъ старикъ,—его видимо началъ смѣшить этотъ споръ... поднялъ брови и, смотря въ землю, склонилъ на бокъ голову,—признакъ, какъ и вообще у украинцевъ, юмористическаго настроенія, готоваго разразиться рядомъ шутокъ, наивныхъ и, повидимому, глупыхъ вопросовъ, нелѣпыхъ предложеній и предположеній и т. п.—Ну, говоритъ, колы́ вже вамъ такъ хочѐтся,—силькысь, давáйте грôши: сёгôдни у насъ овѐсъ по сорокúвци [1]) лàнтухъ.

Дѣло кончилось обниманіями и цѣлованіями... Скоръ на дружбу, какъ и скоръ на грубость и оскорбленіе.

Съ этого времени офицеръ сталъ совершенно нашимъ семьяниномъ и, впродолженіе нѣсколькихъ дней квартированья, съ нами обѣдалъ: ужиналъ, завтракалъ; приводилъ къ намъ обѣдать и ужинать своихъ товарищей и своего эскадроннаго, или какъ тамъ его; толковалъ съ отцомъ, который очень

[1]) По гривеннику.

любилъ слушать разсказы людей многовидѣвшихъ, бродилъ съ нимъ по полямъ, огородамъ; всѣ заботы о его хозяйствѣ перешли на руки матери: что̀ нужно,—перемыто, что̀ нужно—вычищено, починено. Словомъ, его принимали, какъ принимаютъ бывшаго долго въ отсутствіи семьянина и выпровожали потомъ въ походъ, какъ выпровожаютъ семьянина.

Также скоро сошелся со всѣми и деньщикъ Иванъ и скоро, и охотно поступилъ въ число домочадцевъ. Состоя давно уже на службѣ, онъ часто проживалъ въ разныхъ мѣстностяхъ Украины и всею душею полюбилъ этотъ прекрасный край и добрыхъ и честныхъ его обитателей, какъ это, впрочемъ, и всегда случается съ простонародьемъ великороссійскимъ, пожившимъ довольно долго въ *Хохландіи*. Избавленный матерью отъ заботъ о баринѣ, но дѣятельный по природѣ, онъ не оставался въ безсодѣйствіи и, какъ дѣлываютъ добряки-холостяки его лѣтъ и состоянія, обратился къ намъ, дѣтямъ, особенно ко мнѣ и къ покойнику меньшому брату: носилъ насъ на спинѣ, показывалъ разные фокусы снуркомъ, дѣлалъ изъ дерева танцующихъ солдатъ, и т. п. Мы очень его полюбили и, какъ истые дѣти и внуки своихъ отцовъ и дѣдовъ, тотчасъ дали ему прозваніе: прозвали его *Тоесь*, за часто употребляемое имъ въ разговорѣ *то есть*, произносимое имъ *то есь*. Добрякъ нисколько не обижался, а напротивъ, его очень забавляло, что *хохлята* перекрестили его изъ Ивана въ Тоеся:—Вишь ты, пострѣлята! то есь я говорю *то есь*, а они, то есь, и зовутъ меня Тоесь!... говаривалъ онъ и принимался хохотать самымъ громоподобнымъ хохотомъ...

Что-то съ тобою сталось, добрый Тоесь?!... Выслужилъ ли ты свои двадцать семь лѣтъ и воротился въ какую-нибудь Костромскую или Пермскую, долеживать указанные годы жизни на полатяхъ, няньчить безсильными руками дѣтей братнихъ, сестриныхъ, можетъ быть, и своихъ? или торчать у дверей какой-нибудь Казенной, или какого нибудь Губернскаго, снимать шинель у его превосходительства—гражданскаго генерала?... Или же ждать двадцать семь лѣтъ тебѣ показалось слишкомъ долго,

и ты, неся барину на пикетъ трубку, задѣлъ лбомъ летѣвшую польскую пулю?.. или, разсердивъ отца-командира, былъ немножко тово, и въ лазаретъ, а оттуда—*туда*, идѣ же нѣсть ни того, ни сего, ни онаго? То ли, или это съ тобою сталось? Молчишь!... Эхъ вы, тоеси! и живетъ—молчитъ, и умираетъ—молчитъ, и въ могилѣ лежитъ—молчитъ.... На, вотъ тебѣ, Тоесь, отъ того, то есь, хохленка—помнишь? то есь, памятникъ тебѣ, слеза то есь....

Одинъ только кучеръ (забылъ, какъ его звали) не сошелся у насъ ни съ кѣмъ, и не только не сошелся, а даже сталъ всѣмъ непримиримымъ врагомъ. Причиною была отчасти его натура, вѣчно и всѣмъ недовольная и щедро разсыпавшая на всѣ стороны обидныя побранки, а при случаѣ и кое-что подѣйствительнѣе обидныхъ побранокъ; а отчасти и то, что недавно еще пріѣхалъ изъ своей Орловской что ли, не научился еще считать хохлатыхъ и безбородыхъ тоже носящими образъ и подобіе Божіе.... Можетъ быть, тутъ имѣло значеніе и еще одно обстоятельство, о которомъ разсказывалъ Тоесь.

Во время своего путешествія изъ деревни къ барину, гдѣ-то въ Черниговской губерніи, остановился онъ переночевать у какого-то зажиточнаго козака. Путешественникъ сначала велъ себя прилично; но послѣ, когда за ужиномъ поднесли ему нѣсколько чарокъ *наськои* [1]), бранчивая натура взяла свое, и онъ, держа въ рукахъ чарку противъ свѣта, такой спичъ сказалъ своимъ хозяевамъ:—„Нѣтъ, говоритъ, правды на свѣтѣ, нѣтъ, какъ хошь! Ужъ не мы ли люди, а Богъ не далъ намъ ефта-

---

[1]) Т. е. нашей (водки). Въ украинскомъ языкѣ есть и мѣстоимѣніе *нашъ*, вполнѣ соотвѣтствующее русскому *нашъ*. *Наській* же означаетъ нашъ только въ смыслѣ *не иностранный*, *намъ*, *народу принадлежащій и по происхожденію*, *и по употребленію* и т. п. Слово это употребляется чаще всего безъ существительнаго (напримѣръ, когда украинецъ увидитъ на чужой сторонѣ шапку украинскую, говоритъ: „та се наська!“) и притомъ почти всегда съ интонаціею голоса, свойственною только украинскому юмору, вмѣстѣ и ласкающему, и хохочущему,—ласкающему нѣжно, хохочущему безобидно..

кой! а вы, и мазёпинъ духъ"…. Хозяевамъ, конечно, не понравился такой поворотъ краснорѣчія, слово по слову, пошли и „чубы проклятые" и „обливанцы", и дѣло кончилось дракою…. Естественно, что происшествіе это, при первомъ, такъ сказать, знакомствѣ съ Украиною, не могло расположить кучера въ пользу ея обитателей.

Какъ бы то впрочемъ ни было, никто не сошелся изъ нашего двора съ этимъ человѣкомъ. Сначала дѣло ограничивалось непріязненными взглядами, а потомъ пошло и далѣе. Онъ звалъ всѣхъ проклятыми нехристями, мазёпинымъ духомъ (конечно объ этомъ ни офицеръ, ни отецъ ничего не знали), а мы—цàпомъ, „Цапъ, цапъ! козю, козю"! кричали цѣлою толпою дѣти, бросая ему вслѣдъ клочки травы или соломы; „Цапъ!" звенѣлъ своимъ звонкимъ голосомъ Оксентій изъ сарая; „Цапъ" ревѣли цѣлымъ хоромъ молòтники изъ клуни; «Цапъ, цапòкъ»! пищала красавица Ганна въ слуховое окошечко кладовой,—и все это заканчивалось всеобщимъ хохотомъ, раздававшимся изъ оконъ, изъ дверей, изъ-за угловъ, справа, слѣва, а больше всего изъ конюшни, громоподобнымъ хохотомъ Тоеся… Бѣднякъ до того раздражался, до того выходилъ изъ себя, что хваталъ колъ и пускался за кѣмъ попало, или же, что̀ чаще всего случалось,—такъ какъ многими опытами убѣдился онъ, что не его ногамъ угнаться за быстрыми ногами хохлятъ,—бросалъ шапку оземь и въ бѣшенствѣ топталъ ее ногами . . . .

. . . .

. . . это былъ Рѐготивъ-хуторъ! Хаты, *хливй*, *токй* [1]) и другія принадлежности украинскаго хутора размѣстились на ложбинѣ, не посовѣтовавшись ни съ законами пересѣченія прямыхъ линій подъ прямыми углами, въ формѣ шахматной доски,—ни съ условіями однообразія,—ни даже со вкусомъ проѣзжающихъ, или съ чьимъ бы то ни было вкусомъ: дескать, ка́къ мы вамъ покажемся, если мы помѣстимся тутъ вотъ и тутъ, а вы будете тамъ, на горѣ, или тамъ у окошечка? а размѣстились, гдѣ кому на умъ взбрело: гдѣ попріютнѣе, или гдѣ попривольнѣе, гдѣ пора-

1) *Токй*—гу́мна.

здольнѣе, гдѣ посподручнѣе. Оттого ложбина съ Реготовымъ хуторомъ, въ зимнюю пору, казалась съ горы безмѣрной величины *нóчвами* съ мукою, въ которыя какой-то проказникъ метнулъ горсть гречневыхъ отрубей, а пожалуй и сажи.... Тьфу! ни одной улицы, гдѣ, лихой тройкой, доброму мо̀лодцу можно бы изъ конца въ конецъ, не поварачивая!... ни одной улицы, гдѣ возвышенный чей взглядъ могъ бы прямо-прямо, по прямой линіи!.. и упереться въ пустынность и безлюдье заселковъ!...

— А онъ, Васи́льку, и нáши пидво̀ди!—говоритъ Киндратъ, указывая *пу́жалномъ* [1]) внизъ.

„Де?"

— Та онъ же!

„А и спрàвди!"...

И я несказанно обрадовался, что скоро буду межъ *нашими*....

— Ище й кыбитка якáсь стоить тамъ! добавилъ Киндратъ.

Мы спустились внизъ и поворотили къ подводамъ.

— Добрыдень, хло̀пци! сказалъ отецъ подводчикамъ:—добрыдень!

— „Добрыдень и вамъ, пано̀че!" отвѣтили, кто былъ постарѣе.

— Съ прàзныкомъ будьте здорови!

„Спасыби, бу́дьте й вы здоро̀ви!"

— А що̀, все благополучно?

„Да слава Богу, благополучно все".

— Слава Богу!—повторилъ и отецъ, и, обращаясь къ Грицьку, прибавилъ:—возьми-ка его отсюда.

Грицько̀ вытащилъ меня и поставилъ возлѣ саней. Съ непривычки къ дальнимъ поѣздкамъ, я отсидѣлъ себѣ ноги и съ трудомъ держался на нихъ. Впрочемъ, кое-какъ добрался до Оксентія, который, стоя возлѣ воловъ, давно уже мнѣ улыбался издали и подавалъ какіе-то сигналы.

— Онъ подывитця лишéнь туди́!—говоритъ, когда я приковылялъ къ нему поближе, показывая рукою на кибитку, стояв-

[1]) *Пу́жално*—кнутовище.

шую тутъ же, возлѣ хаты, и которую мы замѣтили еще съ горы.

Я поворотилъ голову: кибитка прекрасная, и лошади прекрасныя, и кучеръ хорошо одѣтъ...

„Еслибъ намъ такую!"

— Да вы посмотрите на кучера!...

Я началъ смотрѣть и на кучера: борода длинная, смотритъ на насъ, ухмыляется...

„Цапъ"!.. вскрикнулъ я, совершенно забывъ, что недалеко и отецъ.

Дѣйствительно, это былъ цапъ! „Гора зъ горою, кажуть, не зходытся!" Вслѣдъ за тѣмъ показался изъ избы и баринъ его....

Нѣтъ необходимости разсказывать подробности этой встрѣчи. Скажу только, что послѣ квартированья у насъ, офицеръ, какъ я узналъ изъ разсказовъ, вскорѣ сильно заболѣлъ и гдѣ-то долго лежалъ въ госпиталѣ, что во время этой болѣзни онъ по какимъ-то причинамъ долженъ былъ подать въ отставку, а полкъ между тѣмъ ушолъ въ Польшу, а съ нимъ и Тоесь, и что теперь онъ возвращается на родину.

Мы здѣсь простояли часа три (подводы впрочемъ скоро отправились далѣе), и офицеръ съ покойникомъ отцомъ много выпили тутъ и рому, привезеннаго офицеромъ, и водки, купленной гдѣ-то тутъ же въ хуторѣ, такъ много выпили, что офицеръ на сани попалъ уже не самъ, а его вынесли, а отецъ даже попросилъ у хозяина *люльки* и выкурилъ цѣлую трубку махорки.

Да, на счетъ попоекъ отецъ былъ изъ людей стараго закала! Будучи человѣкомъ вообще весьма трезвымъ и не любя, чтó называется, бражничанья, онъ если уже былъ въ необходимости пить, напримѣръ, при встрѣчѣ съ пріятелемъ, котораго давно не видалъ, столько могъ глотать разныхъ спиртуозностей, что другіе, потерявъ всякую способность продолжать далѣе, уносимы были съ поля битвы, а онъ—какъ ни въ чемъ не бывало!... Оживленнѣе только становился, пробуждалось только ка-

кое-то неопреодолимое желаніе забыться, закружить голову въ глотанія новыхъ спиртуозностей, въ табачномъ дыму, а за отсутствіемъ всего этого—въ быстрой ѣздѣ....

Въ молодыя лѣта онъ курилъ постоянно табакъ, и тогда у него водились прекрасныя трубки; но послѣ, хозяйственныя и семейныя заботы, а главное—нежеланіе, чтобы сыновья переняли [1]) эту привычку, непріятную, по его словамъ, во всѣхъ отношеніяхъ, а при неосторожности, и опасную, онъ пересилилъ себя, трубки и табакъ раздарилъ и совершенно пересталъ курить.... Но если случалось подгулять—*люльку*! махорка, виргинскій или какой ни попало—подавай! и курилъ старикъ, и разсказывалъ про свою молодость и *давнину́*, до тѣхъ поръ, пока не начинала кружиться голова. Тогда люлька прочь и—въ постель!

И ѣздить шибко онъ не любилъ и *нехазяина́ми* называлъ тѣхъ, кто ѣздитъ шибко: верхомъ всегда шагомъ, а въ повозкѣ или бричкѣ—маленькою рысцою. Но если подгулялъ и особенно если подгулялъ выше того градуса, съ котораго обыкновенно начиналъ курить, и если въ такую пору приходилось ѣхать— „торка̀й, торка̀й“, ворчалъ онъ возницѣ,—что уже значило: гони степняковъ, сколько выскочатъ легкія ихъ ноги! Замѣчу еще, что „торка̀й!“ и „люльку!“ являлись у старика и тогда, когда онъ глубоко былъ чѣмъ огорченъ, оскорбленъ, разгнѣванъ.

Дальнѣйшее путешествіе наше, вѣроятно, не представляло для меня ничего занимательнаго, потому что въ памяти моей осталось не болѣе двухъ-трехъ картинъ... Особенно одна картина сильно врѣзалась въ память.

Лошади едва передвигаютъ ноги, устали, даже гнѣдой жеребецъ усталъ... дѣло подъ вечеръ, погода *смурая*; ни жила̀, ни деревца, а только равнина и равнина снѣжная... И на всемъ этомъ какой-то тусклый, какъ-будто съ жолтымъ отливомъ, колоритъ... въ какомъ представляется все, когда или скорбь тяжелая у человѣка на душѣ, или нескончаемый недугъ томитъ его— сидитъ у окна, и безъ цѣли и участія, глядитъ въ него, пере-

[1]) Вѣроятно, я и всѣ мои братья отъ того и вышли такіе *куріи*.

нося унылый взглядъ отъ одного предмета къ другому... И то скучно, и оттуда не ждать утѣшенія!...

Грустный тонъ, бѣдная картина! Но отчего бѣдная картина могла пережить нѣсколько десятковъ лѣтъ и сохраниться въ памяти? Богъ вѣсть! Не могу припомнить ни тогдашняго состоянія своей души, и ничего предъидущаго или послѣдующаго: только въ какой-то мглистой дали снѣжное пространство, лошади едва передвигаютъ ноги, какіе-то путники—туда, къ темному горизонту....

Знаю, мои друзья, что опять начинаю вдаваться въ подробности скучныя и для васъ неинтересныя, но снова повторяю, что̀ сказалъ вначалѣ моихъ записокъ, въ *Родословной съ отцовской стороны* [1]: „Разсказываю эти подробности не для васъ, а для себя: такъ пріятно болтать о невозвратномъ дорогомъ дѣтствѣ! Притомъ, воспоминанія дѣтства, съ лѣтами, болѣе и болѣе стираются,—прикрѣпить же ихъ перомъ и черниломъ: на старость пригодятся подмолаживать черствую ея жизнь, какъ принадобляются зимою засушенные лѣтомъ грибы" [2]). Будемъ же прикрѣплять все, что̀ ни попадется подъ перо! И на этотъ разъ прикрѣпимъ къ бумагѣ воспоминанія свои о гнѣдомъ жеребцѣ.

Я сейчасъ сказалъ: «даже гнѣдой жеребецъ усталъ». Вы, можетъ быть, удивились этому *даже*, зная, что жеребцы въ ѣздѣ утомляются скорѣе всякой другой лошади? Не удивляйтесь! въ этомъ отношеніи, о гнѣдомъ жеребцѣ нельзя судить по жеребцамъ, какихъ мы обыкновенно теперь встрѣчаемъ. Это былъ прямолинейный потомокъ тѣхъ украинскихъ скакуновъ, на которыхъ предки наши переѣзжали заднѣпровскія степи, пускались въ наѣзды на крымцевъ, и, обремененные добычей, уходили отъ всевозможныхъ преслѣдованій: крѣпкій, быстрый, неутомимый!

Однажды, зимою, покойникъ отецъ съ Андреемъ Бѣлоусомъ, большимъ любителемъ хорошихъ лошадей, возвращались

---

1) Эта часть записокъ Василія Петровича не издана въ свѣтъ.

2) Не выпущено мною это мѣсто сколько для связи съ послѣдующимъ, столько и для того, чтобы читатель изъ словъ самого Василія Петровича могъ видѣть значеніе заключающихся въ ней подробностей, относительно ихъ достовѣрности.

изъ гостей. Андрей Васильевичъ на своей разудалой тройкѣ, а покойникъ—на гнѣдомъ жеребцѣ. Оба они навеселѣ, и имъ пришла охота пуститься въ перегонъ. Остановились, выровнялись и помчались.... Андрей Васильевичъ по гладкой дорогѣ, а покойникъ *манивцемъ*, по нетронутому снѣгу... Почти три версты мчались, и тройка Андрея Васильевича не только не могла опередить гнѣдого, но даже поровняться съ нимъ, не смотря на то, что гнѣдой, какъ я сказалъ, шелъ не по дорогѣ, а *манивцемъ*, что онъ былъ запряженъ *въ велйки сáны* и что на этихъ саняхъ сидѣлъ человѣкъ, могшій, по своей массивности и тяжести, потягаться, пожалуй, и съ самимъ Тарасомъ Бульбою... Въ дѣтствѣ я самъ неоднократно ѣздилъ на гнѣдомъ (онъ былъ необыкновенно тихъ и послушенъ), леталъ на немъ по степу— птица, вихорь!... Быстротою, выносливостію, крѣпостію, неутомимостію, онъ превосходилъ всѣхъ лошадей отцовскаго табуна, какія когда-либо у него были прежде и послѣ. Одной только онъ уступалъ лошади, *Бѣлозору*, но это былъ конь! Я вамъ разскажу и о немъ.

Вы, можетъ быть, знаете, что въ Украинѣ попадались прежде, и даже теперь иногда попадаются, лошади, которыхъ мои земляки называютъ *бараньски* (баранскіе). Почему онѣ такъ называются—никто не могъ мнѣ объяснить: «Бараньски, та й годи!... батькы й диды звалы бараньскими, и мы такъ звемо». Непремѣнная ихъ принадлежность: короткій некрасивый хвостъ, едва достающій до колѣнъ, короткая грива, иногда некрасивая, а иногда лоснящаяся, волнистая, небольшая длина и небольшой ростъ, способность держаться въ хорошемъ тѣлѣ, быстрота, выносливость, рысистость. Вотъ изъ этой-то баранской породы въ въ отцовскомъ табунѣ была одна *матка* (рыжей масти, съ прекрасною волнистою гривою). Много у нея было дѣтей, но замѣчательнѣе всѣхъ были двое: темно-сѣрой масти меринъ *сивозализый*, какъ у насъ говорятъ, и другой меринъ свѣтло-сѣрой масти, именно *Билозоръ*, такъ прозванный за свои бѣлые глаза. Сивозализого почти не помню: помню только, какъ ввалилась на нашъ дворъ цѣлая толпа проходившихъ чрезъ хуторъ линей

ныхъ козаковъ и купили его за 75 червонцевъ (цѣна по тогдашнему времени необыкновенно высо́кая); Билозора же я помню хорошо, хоть ѣздить на немъ никогда не осмѣливался, по причинѣ безмѣрной быстроты его бѣга. Онъ такъ быстро бѣгалъ, что даже гнѣдой жеребецъ не могъ угнаться за нимъ, и не только тогда, когда Бѣлозоръ пускался во всю прыть, но и когда онъ несся рысью. Помню, однажды, въ лѣтніе сумерки, пустились мы съ Оксентіемъ въ степъ, я—на гнѣдомъ жеребцѣ, а онъ—на Бѣлозорѣ.... Какъ теперь вижу эту, обаятельную для меня, картину моего дѣтства!... вотъ-вотъ нагоню, вотъ уже гнѣдой почти достаетъ Оксентія: но Оксентій гикнетъ, Бѣлозоръ вытянетъ шею, закачается, и чрезъ нѣсколько секундъ и слѣдъ простылъ!... опять догоню—опять исчезнетъ быстроногій... только далеко впереди слышится топотъ, да что-то бѣлое дрожитъ впереди, словно призракъ ночной въ сѣдомъ туманѣ....

Вернитеся, озвитеся, лита́ мои!...

На Бѣлозорѣ совершались иногда такія, напримѣръ, поѣздки. Разъ покойникъ отецъ былъ у одного пана, верстъ за сорокъ пять или за пятьдесятъ (это было въ зимнюю пору, за мѣсяцъ или за полтора до моего отправленія въ городскую школу). Довольный, что ему удалось заключить тамъ одну сдѣлку, и немножко подгулявшій, старикъ не захотѣлъ ночевать въ гостяхъ и—послѣ ужина—домой: «торкай»!... Къ полуночи онъ былъ уже въ хуторѣ! Подвигъ этотъ Бѣлозора покажется еще громаднѣе, если съ одной стороны, припомнимъ, что ѣхали ночью и что, слѣдовательно, какъ обыкновенно бываетъ въ ночныхъ поѣздкахъ, главная тяжесть поѣздки выпала на долю коренного, а съ другой стороны, если прибавлю еще, что дорога, по которой ѣхали, была узенькая, вьющаяся въ лозахъ и очеретахъ, и что, слѣдовательно, скакуны, какъ тоже обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, больше мѣшали Бѣлозору, чѣмъ помогали.

Поѣздка эта, впрочемъ, была причиною погибели бѣднаго Бѣлозора. Пріѣхавъ домой поздно, подгулявшій старикъ, противъ своего обыкновенія, не наблюль, какъ распорядились съ изму-

ченными животными, а возница ограничился только тѣмъ, что, распрегши, прицѣпилъ ихъ къ пустымъ яслямъ и улегся спать. Жажда заставила бѣднаго Бѣлозора перервать поводъ, и прямо къ рѣкѣ, къ *ополонкѣ*... Къ утру у Бѣлозора явился *паскудникъ*, а къ вечеру бѣдняга издохъ.... Уже на что покойникъ отецъ былъ тугъ па слезы, но и онъ плакалъ надъ добрымъ животнымъ, которому и цѣны никто не умѣлъ у насъ *сложить*!... Бѣлозоръ зарытъ былъ въ глубокую яму, и пока земля сверху, не замерзла, по ночамъ стояли сторожа: этимъ почтили память добраго животнаго, чтобы собаки или волки не могли разрыть ямы и не растащили бы по лѣсамъ и очеретамъ костей, созданныхъ природою для широкихъ степей и вольныхъ раздоловъ.....

Утро [1]) было теплое; въ воздухѣ носился легкій туманъ лошади ступали тяжело, сани скользили невесело.... Словомъ, обстановка была изъ тѣхъ, которыя располагаютъ душу къ печальному, или къ *кислому*, настроенію, какъ выражаются поляки.

Сидя по прежнему у ногъ отца, я болѣе и болѣе сосредоточивался въ себѣ, съёживался, такъ сказать, и духовно, и тѣлесно... зарывался поглубже въ тулупы и угрюмо молчалъ, хотя по природѣ былъ любопытенъ и любилъ разузнавать обо всемъ, что встрѣчалось мнѣ въ первый разъ, хотя отецъ, повидимому, расположенъ былъ болтать со мною и удовлетворять моему любопытству, и новыхъ предметовъ представлялось много. Это, напримѣръ, множество обгоняемыхъ нами подводъ, ѣдущихъ въ ту же сторону, куда и мы, и нагруженныхъ дровами, очеретомъ, мѣшками съ хлѣбомъ,—чьи онѣ, куда ѣдутъ, за чѣмъ? или, что это за подводы, запряженныя не парою воловъ, какъ дѣлается у насъ, а однимъ воломъ? [2]) И какъ это смѣшно, и какое ярмо̀ смѣшное!...

---

[1]) Разсказъ о пріѣздѣ къ пану, у котораго купленъ лѣсъ, какъ проведена ночь и проч., нами пропускается, какъ непредставляющій особеннаго интереса. Здѣсь Василій Петровичъ, впервые, изъ аханій и соболѣзнованій *паніі*, болѣе или менѣе узнаетъ, что такое городское училище....

[2]) Т. е. *бовкуно̀мъ*.

Вотъ какая-то перекладина впоперегъ дороги, пестрая, на столбахъ! Мы остановились, какіе-то пьяные обыскиваютъ, нѣтъ ли у насъ водки... Вотъ потянулись по обѣимъ сторонамъ домá— я ихъ не разглядѣлъ хорошенько, не до нихъ мнѣ.... Вотъ и площадь какая-то: евреи и евреи, а тамъ какія-то длинныя *комóры*, отецъ говоритъ—лавки.... „Лавки?..." охъ, когда бъ про училище забылъ!...

Вотъ снова въ какую-то улицу,—впереди церковь, тутъ, вѣрно, гдѣ-то и училище... вѣрно, тутъ меня бросятъ...

Я перевелъ духъ тогда только, когда, у самой церкви, лошади поворотили круто направо, начали спускаться съ горы, и впереди открылись луга, поля,—видъ за городъ...

„Вѣрно, забылъ про училище!" и я сидѣлъ еще неподвижнѣе, не смѣлъ и пошевельнутся, боясь напомнить о себѣ...

На полгорѣ лошади поворотили налѣво, мѣстность становилась безлюдною—съ одной стороны оврагъ, а съ другой—высокій валъ,—и только по склону послѣдняго лѣпились еще коегдѣ небольшіе домики.... „Се вже за городъ?" осмѣлился наконецъ я отозваться.—«Направо!» раздалось, какъ бы мнѣ въ отвѣтъ, надъ головою, и лошади, свороти въ съ дороги, шагомъ пошли по тропинкѣ, прорѣзанной вдоль отлогости вала и заканчивающейся сквозными воротами....

Какъ мы въѣхали на маленькій дворъ, какъ остановились, вошли въ хату,—ничего не помню. Воспоминанія мои начинаются съ того времени, какъ мы были уже въ хатѣ и сидѣли съ отцомъ на лавкѣ.

Возлѣ насъ, съ правой стороны, стояла и чистила рыбу очень стройная дѣвушка, лѣтъ пятнадцати или шестнадцати, съ рябоватымъ отъ оспы, но довольно красивымъ и пріятнымъ лицомъ,—Устя, мой будущій врагъ и мучитель, а напротивъ насъ, за верстатью, ткачъ Хома, высокій, тощій, съ орлинымъ носомъ, съ добродушнѣйшимъ, какое только можно себѣ представить, лицомъ... съ небритою бородою и съ небольшою лысиною по самой срединѣ головы, вслѣдствіе чего верхняя ея часть напоминала нѣсколько соломенныя покрышки на ульяхъ: вверху

гладкія, закругленныя, а внизу широкія, растопыренныя,—Хома, мой будущій другъ и защитникъ отъ Усти... Устя и Хома, особенно послѣдній, очевидно, давно были знакомы съ отцомъ и разговаривали съ нимъ, какъ давно знакомые. Изъ разговоровъ ихъ я узналъ, что Устя—хозяйская дочка,—что она изъ сомовъ приготовитъ *юшку*, какое намѣреніе отецъ, большой любитель рыбы и рыбныхъ блюдъ, очень похвалилъ,—хозяинъ въ какомъ-то караулѣ, а хозяйка на базарѣ булки продаетъ...

Вообще, первое впечатлѣніе этой свѣтленькой хаты и встрѣченныхъ тамъ людей было какое то располагающее.

Чрезъ нѣсколько минутъ отецъ обратился ко мнѣ:—А ну, говоритъ, Васильку, пойдемъ!...

Мы пошли... Долго мы шли и пришли къ той церкви: инстинктъ не обманулъ меня, что училище тамъ, возлѣ этой церкви.

Вошли въ какой-то дворъ.

— Здѣсь живетъ смотритель?—спросилъ отецъ какого-то человѣка, хлопотавшаго по двору, отставнаго солдата и, какъ я послѣ узналъ, училищнаго сторожа.

«Здѣсь»!

— Дома онъ?

»Дома»!

Чрезъ нѣсколько секундъ мы очутились въ низенькой, но просторной комнатѣ, плохо освѣщенной дневнымъ свѣтомъ, и предъ нами какой-то *панъ*, тощенькій, угрюмый, съ длинными руками и узенькими полосками волосъ на щекахъ... Я сей-часъ догадался, что этотъ панъ—смотритель, какъ его назвалъ отецъ. Лѣвою рукою онъ придерживалъ полы своего стеганнаго ситцеваго халата, а правою чесалъ его спинку... Славныя это были руки! съ ними еще не разъ прійдется намъ встрѣтиться.

— Что вамъ нужно?—спросилъ панъ у отца.

Старикъ объяснилъ, въ чемъ дѣло, и подалъ какія-то бумаги. Смотрѣлъ въ нихъ, смотрѣлъ, ворчалъ-ворчалъ, и заключилъ сердитымъ: „нельзя!“

Слѣдуютъ доказательства, что—можно, но рѣчь прервана новымъ „нельзя", еще болѣе сердитымъ.

„Авось-либо!" радостно подумалъ я...

Отецъ немного подумалъ... потомъ полѣзъ въ карманъ, вытащилъ *капшукъ*, развязалъ, вынулъ нѣсколько карбованцовъ и положилъ ихъ на столъ. „Прошу", говорилъ, „покорно!".

Панъ искоса взглянулъ на столъ, потомъ, тоже искоса, но ужъ нѣсколько меланхолически, на боковое окно, и наконецъ устремилъ суровый взглядъ на меня.

— Чѳму ты учился?

Я смѣшался и началъ смотрѣть на отца.

— Кажы жъ, що ты вчывъ!

„Я училъ „О добромъ сынѣ", „Какъ Маша клала въ ротъ иголки и булавки...."

Хотѣлъ было даже разсказывать содержаніе этихъ исторій.

— Дуракъ! Ариѳметикѣ и Закону Божію учился?... Ну, какъ Авраамъ хотѣлъ заклать Исаака?

Ножемъ!" прошепталъ я едва слышнымъ голосомъ.

— „Но-жеемъ!! прошепталъ и смотритель, передразнивая меня...—Дуракъ! по повелѣнію Божію, а не ножемъ! Нѣтъ, заключилъ онъ, обращаясь къ отцу:—его нельзя принять—онъ и въ первый классъ не годится.

Отецъ молча вынулъ и положилъ на столъ еще нѣсколько карбованцовъ.

— А читать ты умѣешь?

„Умѣю!"

— И церковное умѣешь?

„Умѣю!"

— Ну, прочитай! и сунулъ мнѣ подъ носъ „Чтеніе изъ Евангелистовъ".

Я прочелъ нѣсколько строкъ.

— Хорошо! читаетъ хорошо! пожалуй въ приходское можно бы.

Снова нѣсколько карбованцовъ.

— Ну, хорошо ужъ, хорошо! Пусть ходитъ! Только вамъ надобно еще побывать у учителя: онъ *тоже добрый человѣкъ....* Чего нельзя—нельзя, а что можно—можно!.. Мы рады, если къ намъ *хорошіе* ученики...

А вѣдь, если сказать правду, его, этого смотрителя, любили и дѣти, и родители: первые потому, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ не злой человѣкъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ остальнымъ училищнымъ штатомъ, а послѣдніе, что онъ велъ дѣла свои, какъ говорится, на чистоту, не ломался, ясно показывалъ, чего нужно... А что онъ любилъ чужіе карбованцы—кто же изъ насъ не любитъ ихъ, такъ ли, или иначе?! Это ужъ у насъ въ крови, должно быть, такой порядокъ... Вѣдь правду я говорю? Моя рѣчь къ вамъ, Александръ Степановичъ и Иванъ Николаевичъ, къ вамъ А. Б. В. et cetera!

Приходимъ къ учителю. Александръ Прохоровичъ, съ трубкою въ зубахъ, сидитъ на стулѣ и, очевидно, приготовляетъ себя къ послѣобѣденному сну.

Но полно, мои друзья! на одинъ разъ слишкомъ много объ этомъ!

Когда вышли отъ Александра Прохоровича, отецъ: „Ну", говоритъ, „вотъ ты, Васильку, и въ училищѣ!"

Воротились на квартиру. . . . .

. . . .

. . . . . Начали собираться къ обѣду. По просьбѣ отца, Хома принесъ *горилки*, сѣли за столъ.

За обѣдомъ ѣли, пили, вели бесѣду: ѣли юшку съ молодыми сомами, пили горилку и вели бесѣду о чемъ? не знаю: скорбная душа моя была въ это время далеко, далеко!...

Пообѣдали.

— Запьемо жъ! говоритъ отецъ и, взявши въ правую руку *пляшку*, а въ лѣвую чарку, налилъ немножко водки и подалъ мнѣ:—Выпый!

Я не зналъ, что дѣлать.

— Выпый, выпый! сёгодня годытця тоби, сёгодня твій день.

Я выпилъ.

Отецъ снова налилъ, но уже полную чарку, поднесъ ее ко рту и тихо заговорилъ:—Царство жъ небесное моимъ родытелямъ!... не хотилы воны мене вчыть—спасыби и за те!.. А я хочу, щобъ ты вчывся—чуешъ? щобъ потихою бувъ матери на старисть....

Я заплакалъ.

— Якъ вывчысся добре и буду я на тимъ свити—згадай колы небудь и мене, нелыхимъ словомъ—не ледащо, мовъ, бувъ у мене батько!...

Я заплакалъ еще сильнѣе.

— Не плачъ, сыну, не плачъ!... не плачъ!...

Но я плакалъ и плакалъ... и изъ-за стола встали, и лошадей подали отцу, и простились мы съ нимъ, и выѣхалъ онъ за дворъ, а я плакалъ...

Но когда Хома хотѣлъ затворить ворота, я съ крикомъ бросился къ нимъ: Батюшка, батюшка, не кидайте меня!...

Старикъ послышалъ, поворотилъ голову и погрозилъ мнѣ пальцемъ!...

Первые дни въ школѣ и первая поѣздка домой [1]).

.... Погрозилъ мнѣ отецъ пальцемъ... и я онѣмѣлъ... Хома началъ было уговаривать меня итти въ хату, но я не слушался; Хома хотѣлъ увести меня насильно, но я схватился обѣими руками за ворота... И все смотрѣлъ я и смотрѣлъ на удаляющагося... А когда, за первымъ изгибомъ дороги, онъ скрылся изъ виду, въ груди у меня какъ-будто чтó оборвалось.... Я застоналъ и рыдая повалился въ снѣгъ.... Пусть Хома несетъ теперь въ хату или пусть тутъ броситъ!...

---

[1]) «Основа» 1861 г., май, 24—45.

Добрый Хома внесъ въ хату, и, положивъ на лавку, сквозь слезы принялся убѣждать; но я отворотился отъ него... И рыдалъ я до тѣхъ поръ, пока не стало ни слезъ въ глазахъ, ни стоновъ въ груди... Затѣмъ истощеніе душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, какое-то тяжелое забытье, а тамъ и сонъ... Спустился, наконецъ, благодѣтельный, на измученную скорбію мою душу, и успокоилъ ее осиротѣвшую забвеніемъ всего и всѣхъ...

Проснулся я только передъ ужиномъ, и проснулся бодрый, веселый, много болталъ... Такъ ночь послѣ томительнаго, знойнаго дня заканчивается всегда восхитительнымъ утромъ, освѣжительною росою... Но когда пришла пора ложиться спать, когда я увидѣлъ, что не Васька стелетъ мнѣ постель, а Хома, и что не мать собирается укладывать меня, а тотъ же Хома, добрый Хома, ласковый, а все таки не мать! и не *попестывъ* (не поласкалъ) меня на ночь, не поцѣловалъ... И когда я услышалъ еще слова Усти: „На що ему стелешъ, вкладаешъ, якъ маленьку дытыну? Хиба не чувъ“, говоритъ, „що татусь просывъ до всёго прывчать!“, и слова хозяйки: „Себе знай, ледача!“ слова, повѣявшія на меня женскимъ заступничествомъ, такъ легко вызывающимъ наружу дѣтское горе,—слезы снова полились у меня... и я плакалъ, долго плакалъ, тоскливо припоминая то сцену разставанья съ матерью, тамъ, дома, въ свѣтлицѣ.... то образъ удаляющагося и грозящаго мнѣ пальцемъ отца... нѣтъ ли чего, подающаго хоть какую-нибудь надежду.... Нѣтъ, нѣтъ, ничего нѣтъ!... „Покынулы мене, вси покынулы!...“

Таковъ былъ первый день моего пребыванія межъ чужими людьми! Такова почти была и слѣдовавшая за нимъ ночь! Всю ночь мнѣ видѣлись: то столъ, съ кучкою карбованцовъ на немъ, а за столомъ смотритель, предлагающій вопросъ: „А какъ“, говоритъ, „Авраамъ хотѣлъ убить Исаака?“ то учитель Александръ Прохоровичъ, пыхающій мнѣ подъ самый носъ какимъ-то табачнымъ дымомъ; то Устя, всѣмъ толкующая: „Нехай самъ привыка, нехай до всёго привыка!“—и я сжимался и сжимался, какъ-будто спрятаться хотѣлъ въ постели, вскрикивалъ со сну....

Но не покинули меня, не покинулъ меня мой старикъ! Просыпаюсь на другой день утромъ,—на лавкѣ сидитъ и разговариваетъ съ хозяйкою и съ Хомою... Всѣ сны, всѣ страданія забыты... „Батюшка!“ и, какъ былъ въ постели, къ нему, прижался къ колѣнямъ, охватилъ обѣими руками...

— Що се, що се!.. такый велыкый, та пестытьця!..

А между тѣмъ одну руку мнѣ на шею, прижимаетъ къ колѣнямъ, а другую на голову, тихо гладитъ...

— Головка не болыть?

„А мама де?“ поднявъ голову, чтобы взглянуть ему въ лицо.

— Я дома не бувъ....

Снова опустилъ голову и еще крѣпче прижался къ его колѣнямъ, а онъ снова...

„Нѣтъ, говорю, не болитъ!...“

Кажется, не повѣрилъ, принялся ощупывать голову, грудь, въ особенности лѣвый бокъ, около сердца...

— Може ты, говоритъ, плакавъ?... Чы ни плакавъ, винъ?— къ Хомѣ, хозяйкѣ, Устѣ...

Устя захохотала.. я и дыханіе притаилъ, когда-то, когда я учился еще у дяди, высѣкъ онъ меня больно за слезы подобнаго рода!

Старикъ, впрочемъ, какъ-будто не слышалъ хохота, снова спросилъ, обращая на этотъ разъ вопросъ прямо къ Хомѣ.

„Ни, не плакавъ!“ отвѣтилъ добрый Хома: „чого-бъ же ёму плакать?...“

— Коли не плакавъ, то розумный!... й маты не буде плакать, недужать!...

— — —

..... Послѣ завтрака отецъ велѣлъ одѣться:—Въ училище, говоритъ, одведу!...

Я надѣлъ сюртучокъ, кожушокъ; завязалъ какія были у меня, книжки въ платокъ.

„Помолимся же Богу!“ началъ креститься...

Я послѣдовалъ его примѣру.

— Зъ Богомъ... прощавайте!

„Прощавайте!“ Хома и хозяйка. „Нехай вамъ Богъ помага!“

Проводили обое до самыхъ воротъ...

— — —

Учителя сидѣли по классамъ, когда мы пришли въ училище: такъ объявилъ намъ одинъ изъ учениковъ, бывшій на крыльцѣ и почему-то предпочитавшій прыжки на генварьскомъ морозѣ сидѣнію за скамьею... Сторожа же на лицо не имѣлось: и въ этотъ день, какъ и въ каждый день послѣ, во все время смотрительствованія тогдашняго смотрителя, онъ былъ на смотрительскомъ дворѣ, занимался тамъ разными домашними занятіями, конечно, не своими...

— Гдѣ, спрашиваетъ отецъ у школяра, такой-то учитель?

„Тамъ!“ отвѣчаетъ тотъ, указывая на одну изъ дверей взглядомъ и движеніемъ головы,—руки заняты были согрѣваніемъ ушей.

— Какъ бы его вызвать?

„Надо постучать въ дверь.... А вы развѣ хотите его вызывать?

— Да!

„Такъ обождите немного!...“ и школяръ съ крыльца, и стрѣлой черезъ дворъ, и въ какой-то сарай...

Старикъ искоса посмотрѣлъ на улепетывающаго школяра, взглянулъ потомъ мелькомъ на меня... вошелъ въ сѣни и постучалъ довольно громко въ дверь.... Дверь тихонько скрыпнула, и изъ-за нея—какъ-будто слизнячокъ вынырнулъ...

— Зачѣмъ ты такъ громко стучишъ? Учитель *сердятця!*—но потомъ, замѣтивъ, вѣроятно, у меня книги, мягче:—Кого треба?

„Вчителя вашого!...“

Слизнячокъ смѣшался....

— Такъ можна выклыкать вашого вчителя?

„Заразъ, заразъ! пидождить трошечки!...“

И скользнулъ за дверь, какъ-будто она и не отворялась...

— — —

Наконецъ Александръ Прохоровичъ явился въ сѣни.... Поздоровавшись съ отцомъ и узнавъ, зачѣмъ пришли, велѣлъ мнѣ итти въ классъ, а самъ остался съ старикомъ въ сѣняхъ...

Я пошелъ въ классъ, споткнулся на порогѣ, поднялъ голову....

Головы и головы рядами... всѣ смотрятъ, улыбаются, насмѣшливо перешептываются.... „Село, село!"

Я растерялся, и, самъ не зная, что дѣлаю, и къ заднимъ скамьямъ, чтобы не чувствовать непривѣтливыхъ взглядовъ....

— Куды, село!!. кто-то изъ средины...

Какъ заяцъ, налетѣвшій на выстрѣлъ, я отпрянулъ, а весь классъ: ха, ха, ха!!!..

Въ головѣ шумитъ, линіи насмѣшливыхъ взглядовъ и хохочущихъ ртовъ мѣшаются, перепутываются, уходятъ въ глубь, ничего не вижу.... только хохотъ, да тяжелый мракъ.... тоска въ душѣ безпредѣльная!...

О, друзья мои, много въ дѣтской натурѣ есть жестокаго!..

Да, тяжело вступать въ храмъ познанія такими дверями, какими я вступилъ и какими тысячи мнѣ подобныхъ, можетъ быть, вступали!... Тяжело даже вспоминать объ этомъ!... Горькое прошлое, сглаженное въ своихъ угловатостяхъ временемъ и облитое милымъ свѣтомъ отдаленнаго и счастливаго дѣтства, пріятно вспоминается мнѣ всегда, даже пріятно было мнѣ вспоминать о моемъ первомъ прощаньи съ матерью; но тутъ и вспоминать тяжело!... Рана, нанесенная сердцу въ дѣтствѣ, еще не успѣла совсѣмъ закрыться, хоть съ того времени много-много утекло уже воды изъ нашихъ рѣкъ и рѣчекъ въ Черное море! я дотронулся до больного еще мѣста....

Не будемъ же дотрогиваться до такихъ мѣстъ! А если бы гдѣ понадобилось непремѣнно, будемъ дотрогиваться помягче! Зоркое око и по наружному виду распознаетъ великость язвы и силу нанесеннаго удара, а съ зрѣніемъ близорукихъ—пусть кто другой носится, а я умываю руки! не чувствую въ себѣ къ подобному дѣлу ни малѣйшаго призванія!.. Да и вообще, будемъ веселѣе! веселіе—свѣтъ!...

— — —

Сколько я ни стараюсь вызвать воспоминаніемъ, что происходило въ классѣ послѣ описанной мною сцены,—т. е., какъ учитель вошелъ въ классъ, что я тамъ дѣлалъ, или что со мною дѣлалось,—ничего не помню: мракъ, мракъ и мракъ! Помню только, что, когда выпустили изъ класса, я опрометью бросился на квартиру и, не нашедши тамъ отца, рыдалъ еще сильнѣе вчеряшняго....

Таковъ былъ второй день моего пребыванія между чужими людьми!..

На третій день отецъ опять пріѣхалъ ко мнѣ утромъ и, отведши меня въ классъ, опять исчезъ. На четвертый день явился онъ уже послѣ обѣда и провелъ со мною около часу; на пятый—вечеромъ, тоже не болѣе какъ на одинъ часъ... А потомъ уѣхалъ домой и уже цѣлыхъ двѣ недѣли ко мнѣ не являлся.

Что со мной дѣлалось въ эти двѣ недѣли, почти ничего не помню; помню только: первую встрѣчу съ своимъ хозяиномъ, помню, какъ Устя утѣшала меня въ тоскѣ, и помню, какъ я возвращался обыкновенно изъ школы на квартиру.

Первая встрѣча съ хозяиномъ была на третій день пребыванія моего въ городѣ. Пришедши изъ училища, я сидѣлъ возлѣ стола и ожидалъ, пока дадутъ обѣдать.

— Отъ, говоритъ Устя, выглянувъ въ окошечко: и татусь идуть!

Я бросился и себѣ къ окошку...

Солдатъ идетъ—было первое впечатлѣніе; но оно было мгновенно, и его тотчасъ закрыло другое впечатлѣніе: у солдата что-то на лѣвой ногѣ, какая-то огромная, изъ бѣлаго войлока, *кéндя*.... [1]) „Что это за кендя?... Зачѣмъ она?.... И только одна!...“ и открылъ даже окошечко, чтобы лучше поглядѣть, какъ она плыветъ по снѣгу, въ сѣни...

„А, въ сѣни!“ и отъ окошечка.... началъ глядѣть на порогъ...

---

[1]) Кенга.

Дверь скрыпнула, поднимается *кендя* и шлёпъ черезъ порогъ!...

Снова поднимается, и снова шлёпъ!... шлёпъ, по хатѣ шлёпъ!.. какъ какая-то лягушка пузатая!...

Я захохоталъ!...

— Вишъ, якый винъ! раздалось у меня надъ самою головою.

Я сконфузился... поднялъ голову: меня разсматриваетъ— какое добродушное лицо!... Солдатская фуражка, по усамъ и бакенбардамъ—снѣгъ; бѣлая шинель, фертомъ въ бока... а внизу все таки эта кѐндя... Ахъ какая она смѣшная!...

Второе воспоминаніе тусклѣе выдвигается въ моей памяти. Помню только, что когда бывало затоскую крѣпко, и хозяйка велитъ Устѣ пойти со мною гулять,—Устя водила меня на базаръ и угощала тамъ... т. е. брала изъ моего кармана деньги, пока водились еще данныя матерью и оставленныя отцомъ, покупала на нихъ *маковники*, или другія лакомства, ѣла ихъ и мнѣ иногда удѣляла: „На", говоритъ, „покоштуй—воно смашне!..."[1] И я коштувавъ, крѣпко всегда недоумѣвая, отчего она ѣстъ лакомства, а я только коштую, а не я ѣмъ ихъ, а она только коштуетъ!... „Може воно такъ и треба!" думалъ я, „може тутъ таки звычаи!"

Зато третье воспоминанье рѣзко выдвигается изъ памяти— какъ-будто это еще вчера со мною было.

Я лечу и лечу, вырвавшись изъ школы! не бѣгу, а лечу! и на другой день такъ, и на третій... Сзади хохочутъ школяры; прохожіе указываютъ пальцами: „Народныкъ"[2], говорятъ, „втика! народныкъ втика!..." собаки гонятся за мною, духъ у меня захватываетъ, а я лечу и лечу!... Куда?.. гдѣ мнѣ будетъ теплѣе, куда инстинктъ поведетъ!...

Устя однажды стала было ему, инстинкту этому, на перепутьи, но что-то другое стало на перепутьи, и я не погибъ...

---

[1]) Отвѣдай—оно вкусное.

[2]) Ученикъ *народнаго* училища. Уѣздныя училища, какъ извѣстно, назывались прежде народными.

— Оце дурный!—сказала она мнѣ однажды, видя, какъ я лечу изъ училища:—Колы вже тикать [1]), такъ тикавъ бы въ свій хутиръ!—и засмѣялась своимъ бездушнымъ смѣхомъ....

„Втикать [2])? втикать додому?“ подумалъ я: „Чувъ я, що втикають, и що....“—и мнѣ страшно стало: я съ ужасомъ отворотился отъ этой мысли... Но въ особенно тяжелыя для меня минуты, какъ демонъ-искуситель приходили мнѣ на мысль слова Усти и манили мое воображеніе картинами жизни въ хуторѣ, на свободѣ...

Почему тутъ дѣло не дошло до исполненія, рѣшительно не могу объяснить: время давнее, да и мудрено въ подобныхъ случаяхъ распознавать главные мотивы дѣйствованія дѣтской души отъ второстепенныхъ. Помню только, что однажды, когда особенно мнѣ тяжело было и когда особенно долго занимала меня мысль: „Чомъ же? хиба гирше [3]) буде, якъ оце?..“—такой приснился мнѣ сонъ... Смѣетесь? Не смѣйтесь! Вообще, сны въ нашей жизни важнѣе занимаютъ мѣсто, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ, или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ мы обыкновенно сознаемся; а у дѣтей—они въ числѣ сильныхъ двигателей ихъ дѣйствій, и въ особенности у дѣтей съ живою натурою и пріученныхъ оглядываться во всѣ стороны, отовсюду выводить заключенія.

Мнѣ снилось, будто я въ училищѣ, живу на той же самой квартирѣ и проч.—словомъ, вся обстановка тогдашней моей дѣйствительности,—и по окончаніи уроковъ, пустился летѣть.... но не туда, куда я обыкновенно леталъ прежде, а въ другую сторону, и не по землѣ, а по воздуху,—надъ домами, церквами, садами.... Вотъ уже и городъ назади, я уже лечу надъ лѣсами и глубокими ярами....

Вдругъ:—„Васыльку, Васыльку!“ надо мною.

Поднимаю голову—надо мною бѣлое облако, а на облакѣ—бабушка...—„Куды ты, дытыно моя?“—Додому“! говорю.—„Додому?.... Ой не лети, моя дытыно, додому!“ убѣждать меня

---

[1]) и [2]) Уходить—[3]) Хуже.

начала, доказывать, разсказывать, что ожидаетъ меня.... „Ты", говоритъ, не „долетишъ, устанешь, сядешь отдохнуть...."

„А покы бъ ты отдыхнувъ, знайшовъ якый чоловикъ и до отамана....

— „Що ты за хлопець?" спытавъ бы отаманъ—сказавъ— „Чого жъ ты?"

— „Не знаю!—бо якъ же", говоритъ, „сказать, що ты выдтыля.... [1]) изъ миста... [2]) наветъ заклявся бъ, забожывся... Ой, не литай, Васыльку, не литай додому николы!... [3]) И одиславъ бы тебе", продолжала далѣе, „отаманъ до батька... и звеливъ бы... „Може лакизка" [4]), дума, „втикъ,—знову втече, лыха [5]) набижышъ"... И такъ по селамъ звязаного.... хуторомъ: „Втикачъ", [6]) кажутъ, „втикачъ, втикачъ!"...

Я вздрогнулъ, проснулся облитый холоднымъ потомъ, съ невыразимою тоскою въ душѣ...

И теперь невольная дрожь пронимаетъ меня, когда я при-припоминаю этотъ сонъ, и когда подумаю, какъ я близокъ былъ ко всему, что пророчило мнѣ сновидѣніе! И случись все это,—много-много язвъ нанесено было бы моему сердцу, и много стыда исчезло бы изъ дѣтской души... А тамъ—дальше и дальше!.. И кончилъ бы я, можетъ быть, такъ, какъ кончилъ—помните, мои школьные товарищи?—школяръ Гуря, начавшій тоже бѣгствомъ домой... И не писалъ бы я, можетъ быть, своей автобіографіи, какъ теперь ее пишу, а выводилъ бы, можетъ быть, красивыя какія-нибудь литтеры въ какой-нибудь некрасивой полковой канцеляріи, или выписывалъ заступомъ въ какой-нибудь таинственной шахтѣ таинственныя дорожки... И мало ли еще чего не могло случиться со мною!.. И кто же этотъ невѣдомый, или что это за невѣдомое, недопустившее случиться всему этому, ставшее на перепутьи Устѣ?... Или я еще не успѣлъ тогда выпить чаши огорченій до дна? душевная сила? случай?.. мое незнаніе дороги домой?... Или въ самомъ дѣлѣ эта картина ужаснаго будущаго, промелькнувшая предъ моими духовными очами

---

[1]) Оттуда.—[2]) Изъ города.—[3]) Никогда.—[4]) Лакеишка.—[5]) Бѣды. [6]) Бѣглецъ.

сквозь таинственное окошечко сновидѣній?... Богъ вѣсть, Богъ вѣсть!

О, добрые земляки мои! учите своихъ дѣтей ласковѣе и привѣтливѣе встрѣчать новоприбылыхъ товарищей!... пусть остроуміе свое надъ ними упражняютъ послѣ, когда новоприбылые оботрутся уже, станутъ въ школѣ, какъ у себя дома, могутъ имѣть своихъ сторонниковъ и, слѣдовательно, могутъ бороться равнымъ оружіемъ! Я бы попросилъ объ этомъ и педагоговъ, но это не по ихъ части, а начальствующихъ просить—у начальства и безъ того много разныхъ серьезныхъ, очень серьезныхъ обязанностей!...

— — —

И долго я леталъ изъ школы на квартиру! и леталъ бы, можетъ быть, и долѣе, еслибъ не приняла во мнѣ участія одна добрая женщина... Разсказомъ объ этой женщинѣ,—кто она была, какое она приняла во мнѣ участіе, и какія послѣдствія для меня имѣло вмѣшательство ея въ мою судьбу,—я забѣгаю нѣсколько впередъ въ своей автобіографіи, но да будетъ тако! надобно съ этимъ предметомъ покончить по возможности полнѣе, чтобы потомъ къ нему не возвращаться.

Въ одномъ со мною классѣ, т. е. въ приходскомъ, былъ у меня товарищъ, по имени Иванъ... По фамиліи я его не назову вамъ Ивана--по разнымъ причинамъ, да и потому, что и никто почти въ классѣ не называлъ его по фамиліи... У насъ,—вы, можетъ быть, знаете давніе наши обычаи школьные: лишь попадется, бывало, межъ насъ какая особенная личность,—прощайся она съ своимъ предковскимъ прозваніемъ! Ее будутъ называть пятью, шестью прозвищами, сочиненными тутъ же, но настоящимъ—никогда. Къ числу такихъ личностей принадлежалъ и нашъ Иванъ. Во первыхъ, Иванъ имѣлъ фамилію, которая рифмовалась съ его именемъ Иванъ, и съ словами *галаганъ*, *тарканъ*,—его звали Иванъ Галаганъ, Иванъ Тарканъ; потомъ Иванъ имѣлъ лицо, усыпанное веснушками,—его звали за это Иванъ Горобыне-Яйце, Иванъ Сороче-Яйце; онъ былъ маленькаго роста—его звали Иванъ Знисокъ... Иванъ былъ страшный охот-

никъ подраться на-кулачки, и когда дрался, прыгалъ въ глаза и все норовилъ, какъ бы *лихтари посвитыть* подъ глазами, или *паскудникъ збить* [1]) съ носа,—его и звали Иванъ Оса или Иванъ Слёта [2]); у Ивана, когда сердился, волосы щетинились, и весь онъ какъ-будто щетинился и раздувался,—его окрестили за это *ижакомъ, иршемъ* (ёжъ, ёршъ); у Ивана были рыжіе волосы—учители звали его Рудая шельма, а учитель Лепѣкинъ изъ Калужской губерніи,—Рыжая бестія... Словомъ, сколько особенностей, выпуклостей было въ Иванѣ, столько и прозваній, и каждый крестилъ его по той особенности, которая больше кидалась ему въ глаза, или не гармонировала съ его понятіями о нормальности человѣческой натуры. И не думайте, чтобы Ивана не любили. Напротивъ, его очень любили даже учители,—за его доброту сердца, за какой-то рыцарскій и вмѣстѣ веселый характеръ, за умъ бойкій и за какое-то чрезвычайно пріятное, влекущее, открыто-сердечное выраженіе утыканнаго веснушками его лица. А ужъ я какъ его любилъ!! Потому и буду называть его просто по имени, Ивасемъ, какъ я звалъ его въ школѣ.

У Ивася былъ отецъ, отставной солдатъ, угрюмый старикъ, съ сабельнымъ рубцомъ на щетинистой сѣдой головѣ, и безъ двухъ пальцевъ на лѣвой рукѣ, и была мать, женщина съ блѣдно-жолтымъ лицомъ. Отецъ этотъ былъ отецъ многочисленнаго семейства, и обладалъ въ высшей степени искусствомъ добывать льняное и конопляное сѣмя въ своей *олійныци*, что не

---

[1]) *Паскудникъ*—лошадиная болѣзнь; *сбить паскудникъ*—пустить лошади кровь *съ храпъ*. Отсюда перенесено выраженіе къ тѣмъ случаямъ, когда разшибается носъ до крови, на кулачкахъ и проч.

[2]) *Слётою* называется человѣкъ, лѣзущій къ вамъ съ прозьбою и проч. такъ, что нельзя отъ него отвязаться,—словомъ, *якъ слётá*. Какой корень этого слова, или что собственно имъ обозначается,—т. е. какой предметъ или какое живое существо—не знаю. Должно быть, первоначальное значеніе слова утратилось, а осталось только переносное. Слёта—какъ-будто *оводъ*, велико-русскій *слѣпень*,—что-то въ этомъ родѣ.

только давало ему возможность содержать безбѣдно себя и свое семейство, а отцовскій грунтъ въ приличномъ положеніи, но даже давало возможность обзавестись нѣкоторыми жизненными удобствами, конечно, по своему состоянію: купить и держать коровъ, расширить прикупкою и умножить посадкою деревъ свой садъ и т. д. Мать же Ивасева была—отличная мастерица приготовлять вареники съ *гурдою* [1]) и капустою, добрая, жена, добрая мать семейства, хорошая хозяйка, женщина въ высшей степени нѣжнаго и впечатлительнаго сердца и, когда желчь не одолѣвала ея, деликатности необычайной. Эта-то женщина, мать Ивасева, и приняла во мнѣ участіе.

Живя въ сосѣдствѣ съ моими хозяевами, она тотчасъ узнала, что на ихъ *кутку* явился новый обитатель, *народникъ*, и что этотъ народникъ живетъ у Решѣтки. Да и какъ было не узнать ей объ этомъ! Такое важное событіе, какъ появленіе тамъ новаго обитателя,—да объ этомъ если не въ самый день моего пріѣзда въ городъ, послѣ того, какъ Устя сходила вечеромъ къ колодцу по воду,—такъ по крайней мѣрѣ на другой же день, послѣ всеобщей сходки на *мисти* [2]), затараторили по всѣхъ хатамъ этого захолустья всѣ наймычки, хозяйскія дочки и самыя хозяйки, что молъ такъ и такъ, такой и такой у него отецъ, на такихъ и такихъ лошадяхъ пріѣзжалъ, и т. д.! Отъ Ивася, она узнала, какъ я встрѣченъ былъ школярами, какъ по окончаніи классовъ улетаю домой, и т. п... Ея нѣжное сердце было тронуто моимъ одинокимъ положеніемъ въ кругу товарищей... и, какъ я узналъ объ этомъ послѣ отъ самого Ивася, она крѣпко пожурила его, что онъ вмѣстѣ съ другими преслѣдуетъ меня насмѣшками, и велѣла непремѣнно познакомиться со мною, защищать меня. Ивась, конечно, готовъ былъ исполнить приказаніе матери, но познакомиться со мною онъ не имѣлъ никакой возможности: входилъ я въ классъ почти вмѣстѣ съ учителемъ, а на дворѣ и на улицѣ никто изъ школяровъ не могъ ко мнѣ

---

[1]) *Гурда*—начинка, извѣстнымъ образомъ приготовленная изъ *макухи*. Что значить *макуха*—объяснено ниже.

[2]) На рынкѣ.

приблизиться, потому что я уходилъ отъ всѣхъ, какъ отъ чумы, и ноги у меня, какъ у мальчика-степняка, были быстрѣе, чѣмъ у народниковъ-горожанъ, и даже у селянъ, непріученныхъ къ бѣганью и ходьбѣ, какъ насъ пріучалъ отецъ. Узнавъ о неудачныхъ попыткахъ Ивася сблизиться со мною, мать его обратилась къ слѣдующей стратагемѣ.

Въ одно прекрасное воскресенье (это было на второй или на третьей недѣлѣ великаго поста), выслушавъ обѣдню въ приходской церкви, она воротилась домой и стала поджидать, пока выйдутъ изъ соборной церкви, въ которую обыкновенно водили насъ, школяровъ... Къ этому времени, она вышла со двора и остановилась у угла, образуемаго дорожкою, ведущею ко двору моихъ хозяевъ, и уличкою, ползущей въ гору, къ дворамъ, расположеннымъ выше хозяйскаго двора, а въ томъ числѣ и къ ея собственному.

Вотъ она тамъ себѣ стоитъ, опершись локтями на плетень, и будто что-то за нимъ разсматриваетъ, а я тѣмъ временемъ изъ церкви лечу... Добѣжавъ до поворота къ хозяйскому двору и почувствовавъ себя свободнымъ отъ всякой опасности, т. е. отъ опасности встрѣтиться съ какимъ-нибудь школяромъ,—я пріостановился перевести духъ и, по обыкновенію, оглянуться, далеко ли остались всѣ эти разные... чужіе...,—какъ съ боку у меня: — Чы ты, будь ласкавъ, хлопчыку, не Билокопытенкивъ!

Я отпрянулъ въ сторону, какъ-будто выстрѣлили у меня подъ самымъ ухомъ, и быстро обернулся... Ничего, ласково улыбается, кажется, не думаетъ гнаться!.. должно быть, что-нибудь разсматривала за плетнемъ...—и я быстро пробѣжалъ по немъ взглядомъ—что тамъ? не видно ли въ скважины?...

„Билокопытенкивъ!..“

— Тымъ бо то!.. Я тильки,—говоритъ,—глянула,—заразъ пизнала: якъ дви капли воды—матуся!..

И такъ ласково улыбается,—мнѣ и въ голову не прійди, что я, какъ увѣряютъ домашніе, вылитый отецъ, а на мать нисколько не похожъ.

Здоровенька вона?

— Здоровенька!

„Слава тоби, Царыце небесная!... Однако, що це мы не прывитаемось! [1])—Съ улыбкою подошла ко мнѣ.

Я робко снялъ шапку; мы поцѣловались.

— Якый же ты, сынашу, моторный! и т. д. и т. д.

Словомъ, устроила мое знакомство съ Ивасемъ!

Благодарный тебѣ вздохъ, добрая, если ты жива! а если уже почиваешь въ могилѣ, подъ густою тѣнію пышныхъ яблонь и роскошныхъ липъ Толочанскаго кладбища, миръ праху твоему. Твой добрый примѣръ научилъ меня, и я пригрѣлъ нашего Нетямущого, какъ ты пригрѣла мою запуганную и уединившуюся душу, и ввелъ его въ кругъ товарищескій, какъ ты ввела меня въ него чрезъ своего Ивася. Только не съ такимъ тактомъ и умѣньемъ поступилъ я съ Нетямущимъ, какъ ты поступила со мною! Да и гдѣ, впрочемъ, равняться медвѣжьей мужской лапѣ съ нѣжною женскою рукою, да еще такой лапѣ, какъ моя!... Нетямущій былъ—мальчикъ веселенькій какъ ласточка, живой какъ *горобчикъ* [2]).... острая и низко остриженная черная голова, черныя брови и глаза, щечки пунсовыя, пухленькія внизу, *кожушокъ* назадъ оттопырившійся.... Словомъ, маленькая птичка веселенькая, подняла крылышки, рвется впередъ, за кормомъ!... Такимъ влетѣлъ онъ въ первый разъ и въ классъ,—къ тому, къ другому, заливается, болтаетъ, щебечетъ!... Но тамъ его оттолкнули, тамъ захохотали, тамъ отворотились—конфузится, бѣдненькій, еще больше сжимается, притаился въ углу!... А урокъ кончился,—изъ класса, и, онъ, какъ я во времена оны, летомъ домой!... сегодня такъ, завтра, послѣ-завтрего.... Припомнилъ я, добрая, твой примѣръ, и умудрился!... Жолчно ты насмѣхалась надъ моею неловкостью и грубостію, но и много зато меня ласкала и кормила лакомствами... Выбралъ день, и выскочивъ прежде Нетямущаго изъ класса, засѣлъ за первымъ угломъ.... а когда тотъ, ничего не подозрѣвая, налетѣлъ,—я, какъ коршунъ

[1]) Не здороваемся.—[2]) Воробушекъ.

на него, за кожушокъ... Вырвался,—догналъ, снова за кожушокъ, и о землю... Пищитъ бѣдный мальчикъ! „Що я“, говоритъ, „тоби так заподіявъ!“ [1])...—„И я“, отвѣчаю, „ничого не заподію, ходы тильки зо мною, не бійся мене!“... И подружились мы потомъ, особенно, когда я вытащилъ его изъ рѣки, а онъ чуть не топилъ меня при этомъ...

Миръ же, говорю, праху твоему и костямъ твоимъ, добрая!.. а если ты жива еще—благодарный тебѣ вздохъ!..

Знакомство съ Ивасевою семьею было для меня, во многихъ отношеніяхъ, благодѣтельно. Это было единственное въ городѣ семейство, гдѣ я былъ не чужимъ и гдѣ, слѣдовательно, могъ участвовать во всѣхъ радостяхъ и печаляхъ семейной жизни и поддерживать ту внутреннюю теплоту, которою никакими средствами не напитаешь сердца дитяти, живущаго обособленною жизнію, и выросши безъ которой, сердце наше никакимъ образомъ не можетъ становиться въ уровень—ни съ лучшими стремленіями своего времени, ни съ нуждами и воздыханіями народныхъ массъ: человѣкъ, выросшій безъ такой теплоты, все только будетъ вращаться или около порожденій грязныхъ или, по крайней мѣрѣ, мелочныхъ страстишекъ, или около фикцій, ни къ небу не стремящихся, ни къ землѣ неприкрѣпленныхъ.—Тутъ же, въ семьѣ Ивася, при нуждѣ, мнѣ не отказывали въ кускѣ хлѣба; а раздавали дѣтямъ лакомство,—маковниковъ, напримѣръ, мать приносила съ *миста*, доставала изъ *хыжи* [2]) куски маковой *макухи* [3]), такъ любимой, бывало, нами, *бычка* [4]) дѣлалъ старикъ въ своей *олійныци* и давалъ дѣтямъ,—меня тоже не обходили. А ужъ садъ просторный и тѣнистый для гулянья, яблоки и *дули* [5]) доставать съ деревьевъ,

---

[1]) Сдѣлалъ, причинилъ зло.—[2]) Кладовая въ хатахъ, входъ въ которую изъ сѣней.

[3]) и [4]) *Бычкомъ* называется комъ толченаго и поджареного въ *олійныци* конопляного сѣмени. Лакомствомъ этимъ подчивають у насъ обыкновенно дѣтей, во время самаго добыванія масла. *Макухою* называется твердая масса выжимокъ, остающаяся послѣ добыванія масла.

[5]) Лучшаго сорта груши, имѣющія продолговатый видъ.